

**ИГРА
СТОИТ
ВНИМАНИЯ**

Саманта Гуджер

Всю жизнь люди говорили семнадцатилетней девчонке-сорванцу Эмме Врангтон, что она недостаточно хороша, недостаточно умна и недостаточно сильна, чтобы преуспеть в жизни. Где-то в процессе этих убеждений она начала в это верить. Без обещаний о великом будущем после окончания школы, все, чего Эмма хочет в свой выпускной год — это играть в баскетбол с ребятами и проводить максимум времени со своим лучшим другом, прежде чем тот уедет в какой-то высокочеловеческий университет, оставив ее одну. Но когда тренер средней школы включает ее в команду по баскетболу (девчачью команду!), Эмма обнаруживает, что жизнь — это нечто большее, чем броски мяча в корзину. Как ей влиться в компанию девушек, если она всегда была своей только среди парней?

Саманта Гуджер

Игра стоит внимания

Серия: Стоящая игра — 1

Глава 1

Если бы взгляды могли убивать, новый парень был бы уже мертв. Эмма сделала шаг к нему, ее взгляд был тверд.

— Извините?

Майк, новый высокомерный парень, которому необходимо поиграть в субботу утром, в баскетбол в парке. Эмма стояла напротив него, как будто он волк, а она жертва.

— Я сказал, что ты не похожа на баскетболистку.

Отвращения в его глазах было достаточно для Эммы, она знала, что он тот парень, который не присядет с девушками и точно не будет играть с ними в баскетбол. Его высокомерная улыбка бесила ее.

— Почему бы тебе не поиграть в баскетбол позже, а пока можешь поболеть за нас со стороны.

Том закрыл глаза и покачал головой. Джерри вздрогнул, а остальные ребята подавились смехом. Райли схватил ее рубашку и оттащил ее подальше от Майка. Лицо Эммы исказилось от гнева, руки сжались в кулаки, и ее рот сжался в тонкую линию, чтобы предотвратить поток бранных слов.

— Эм, — сказал Райли не в силах скрыть улыбку. — Успокойся.

— Успокойся? — Прорычала она. — Во-первых, он говорит, что я не похожа на игрока, а после он говорит, что я дилетант. Кто сделал его главным? — Эмма сделала шаг в направлении Майка с целью дать своему кулаку говорить от ее имени, но Райли дернул ее обратно на свою сторону.

Почему новые ребята всегда против играть в баскетбол с девушкой? Одна вещь, которую она знала наверняка, что на баскетбольной площадке она одна среди ребят. Если Майк хотел быть болельщиком, он мог бы одеться в скучную юбку, взять помпоны и поболеть за себя. Джерри откашлялся.

— Теперь, когда мы все встретились, как насчет того, чтобы поиграть? — Он бросил баскетбольный мяч Эмме и повернулся к Майку.

— И просто для удовольствия, ты можешь защитить Эмму, — сказал он, не в силах скрыть улыбку на его лице.

Ее губы скривились в улыбке. Отлично. Она ничего не хотела больше, чем доказать Майку, что не все девушки неженки, а мальчики не единственные, кто превосходно играют в баскетбол. Она освободилась от захвата Райли, чтобы встретить свою жертву на половине площадки. Райли последовал ее примеру.

— Эмма. — Предупреждение в голосе. Он пытался образумить ее.

— Да, да, я знаю, — сказала она, отмахиваясь от него, — вести себя надо лучше.

Он встал перед ней, заставляя ее посмотреть на него.

— На самом деле, я собирался сказать, будь осторожна. Этот парень выглядит так, будто он мог раздавить тебя голыми руками.

Эмма посмотрела на Майка. Конечно, он был размером с лесоруба, его руки шириной с ее тело, но она не волновалась. Он заслуживает маленького урока о смирении.

— Ты знаешь, что говорят, — сказала она, сжимая в руках мяч в ожидании вызова, — чем больше человек, тем труднее ему двигаться.

Райли покачал головой и присоединился к остальным ребятам. Ребята включая Райли,

Тома, Джерри, Бена, Алекса, Су, Карсона, и Эммы. Да, она была одной из них. Тот факт, что она была девушкой, не делал игру более слабой, но усиливал площадку из-за её баскетбольных навыков. Майк не знал, что столкнувшись с ним девушка не будет доказывать, что она баскетболистка, а не болельщик.

Майк заметил, что ребята выстраиваются вдоль боковой линии, а не как принято в игре. — Эй, ребята, что вы делаете? Я думал, что мы собирались играть.

— Вы первые. — Том махнул в сторону Эммы. — Считайте, что это ваше посвящение.

Держа мяч в положении тройной угрозы, Эмма смотрела в глаза ее защитника. Детская наивность. Неудачница. Бедная девушка. Она была хорошо осведомлена о ярлыках, которые люди вешали на неё. Она знает свою внешность, помнит, как проходя по школе она слышала их оскорбления, сказанные якобы шепотом, чувствовала их осуждение. В школе, где девяносто процентов студентов происходят из семей с огромным количеством денег, Эмма была словно дикобраз среди лебедей, и не в хорошем смысле.

Эмма была мальчиком на баскетбольной площадке. Шорты висели на бедрах, ее футболка была размером слишком мала, а ее светлые волосы были завязаны в узел на голове, концы торчали в разных направлениях. Да, ее семья была бедной. Да, она носила вещи своих братьев. Да, большинство детей в школе ненавидели ее по причинам, которых она не понимала. Эмма не волновалась. Она могла играть в баскетбол — это все, что имело значение для нее.

Она посмотрела на Райли. Он стоял на обочине, скрестив руки на груди и не отрывая глаз от нее, на случай если грубость в лице Майка перейдет границу и он должен будет вмешаться. Это случилось только один или два раза. Новый игрок обвинял ее в намерение причинить телесные повреждения, потому что не мог подраться с девушкой. Слава Богу, рядом был Райли.

— Мы играем или что? — Спросил Майк.

— Играем. — Эмма закружилась с мячом в руках, ожидая Майка, чтобы он подошел и начал играть в обороне. Но он держал дистанцию. Глупость Майка была возможностью для Эммы. Из-за трехочковой линии, она кинула мяч. Ее ухмылка увеличилась, когда мяч прошёл через кольцо.

— Удачный выстрел, — пробормотал Майк, прежде чем Том закричал от боковой линии.

— Смотрите трехочковый выстрел. Она потопит его за раз.

Остальные ребята смеялись, слишком хорошо зная правду заявления Тома. Она набрала слишком много трехочковых во время игры, чтобы позволить им забыть.

Майк нахмурился, схватил мяч с земли и настроился на атаку. Месть была написана на его лице. Эмма внутренне улыбнулась. Давай.

Он откинулся от дриблинга вправо. Эмма поменяла ноги, оставаясь наравне с ним. Майк попытался сделать кроссовер, чтобы изменить направление, но слишком медленно. Между ног или за спиной или что-нибудь более сложное, но кроссовер прямо перед ней. Ему ещё многому нужно научиться. Ее рука метнулась к мячу, забирая мяч в свои владения. В то время, когда она осознала, что может попасть в трехочковый, Майк сделал дополнительный шаг. Он заставил отпрянуть её. Не плохой план, но Эмма не имеет слабой стороны, так что если он хочет, чтобы она играла левой, то она будет играть левой.

Один дриблинг, два дриблинг, между ног, справа, спина, шаг влево, действия отточенные до совершенства. Она совершила бросок. Майк прыгнул в воздух, пытаясь

блокировать мяч, но она обошла его для легкого попадания.

Ребята хлопали. Майк зарычал. Эмма улыбнулась. Это был второй гол из многих последующих. Майк и Эмма сражались один на один в течение следующих десяти минут. Майк отчаянно отбивал мяч. Девушка решила доказать, вне сомнения, что она была баскетболистка, а не болельщик. Учитывая, что она обогнала парня по очкам 12/55, Эмма поняла, что он поменял точку зрения, особенно, когда Майк хлопнул мяч об землю и повернулся к ребятам.

— Хорошо, — прорычал он. — Я понял, Цыпленок может играть.

— Это моя девушка, — сказал Райли с улыбкой, приобнимая Эмму, чтобы дать ей пять. Остальные ребята отводили глаза от Майка, стараясь не смеяться и команда начала собираться для игры.

Если бы Эмма не была настолько погружена в свою победу и насмешки над Майком, у которого от злости только пар из носа не шел, она, вероятно, увидела бы женщину у забора позади них, которая выходила на корт. Она бы почувствовала, как ее жизнь в один момент переворачивается. Опять.

— Извините.

Голос не был одним из своих и ребята вместе с Эммой повернулись, чтобы посмотреть на женщину, которая потихоньку продолжала свой путь к ним.

Восемь парней и одна девушка смотрели на женщину, но она смотрела только на Эмму. Эмма сделала шаг назад. В черном костюме, ее каштановые волосы собраны в хвост и очень веселая улыбка. Женщина не выглядела как офицер полиции или социальный работник, но это не значит, что она не была таковой. Выросшая в семье с одним родителем и четырьмя братьями, Эмма видела достаточно представителей власти и знала достаточно, чтобы не доверять никому. Кроме Райли.

Женщина сделала шаг вперед.

— Вы Эмма Врангтон?

Эмма напрягся. Она никогда не встречала эту женщину в своей жизни, так почему же она знала её имя? Температура, казалось, упала на десять градусов. Эмма вздрогнула.

Райли схватил руку Эммы и потянул ее за свою спину, блокируя ее от взгляда женщины. — Зависит от того, кто спрашивает. — Сказал он, его голос полон осторожности.

Женщина подошла ближе.

— Я Джен Ноулз. Я университетский тренер по баскетболу у девочек в Брэдшоу, средней школе, — ответила она на вопрос Райли, отступила в сторону и вытянула шею, чтобы вновь поймать взгляд Эммы.

Райли бросил взгляд через плечо на Эмму. Она могла только представить, о чем он думал. Тренер по женскому баскетболу ищет ее? Зачем? Любопытство в его глазах не ослабило настороженность. Он отошел в сторону, но остался рядом.

— Говорят, ты лучший женский баскетбольный игрок в городе, — сказала Джен.

Некоторые из ребят свистели и кричали свое одобрение, но Эмма была скептически настроена относительно мотивов этой женщины и осталась на стороже. Ее интуиция, паранойя, или полное недоверие к женскому населению говорило ей что, что-то в голосе женщины звучало не совсем правдоподобно. Джен кивнула в сторону корзины.

— Из того, что видела, я бы сказала, что слухи о вас верны.

Детская бедность. Неудачник. Бедная девушка. Не смотря на это, тренер отправился на поиски какой-то девушки? Если и были слухи о ее способностях в баскетболе, Эмма не слышала о них и не знала, кто их пустил. Помимо родителей Райли и парней, никто не знал как она играла. Эмма подняла взгляд на ее лицо. Фальшивая улыбка и глаза, смотрящие с надеждой, не могли скрыть осторожность Джен Ноулз. Не глядя в глаза женщины, Эмма сомневалась в её словах. Всех настораживало отсутствие у неё опыта игры с настоящей командой и люди автоматически предполагали, что она страдает от плохих привычек и не стоит их времени До настоящего момента.

— Я хочу, чтобы ты была в моей команде, — в комментарии Джен не осталось места для неправильного толкования.

— Я не играю в спортивных кружках, — отмахнулась Эмма. Нет места для неправильного толкования и здесь.

— Почему это?

Эмма пожала плечами. Она не собиралась объяснять это никому и меньше всего

незнакомке, чьё присутствие задержало долгожданную игру в баскетбол.

— Вы можете быть полезны для команды, — Джен не спускала глаз с Эммы, ожидая ее ответа, но она молчала. Ни в коем случае она не будет рассматривать вариант когда-либо играть за команду девочек. Даже если кто-то заплатил бы ей. У нее была одна цель в жизни, закончить среднюю школу со средней оценкой и не принести себя в жертву жестоким и бездушным девушкам из ее школы. Кроме того, девочки в школе давно доказали, что Эмма не принадлежит их кругу. Из-за обвинений и слухов, которые они распространяют, чтобы смутить ее, Эмма держалась так далеко от них, насколько это возможно.

— Не обижайтесь, — сказала Эмма, — но команда девочек является шуткой.

— Эмма! — отрезал Райли.

— Что? — она пожала плечами. Это не было секретом. — Они не выигрывали больше, чем две игры в сезон в течение десяти лет.

— Может быть, в этом году все будет отличаться, — сказала с вызовом Джен Ноулз.

Эмма чуть не рассмеялась, но она знала, что Райли побьёт её если она так сделает, — Этого может и не быть.

Джен поджала губы и кивнула, раздумывая как убедить Эмму присоединиться к команде, если она продолжит сопротивляться.

— Я была бы очень признательна, если бы вы по крайней мере рассмотрели вступление в команду. Первая практика на этой неделе в понедельник.

Том обхватил плечи Эммы сзади. — Если Эмма и пройдет пробы для какой-то команды, то это будет баскетбольная команда мальчиков.

Плечи Джен упали, как будто все ее мечты для сезона исчезли, но Эмма была с Томом. — Команда ребят прозвучало более привлекательно, чем команда девочек. По крайней мере, ребята выиграли пару игр за сезон.

Джен Ноулз продолжала смотреть на Эмму, вероятно надеясь, влить в нее достаточно школьного духа, чтобы убедить ее присоединиться к команде девочек.

Эмма скрестила руки на груди. Этого не произойдет.

— Пожалуйста, — сказала Джен. — Подумайте об этом. — Она, наконец-то повернулась, чтобы уйти.

Ребята отошли к корзине, чтобы покидать мяч в нее, а Эмма наблюдала за женщиной, отступающей через поле и исчезающей в своей машине. Какое право она имеет вторгаться на их площадку и просить Эмму присоединиться к баскетбольной команде девочек? Их репутации было достаточно, чтобы держать Эмму подальше, да и команда состояла из гламур-девочек. Сама мысль пугала ее.

— Собираешься ли ты сделать это? — Спросил Райли.

Эмма рассмеялась. — Нет!

— Почему нет?

— Потому что только слабаки будут играть за школьную команду.

— Эй. — Райли указал на себя руками. — Я играю за школьную команду.

Эмма погладила его грудь. — Именно, мой слабачёк.

Один за другим, ребята расходились по домам или на работу, или куда-угодно где их ждали по субботам. Четыре часа баскетбола было достаточно для любого из них, но Эмма иногда желала растянуть подольше это время, чтобы уменьшить количество времени, которые она должна была провести в домашних условиях.

— Ты хочешь остаться и покидать еще? — Спросила она Райли, прежде чем он мог последовать за остальными и отказаться.

— Может, нет. — Он сделал бросок, прежде чем, схватив свою бутылку воды с трибуны, сделать глоток. Тыльной стороной ладони он вытер рот, чтобы поймать капли воды, капающей с подбородка, и щелкнул крышкой бутылки закрывая ее. — Моя мама сказала мне, что если я не буду дома к ужину, она шкуру с меня живьем спустит.

— Ах, старая родительская угроза. Тогда ты лучше собирайся. — Эмма опустила голову, пытаясь скрыть свое разочарование. Она думала, что Райли останется больше, но угрозы миссис Леджер не следует пропускать мимо ушей. Иногда Эмма хотела, чтобы ее папа использовал родительскую угрозу, что бы показать, что он заботился о ней.

— Ну, давай, — нетерпеливо сказал Райли. — Ты приглашена.

Ее глаза загорелись.

— В самом деле?

— Да, действительно. Моя мама делает твое любимое блюдо.

— Домашние макароны и сыр?

— Ага.

— С маленькими кусочками брокколи и курицей?

— Да, да, да.

Ее рот наполнился слюной. Она не ела макароны и сыр от миссис Леджер в течении долгих месяцев. Она взяла мяч и пошла рядом с Райли.

Тьма пришла в начале ноября, и без солнца, чтобы указать переход от дня к ночи. Парк исчез в темноте, когда Эмма и Райли вышли на улицу и направился к его дому. Она не могла перестать подпрыгивать от нетерпение при каждом шаге или убрать дурацкую улыбку с лица. Ужин в теплом доме. Это лучшее окончание ее дня.

Он покачал головой и обнял ее за плечи. — Моя мама любит тебя больше, чем меня, хотя я ее единственный ребенок.

— И мой папа любит тебя больше, чем меня, а я его единственная дочь, так что мы квиты, — сказала она, решив не дать ему шанса выставить ее виноватой.

— Он не...

— О, пожалуйста. Мой папа хочет мальчика в семье, а сам застрял со мной. — Как будто четверо сыновей было уже не достаточно.

Райли остановился, и его голос стал серьезным. — Эм, это не так.

— Это правда, и ты это знаешь. — Она ткнула его в грудь. Независимо от того, как неправильно это было, и сколько они хотели это отрицать, но они оба знали, что ее отец предпочел бы Райли ей.

Райли изучал ее, пытаясь решить, хочет ли он спорить с ней или пропустить комментарий. Он сделал глубокий вдох и выдохнула через нос. — Является ли это правдой или нет, я никогда не буду в состоянии понять, почему он хочет, избавиться от тебя, когда у тебя такие податливые щеки. — Он схватил ее щеки обеими руками и ущипнул их, как делала его бабушка, когда Эмма была маленькой. Она ударила его по рукам, и он побежал. Она слышала его смех эхом по улице, когда она преследовала его последние два квартала до

его дома. Они ворвались в дом к миссис Леджер, которая ставила кастрюлю с дымящимися макаронами и сыром на обеденный стол. Запаха сыра было достаточно, чтобы заполнить желудок Эммы на всю неделю.

Г-жа Леджер взглянула на них, положила руки на бедра, и начала раздавать приказы. — Обувь прочь. Вымойте руки. Даже не думайте об ужине пока не вымыли руки.

Райли и Эмма обменялись взглядами, посмеялись чувству дежавю, прежде чем сделать так, как им сказала мисс Леджер. После восьми лет дружбы, мама Райли знала наперед все их действия. Это было несправедливо, но сегодня это не имело значения.

Любимые макароны и сыр — это было божественно. Тертый сыром посыпают лапшу и овощи и курицу, запеченные до совершенства, и доставленные к столу.

В отличие от семьи Эммы, семья Райли питалась вместе, за столом с салфетками и соответствующими блюдами. В семье Врангтон редко ужинали чем-нибудь кроме замороженной пиццы.

— Таким образом, — сказал г-н Леджер. — Что-нибудь интересное произойдет сегодня?

Вилка Эммы замерла на полпути ко рту. Он знал. Он знал, о незнакомке с просьбой попробовать играть за команду девочек. Иначе зачем бы он задал такой острый вопрос. Хорошо, может быть, он всегда задавал тот же вопрос, когда она приходила на ужин, но сегодня вопрос имел больший смысл. Она бросила на Райли взгляд через стол, зная, что если он раскроет подробности только усугубить все.

Райли улыбнулся ей. — На самом дел... — он протянул.

Немного покачав головой, что бы родители не заметили, Эмма стрельнула в него глазами.

Райли перевел взгляд на своего отца. — Эмма выиграла еще у одного парня сегодня.

Она вздохнула с облегчением. Может быть, она должна Райли больше доверять. Он никогда намеренно не разрушит ее жизнь.

Г-н Леджер посмотрел на нее и приподнял брови. — Эмма, ты должна дать этим парням шанс.

Он сказал это потому, что он чувствовал себя обязанным, как родитель. Она знала, что г-н Леджер находит ее потребность унижать парней на баскетбольной площадке забавной. Кроме того, усилия, потребовавшиеся для того что бы скрыть улыбку на лице, извиняли его. — Иногда мальчикам нужно больше времени, чтобы доказать свою состоятельность, — сказал г-н Леджер.

— Не этому. — Эмма взяла кусок курицы вилкой. Она вспомнила замечания Майка, его дерзкую улыбку и его намерения смутить ее. Он заслужил то, что получил.

— Да? — г-н Леджер подмигнул жене. — Что с этим делать?

— Он сказал мне, что я дилетант среди парней.

Смех г-н Леджера присоединился к хихиканью жены. Эмма не поняла, что их так насмешило. Они знали, как сильно она ненавидит парней, которые не уважают ее на игре.

— Я думаю, это здорово. — Г-жа Леджер похлопала по руке Эммы. — Эти ребята должны научиться правильно оценивать девочек. Я удивлена, что мой собственный сын дал случиться такова рода вещи с тобой. — Она бросила на Райли взгляд неодобрения.

— Я? — Воскликнул Райли, уронив вилку на тарелку и откинулся на стуле. Он посмотрел на отца, а затем обратно на свою маму. — Почему вдруг это стало моей виной?

Эмма рассмеялась. Она любила, когда г-жа Леджер принимала ее сторону. — Твоя мама

права, — подразнила она. — Если бы какая-то девчонка попыталась тебя унижить и разрушить твои мечты стать амбициозным баскетболистом, я бы от нее мокрого места не оставила.

Райли посмотрел на нее через стол. На лице Райли сверкнула злая усмешка, когда он повернулся к своему отцу. — Говоря о баскетболистах... Университетский тренер девочек просила Эмму присоединиться к школьной команде сегодня.

Эмма схватила вилку сильнее, раздумывая над тем, стоит ли кинуть ее в лицо Райли. Почему она всегда дает Райли повод, чтобы отомстить? Она любила родителей Райли. Они были единственными, кто заботились о ней, но они имели тенденцию чрезмерно ее опекать, потому что они любили своего сына, а она была его другом. Их поддержку она не заслуживала, учитывая, что она не их ребенок.

Кроме того, она ненавидела, когда люди раздували из мухи слона, а родители Райли это делали постоянно. Как-то раз, Райли сказал им, что она выиграла в шестом классе конкурс орфографии и они организовали ей вечеринку, что бы отпраздновать. Или когда, она одержала свой первый трехочковый, в игре против парней, они купили ей совершенно новый баскетбольный мяч.

Да, она любила мистера и миссис Леджер, но она ненавидела, чувство вины появляющееся в ней каждый раз, когда они делали что-то особенное для нее. Райли знал об этом, конечно, но он что?... не заботился о ее чувствах? Нет, он просто смотрел на нее с кривой усмешкой.

— Это здорово. — Оба родителя Райли улыбнулись ей.

Эмма посмотрела на Райли. — Я ненавижу тебя.

Райли усмехнулся. — Я знаю.

— Ты собираешься принять предложение? — Спросил мистер Леджер.

— Нет, — сказала Эмма одновременно с Райли, сказавшем, — Да.

Она чувствовала, что г-н и г-жа Леджер смотрели на них. Это было только вопросом нескольких секунд, прежде чем они выбрали тему для обсуждения. Будут ли они на стороне их единственного сына, который 'за' присоединение к команде девочек, или они будут на стороне его лучшей подруги, которая определенно 'против'? Эмма знала, что они объединят свои силы с сыном, и быстро взяла под контроль разговор.

— Нет, — сказала она твердо. — Я не...

Райли склонил голову набок. — Почему нет? Ты все время говорила, что хочешь быть частью команды. Теперь это твой шанс.

— Да, но... — Она подбирала слова, чтобы избежать серьезного разговора, — я уже являюсь частью команды. Ребята моя команда.

Райли закатил глаза. — Куча парней в парке не команда.

Эмма опустила глаза к еде на тарелке. — Может быть, не для тебя. — Она не знала, почему комментарий Райли так обидел ее. Она никогда не играла за реальные команды с настоящим тренером, Эмма не знала, что делать для формирования связей с группой лиц, которые напряженно работали, чтобы достичь общей цели. Но она могла себе представить. Лояльность, приверженность, решимость, вера и доверие. Качества, выраженные в команде были бесконечны — этот урок Эмма выучила в игре с ребятами. Когда ее семейная жизнь рухнула, ребята были те, кто помог ей.

Для Райли, субботняя игра с ребятами означала прогулку с друзьями и отдых. Он играл за спортивную команду в школе, каждый день. Он не знал, каково это, когда нет денег,

чтобы заплатить за регистрационные сборы, летние лагеря, командировочные расходы и оборудование. Иногда он забывал о мире, в котором она жила.

— Прости, — сожаление промелькнуло в глазах Райли, ведь он знал насколько важны субботние игры, с ребятами, для нее.

- Эм...

Даже после восьми лет дружбы, она до сих пор не мог понять, как Райли может показать всю глубину искреннего извинения, просто говоря первый слог её имени.

Прежде, чем он смог сказать что-нибудь ещё, Эмма подняла руку, чтобы остановить его. — Последнее, что я хочу делать, это провести ближайшие три месяца, играя в баскетбол с кучей девушек и проигрывать каждой команде в лиге. Я извиняюсь, Райли. — Она сказала это с виноватой улыбкой. — Я просто не думаю, что команда девочек для меня.

Она ожидала, что Райли устроит спор и скажет ей все причины, почему она должна присоединиться к команде, но он этого не сделал. Каким-то образом Райли выдержал ее взгляд в тишине. Она решила, разговор окончен и все они могут вернуться к наслаждению остывшими макаронам с сыром на тарелке. Но г-н Леджер продолжил то, что начал Райли.

— Послушай, Эмма, — сказав очень мягко, он вытер рот салфеткой, прежде чем поставить локти на стол и наклонился вперед. Эмма затаила дыхание, ожидая слов мудрости. — Я понимаю. Незнакомка появляется и просит тебя присоединиться к ее проигрывающей команде, которая состоит из всех тех типов девушек 'группы поддержки', которых ты презираешь и ты думаешь: — Почему я должна играть? Что в этом для меня важного? — Г-н Леджер пожал плечами. — Может быть, ничего. Но причина, по которой тренер нашел тебя, это потому, что она нуждается в лидере, который является сильным, уверенным и не испугается, что остальные девочки будут думать о ней. Не каждый может выполнить такую роль. Но ты...

Он остановился, позволив ей, заполнить недостающие части. Эмма любила, когда г-н Леджер принимал ее сторону, но она ненавидела, когда он принимал сторону Райли. Она ненавидела разочарование в их глазах. — Мистер Леджер, Я...

Он поднял руку, чтобы остановить ее. — Я не знаю, правильное ли решение, присоединиться к команде или нет, но я знаю, что ты удивительная баскетболистка. Я не хочу думать, что ты ограничиваешь свои таланты унижением парней в парке. Когда ты могла бы быть реальным активом в школьной команде. Решение остается за тобой, но прежде чем ты решишь, может быть, ты должна подумать об этом немного больше. Попытка не пытка. — Его улыбка поощрения заставила Эмму смутиться. Последнее, что она хотела сделать, это тратить время обдумывая это. В любом случае не похоже, что ее решение будет меняться с течением времени.

Оба, и Райли и его отец, смотрели на нее с надеждой, что она сможет заставить себя сделать что-нибудь и Эмма согласилась подумать о баскетбольной команде 'Глупых Девчонок'.

Г-н Леджер наклонился и сжал ее руку, прежде чем вернуться к еде. Райли подмигнул ей. Она отвернулась. Этот вечер начался так хорошо с обещанием ее любимой еды, но теперь она была в меньшинстве, два-к-одному.

— Если ты войдешь в команду, мы хотели бы приехать к вам на игру. — сказала г-жа Леджер.

Эмма подавилась лапшой. — В этом нет необходимости, — сказала она. Нет никаких шансов выйти за команду. Последнее, что она захочет это аплодисменты в ее честь. Она

никогда не была в центре внимания. Невидимость подходит ей просто отлично. Ни в коем случае она не позволит ее лучшему другу и его семье, заставить ее совершить самую большую ошибку в ее жизни.

* * *

Эмма скользнула в дом незамеченной. Ее два младших брата, Лукас и Ленни, боролись на коричневом ковре в гостиной. Лэнс, ее старший брат, сидел рядом с их отцом на диване, смотря футбол по телевизору. Логан, самый старший из стаи, сидел в старом деревянном кресле-качалке, читая книгу.

Она высунула голову в гостиную. — Я дома.

— Никого не волнует, — ответил Лэнс. Остальные не сказали ничего.

Эмма давно поняла, что ее папа или братья не беспокоятся о ней, когда ее не бывает дома. Ведь если бы не было ее, дом был бы мужским логовом. Эмма не могла отделаться от ощущения, что ее папа желает однажды проснуться и обнаружить, что она исчезла, как ее мама пять лет назад. Взросление с четырьмя братьями, без мамы ожесточило ее.

Эмма отправилась в гараж, не обращая внимания на запах сула и плесени, что отказывался уходить, независимо от того, сколько освежителя она использует. Она прошла мимо штабеля, ящиков, старого грузоподъемного набора, велосипедов с плоскими шинами и изогнутыми спицами, сломанной мебели и газонокосилки, и любого другого типа хлама, который ее семья складывала на протяжении многих лет. Наконец, пришла в угол гаража, который служил ей спальней. Коробки, набитые владениями ее семьи, служили своеобразными стенами. Дом с тремя спальнями не был достаточно большим для семьи из шести человек, особенно, когда только одна из них была девочкой. Ее папа решил, что ей необходима больше всего конфиденциальность, а что было более уединенно, чем гараж-кладбище полный сломанных игрушек и инструментов?

Ее комната состояла из всего, что должна иметь спальня, в том числе комод с недостающими ручками и ящиками, односпальная кровать, что постоянно скрипела, тумбочка, лампа и половина серого ковра, чтобы отделить ноги от бетонного пола. Ее немногочисленные вещи висели аккуратно на вешелке, или же были надёжно спрятаны в картонной коробке, где Райли не найдёт. Что еще может девушка просить?

После включения обогревателя, который держал температуру чуть выше замораживания зимой. Эмма переоделась в шорты и рубашку с длинными рукавами, для сна. Пружины скрипнули, когда она легла под одеяло. Эмма смотрела в потолок. Хотя она не могла видеть в темноте, но слышала своего отца и братьев наверху. Смех и крики торжества над игрой проходили через ее стены.

Иногда, конфиденциальность синоним одиночества.

— Спокойной ночи, — прошептала она своей семье, отделенной от нее гораздо большим, чем стены из коробок с хламом.

Медленно веки Эммы опустились. Обогреватель гудел вместе с голосами ее семьи, а теплый поток воздуха погладил ее лицо, смешиваясь с холодным зимним, скользким от трещины из-под гаражных ворот. Она почувствовала, что проваливается в сон.

Шаги. Топот ног напротив тротуара. Какой-то странный звук, казалось, пытается

прорваться в сон Эммы. Разве это происходит наяву, а не во сне? Где её вызвали в государственный суд? Эмма просыпаясь, попыталась разобраться в происходящем. Но прежде, чем смогла это сделать, чья-то рука зажала ей рот, перекрывая доступ к воздуху. И как бы она не боролась, у неё не получалось позвать на помощь.

— Тсс. Это я. — голос прошептал в темноте.

Эмма схватила руку, закрывающую ее рот и убрала прочь, ее сердце бешено колотилось.

— Райли? — Выдохнула она. — Что ты здесь делаешь? Ты напугал меня до полусмерти.

Она слышала, как он хихикал в темноте.

Эмма серьезно пожалела, что сказала ему, где спрятан ключ от ее гаража-спальни.

Конечно, он пробирался и раньше, но, как правило, он предупреждал ее в первую очередь.

Прежде, чем она могла ударить его, Райли сунул что-то ей в руки. — Возьми это.

Эмма поняла, что это ее любимая футболка. Она была немного поношенной, как и все остальное, чем она владела, но идеально подходила и для испытаний Молли и для баскетбола. Кроме того, она была зеленого цвета, ее любимого цвета. Она одела ее, сунула ноги в туфли, которые Райли бросил ей.

Он ждал в дверях, ведущих на улицу. Она остановилась и прислонилась к противоположной стороне дверной коробки, чтобы собрать волосы в привычную шишку, готовясь к прогулке.

Райли потянулся и убрал прядку волос с ее лица.

— Ты готова?

— Почему ты спрашиваешь меня, когда я делала это миллион раз?

Улыбаясь, он взял ее руку в свою. Они уже двадцать первый раз выбирались вместе на ночь, когда даже луна не освещает их путь. Райли ушел в сторону и Эмма пошла за ним. С девушкой, чья мама исчезла без предупреждения, страх разлуки сделал забавные вещи. К тому времени, как Райли нашел ее, она уже пала жертвой слез. С тех пор, Райли держал ее руку всякий раз, когда тьма или что-нибудь еще пытались разделить их, даже после того, как она выросла, чтобы заботиться о себе.

Рука в руке, они пробрались между домами и кустарниками, пока их ноги не ступили на тротуар. Они прошли несколько кварталов, прежде чем нырнуть между двумя вечно зелеными деревьями, находя путь через лес, который приводит их к воде Пьюджет-Саунд. Раскинувшиеся ветви деревьев, хлестали их по щекам и ногам. Знакомые с маршрутом, они автоматически обходили корни деревьев. При отсутствии луны или фонарика, чтобы осветить их путь, только мягкий голос Райли направлял Эмму вперед, пока темнота леса не отступила, чтобы показать ночное небо и каменистый пляж. Они прошли вдоль берега и забрались на ствол упавшего дерева, чтобы сидеть бок о бок, глядя на воду. Эмма засунула руки в карманы кофты, чтобы согреться.

Мост через пролив возвышался над ними. Кроме гула автомобилей, проезжающих по служебному мосту и редких лодок, ночью было тихо. В течение дня и во время отлива, люди заполняли пляж на несколько миль вдоль берега. Дети рыли отверстия разной глубины и переворачивали камни, разглядывая крабов. Собаки плавали за палками, а молодые пары прятались среди скал для уединения и сохранения личной жизни. Теперь, когда миллионы звезд смотрел на них и огни с противоположного берега отражались на поверхности воды, это были просто Эмма и Райли. Она созерцала лунный свет, отражающийся на воде и думала о том, какой идеальный был момент... до тех пор, пока Райли не начал говорить.

— Ты думала об игре за команду девочек?

Его беспечный тон не обманул ее. Сегодняшняя экскурсия не просто времяпровождение

со своей лучшей подругой. Он планировал вечер по одной простой причине — убедить ее, играть за команду девочек. Она должна была догадаться. Для Эммы, мысль о вступлении в баскетбольную команду девочек в школе было так же нелепа, как и появление Джен Ноулз посреди игры, во второй половине дня. Эмма отказывалась тратить время на новые раздумья.

— Нет, — сказала она твердо.

Когда Райли заговорил снова, его тон соответствовал её.

— Я считаю, что ты должна сделать это.

— Уверена, что ты так и думаешь, но я уже сказал тебе, я не буду. — Эмма глубоко вздохнула.

— Почему нет?

— Потому что они девчонки. — С таким же успехом она могла сказать, что они были больны и это прозвучало бы более естественно. Ее жизнь была, и всегда будет на сто процентов состоять из машин Mitchubishen, грязи, пятен от травы и трансформеров. Не кукл, не платьев, не кружев, и не в розовом цвете.

— Я ничего не знаю о девочках.

Даже в темноте, она чувствовала его улыбку.

— Ты же знаешь, что ты девушка, не так ли?

Она ударила его по руке.

— Очень смешно. — Да, она была девочкой, но она не была нормальной девушкой. Она была просто еще одним сорванцом. Она не заботилась о популярности или о том, как она выглядела в глазах мужского населения и была ли похожа на принцессу Америки. То, о чем она действительно заботилась, это была точность ее прыжка, общение с парнями и дистанция от девочек, и всего с чем они были связаны.

Зима безусловно приближается. Ветер дующий от воды, пах солью и водорослями и совсем не помогал ей согреться. Она надела капюшон своего свитера на голову и засунула руки в рукава, чтобы скрыться от холода.

Райли пристально посмотрел на нее, ожидая больше объяснений, почему она отказывалась выйти на баскетбольную площадку с кучей девушек, как с товарищами по команде. Она знала, что Райли не будет смеяться, но не могла сказать ему всю правду: девушки пугали ее. Она смотрела много фильмов и слышала достаточно девочек в школе, чтобы узнать правду о них. Девушки могут быть вашим лучшим другом в одну секунду, а в следующую уже быть вашим злейшим врагом. Они жертвовали многолетней дружбой ради парней и популярности. Они использовали и унижали людей для собственной выгоды. Девушкам нельзя доверять и Эмма отказывалась соваться в их драмы, зная, что ей будет больно в конце. Присоединение к баскетбольной команде девочек будет, как осознанное купание в контейнере с пираньями. Нет, спасибо.

Райли не поймет. Он обвиняет ее в эмоциональности и говорит, что она ожидает худшего от людей. Может быть он и прав, но он не знал, как больно, когда ты знаешь, что ты нелюбим и от тебя отказались.

Она сделала глубокий вдох, прежде чем дать ответ, который удовлетворит его.

— Я была окружена парнями всю свою жизнь. Я не могу просто поменяться по щелчку пальцев. Это, как если бы ты переехал в новую страну не зная языка и культуры.

Райли изучал ее профиль.

— Это может хорошо помочь тебе.

Говорит парень с совершенной жизнью.

— Моя жизнь не является совершенной.

Она повернула голову в его сторону, поднимая брови в немом вопросе. В отличие от большинства детей в школе, Райли не выставлял напоказ свой образ жизни. У него было много денег в банке, двое великолепных родителей, огромный дом, и хорошая машина. Кроме того, он был хорошим парнем и все любили его. По правде говоря, Райли Леджер отличный парень и он это знал.

— Хорошо. — Признал он, наконец. — По сравнению с твоей жизнью моя может показаться идеальной, но только потому, что у тебя достаточно проблем для нас обоих.

— И это означает, что мне не нужно больше, особенно в виде баскетбольной команды девочек.

Райли встал перед ней. Она ненавидела, когда он смотрел на нее своими голубыми глазами, так невинно и доверчиво, как будто нет ничего в мире, что бы он не сделал для неё. Это только делало противостояния сложнее.

— Ты можешь ударить меня, Эм, но правда в том, что ты никогда не получишь стипендию в колледже и не сможешь играть за баскетбольную команду мальчиков. Это предложение может быть твой шанс!

Простое упоминание о колледже положили ее на лопатки. — Мой шанс на что? Колледж не для людей вроде меня. Это для людей больше похожих на тебя. — Он знал, ограничения, с которыми сталкиваются те, у кого нет денег, чтобы заплатить за колледж, и нет поддержки со стороны семьи. Образование не было высоким приоритетом для нее.

Райли уперся руками в колени Эммы и посмотрел на нее. — Что так отличает тебя и меня? И не смей ничего говорить о доходах родителей, потому что ты знаешь, я буду сам зарабатывать на колледж.

Эмма не ответила. Она не хотела говорить, что мир относился к таким по-другому. Конечно, Райли не видел, или может быть он решил не признавать, что они из двух разных миров. Просто потому, что они друзья не означает, что будущее даст им схожие пути. Эмма всегда знала, что Райли пойдет в колледж и заработает степень магистра, в то время как она останется позади. Семейный доход не то, что различает их, но он был огромным фактором.

— Эм, как только колледжи увидят твою игру, то...

— Райли, остановить. — отрезала она. Она не хотела слышать больше о баскетбольных командах, колледже и девочках, и о том, что он думал, о её заслуженном светлом будущем. Его предвзятое мнение не будет давать ничего, кроме ложной надежды. — Я не собираюсь в колледж.

Он притих и стал изучать ее в лунном свете. Когда секунды растянулись в вечность, она склонила голову, не в силах смотреть на него больше. Она могла только догадываться, какие мысли сидели в его голове.

Он наклонился, чтобы посмотреть на её лицо. — Ты заслуживаешь эту возможность, Эм. — сказал он мягко. — Кто знает, когда она снова выпадет?

Когда она подняла глаза, он надел «ты-не-можешь-сопротивляться-мне» взгляд.

— Ну?

Почему он всегда делает так? Разве это имеет такое большое значение, что она не пойдет в колледж и не будет играть в команде глупых девочек?

Она зарычала в отчаянии и прыгнула с дерева, чтобы убежать. Неправильный ход. Руки Райли захватили ее между его телом и стволом, заставляя ее стоять лицом к нему и разговаривать.

— Можешь ли ты, по крайней мере, серьезно рассмотреть этот вариант? — Спросил он. — Пожалуйста?

— Сборная девочек ужасна. — Это был факт, и все это знали.

— Может быть, они не будут так ужасны, если ты начнешь играть за них? — Спросил Райли.

— Я бы начала играть с девочками, которые не ненавидели меня и не дразнили в начальной школе. — Просто представление их лиц, заставило ее желудок перевернуться.

— Так, ты боишься вызова?

Эмма изобразила весь ужас обстоятельств в глазах, надеясь разжалобить его. — Я буду несчастна.

Он обхватил ее лицо руками. — Я буду поддерживать тебя на каждом шаге твоего пути.

Она смотрела в его глаза, готовая озвучить ее возражения с окончательным нет и закрыть тему вступления в баскетбольную команду девочек раз и навсегда. Но это было легче сказать, чем сделать. Она говорила ни с кем попало, она говорит с Райли. Мальчиком, который научил ее всему, что она знала о баскетболе. Мальчиком, который смотрел на нее, защищал ее, и верил в нее. Мальчиком, для которого она сделает что угодно, даже если это означает присоединиться к баскетбольной команде 'Stupid Girls'.

Эмма почувствовала, что ее решимость ослабевает.

Тьфу! Как он это сделал? Ее решение остаться в стороне от команды девочек было как у броненосца всего две секунды назад. Она посмотрела на него. — Я ненавижу тебя!

Улыбка дрогнул на его губах. — Я знаю.

Они оба знали, что он получит свое, и обязательно придёт в понедельник, чтобы добавить в реестр новую участницу, но она не должна была быть так счастлива.

* * *

Следующая неделя прошла быстрее, чем ветер в ураган. Эмма попыталась забыть о девушках и пробной игре в баскетбол и об ее обещании выйти для команды, но ребята не позволили ей.

— Ты должна носить юбку, чтобы играть в команде девочек, не так ли, Эмми? — Том издевался над ней.

— Ты хочешь кулаком в лицо, не так ли, Томми? — Ответила она. Если бы Райли не был там, чтобы смеяться и держать ее, она бы, наверное, выбрала бой с Томом или любым из других парней, чтобы доказать, что она не стала мягкой.

Всё стало ещё хуже, когда Райли стал настаивать, что бы провести неделю с пользой для реальной практики, а не с ребятами. Она никогда не играла за настоящую команду раньше, так что вся практика ей была чужда. Даже если она воздержится от баскетбола и будет спать в течение недели, она все равно будет лучшим игроком в команде. Она знала, что игра в баскетбол в ее крови и она может играть даже во сне. Баскетбол не то, что сделало ее раздражительной в понедельник. Нет, ее проблемы были намного больше.

Возьмите девочек например. Она не могла вспомнить, когда последний раз она провела хоть какое-то время только с ними и от этой мысли, что бы провести два часа в тренажерном зале ее тошнит. Райли не будет там, чтобы поддержать ее, если Лорен или один из ее клонов

нападут на неё.

Лорен. Эмма — это противоположность Лорен и популярности. Лорен была воплощением идеала, жажды славы и власти, а также визга, который Эмма презирала. Не говоря уже о том, что идеальная блондинка сделала жизнь Эммы несчастной ещё с начальной школы. Она провела большую часть своей жизни, избегая Лорен только для того, чтобы провести выпускной год с ней в команде. Кошмар. Но прежде, чем она встретиться лицом к лицу с Лорен, Эмма хотела спросить своего отца об одной вещи, которая ей необходима.

Она откладывала разговор с ним как можно дольше. Хотя час пик по дороге к школе не такое идеальное время. Хотя разговор, несомненно, легче, воспитания пяти детей отцом-одиночкой. Конечно, Лэнс и Логан вышли из школы, но они по-прежнему жили в доме, работали на мало-оплачиваемых работах и вели себя, как семнадцатилетние дураки.

Сделав глубокий вдох, она открыла дверь из гаража в дом. Лукас и Ленни были за столом и ели хлопья с молоком, Лэнс смотрел спортивную секцию газеты, а Логан клал еду в рот одной рукой и держал книгу в другой. Ее отец стоял у раковины, пытаясь вымыть недельную гору посуды. Эмма подошла к нему и посмотрела на его лицо.

Он был другим. Прежде, чем он получил пять детей. Прежде, чем он должен был работать на двух работах, чтобы прокормить семью. Перед тем, как его жена оставила его. Что было если бы он когда-нибудь приносил домой цветы жене по причине просто сказать, что он скучает по ней? Если бы он когда-нибудь смотрел в глаза своих детей, в глаза своей единственной дочери и чувствовал хотя бы унцию любви? Было так много вещей, о ее отце, которых она не знала и так много вещей о которых она боялась спросить.

— Папа? — Позвала она, готовясь задать вопрос, который был на вершине ее текущего списка приоритетов.

Он не ответил. Она ненавидела просить отца о чем-то, но так как он отказался позволить ей найти работу, должна была получить деньги на покупку нужных ей вещей.

Будучи средним ребенком из пяти и единственной девушкой, ни одна из ее потребностей не занимала главный приоритет в семье Врангтон. На протяжении многих лет, Эмма узнала, что надо просить братьев и когда одежда больше не подходит им, умолять, чтобы она могла быть первой в очереди, чтобы поймать достойную одежду, прежде чем она продолжит путь к её младшим братьям. Родители Райли каждое лето окрашивали часть фасада, предлагая ей подработку и это было единственным способом зарабатывать деньги. Но свои сбережения ей не удавалось сохранить надолго, особенно, когда большинство из них было потрачено на покупку ее основных потребностей.

Чтобы избежать вмешивания в разговор ее братьев, она снова попыталась.

— Папа?

— Да? — Спросил он, отчищая плиту, что отказывалась разогревать ужин. Видеть ее шестифутового отца в битве с грязной попорой было почти смешно.

— Я... э-э... пробуюсь в баскетбольную команду... в школе... могу ли я использовать новые ботинки? — Она посмотрела через плечо на своих братьев, пытаясь определить, подслушивали ли они.

— Ничего особенного, но...

— Что со старыми от Ланса?

По крайней мере, он слушал.

— Это те, что я ношу сейчас и у них есть дыра в подошве.

— Что от Ленни?

Ленни оглянулся на звук своего имени.

— У него только один. — пробормотала Эмма. — Он потерял другой в ручье.

— Логан? — Ее папа попытался еще раз.

Она нахмурилась. — Более, чем клейкая обувь.

Она видела, как ее отец просеивает варианты, зная, что не было никаких, кроме как сдать и позволить ей купить пару. Ботинки, которые формируются по ноге, а не наоборот. — Папа, я...

— Тебе нужна обувь? — Лэнс бросил газету на стол и присоединился к беседе. — Это не так, ты не достаточно хороша, чтобы играть, даже если это команда девчонок. Ленни и Лукас рассмеялись, их тарелки с хлопьями были забыты.

— Что вы знаете? — Эмма повернулась назад. Она ненавидела, когда ее братья делали предположения, хотя никогда не видели ее игру.

— По крайней мере, я не та, кто провалил три класса, потому что был слишком ленив, чтобы делать свою работу.

Стул застонал от пола, когда Лэнс толкнул его назад и подошел к ней. Она увидела его кулак, и спросила себя, а что если бы он ударил, что сделает ее папа. Это было бы в первый раз, когда он поднял на нее руку.

Она любила смотреть, как Лэнс играл в баскетбол, когда он был новичком. Он доминировал в игре с быстрыми ногами, в убийственном прыжке, и лучшая защита лиги, которую она когда-либо видела. Его кривая улыбка, пусть защитники знают, что он никогда не проигрывал в игре один-на-один. Все говорили, что он был профессионалом. Но когда школа поставила его на испытательный срок, он обвинил мир в несправедливости и сдался... Не совсем то, что хочется вспоминать, особенно от его маленькой сестры.

— Эй. — Их папа отвернулся от раковины и встал между Лэнсом и Эммой, прежде чем что-либо может вспыхнуть между ними, его глаза предупреждающе сверкали.

— Достаточно.

Лэнс и Эмма смотрели друг на друга. Ленни и Лукас всегда были заинтересованы в ссоре, в то время как Логан спрятался за книгой. Она была уверена, что он видел и слышал все, но он никогда не встречал. Логану не нравятся конфликты.

— Иди, по своим делам. — Ее отец кивнул в сторону гостиной.

— Слушай, — пробормотал ее папа, повернувшись спиной к мальчикам, а к ней без полного зрительного контакта. — Не в этом месяце. — Он поднял руки в поражении. — Мне жаль.

— О, нет проблем. — Она заставила себя улыбнуться. — Я что-нибудь придумаю.

Не желая, чтобы он видел ее разочарование, она пробормотала извинения, схватила свой рюкзак и ушла в школу, убедившись, что она не пересечется по пути с Лэнсом. Она надеялась, что ее обувь продержится на несколько месяцев дольше. К счастью, ее папа купил клейкую ленту оптом.

* * *

Последний звонок прозвенел слишком рано. Последний звонок означает, что школа

закончилась и начинается практика. Баскетбольная практика. С девушками. Если бы кто-то сказал ей месяц назад, что ждёт её в будущем, она бы не поверила.

Они были просто девушки, сказала она себе. Злые девушки. Девушки, которые презирали Эмму, существующую в мире не достаточно хорошим для них. Девушки, которые были худшей в мире баскетбольной командой. Девушки. Ничего не бойся! Кроме того, она обещала Райли.

Эмма толкнула дверь, вдохнула побольше воздуха, и шагнула в зал. Через несколько секунд у неё началась паническая атака. Девушки были повсюду. Хорошо, может быть, не везде, было всего семь, но все-таки. Сердце Эммы стучало в груди, дыхание ускорилося. Удушье — нормальная реакция на женскую часть населения? Воздух должно быть отравлен ими. С их дизайнерской одеждой, накрашенными лицами и дизайнерскими когтями. Она не принадлежит их миру. Не с ее мешковатыми шортами и грязными волосами.

Эмма тихо выругалась. Ни в коем случае она не позволит этим девчонкам получить власть над ней. Она сделала глубокий вдох и проигнорировала голос в ее голове, говорившей ей бежать отсюда.

Тренер Ноулз и горстка девушек уставились на нее, когда за ней хлопнула дверь.

В отличие от остальных девушек, тренер Ноулз улыбнулась Эмме, с облегчением на ее лице. — Эмма, рада видеть тебя.

Давайте начнём пытки.

— Что она здесь делает? — Спросила Лорен, ее тон был наполнен отвращением.

Тренер Ноулз осмотрела Эмму с головы до пят, не в силах сопротивляться желанию дать ей оценку. Ее взгляд упал к ногам Эммы и задержался там. — Тебе понадобится новая обувь в какой-то момент.

Эмма покраснела, когда Лорен засмеялась над последними словами тренера. — Если Эмма купит новую обувь, ее семья будет голодать.

Только богатый ребенок найдет этот комментарий смешным. После того, как вы испытаете голод, всякий юмор исчезнет. Не поможет даже лучшая спортивная обувь в стремление к другой жизни. Они не могут быть в состоянии играть в баскетбол, если их жизнь вертелась только около денег. Что касается Эммы, она не имела никакого другого выбора, кроме как играть. Ей была невыносимо мысль позволить Лорен унизить ее на игре.

Она выпрямилась и обратилась к тренеру Ноулз. — Вы сами позвали меня, если я не нужна, то я пойду.

Тренер улыбнулась и похлопала ее по плечу. — Добро пожаловать в команду.

Дверь в тренажерный зал распахнулась и звук бегущих ног глухо отдавался из-за деревянного пола. Эмма повернулась, боясь, что пришло больше девочек и оказалась лицом к лицу с Райли.

— Что ты здесь делаешь? — Спросила она, благодарная за его присутствие. Может быть, он пришел забрать ее? Может быть, он говорил с тренером баскетбольной команды мальчиков и было место для нее? Все было возможно.

Без ответа на свой вопрос, Райли извинился перед тренером Ноулз и оттащил Эмму в сторону. — Здесь. — Он передал ей ящик — обувную коробку.

— Что?... — Понимание осенило Эмму, и она сунула коробку обратно в его руки. — Нет, я не могу взять это.

— Они от родителей.

Она бросила на него взгляд, не веря в его ложь.

Райли закатил глаза. — Хорошо, хорошо. Они от меня, но они хотели помочь.

— Я не могу принять их. — Одно дело, просить денег у ее отца, чтобы купить пару низкопробной обуви, но совершенно другое, когда ее лучший друг и его родители купили их для неё, как акт жалости. Особенно учитывая, что они никогда не покупали вещи низкого уровня в своей жизни и, возможно, не начали с неё. — Нет. — Она покачала головой. — Мне очень жаль, я не могу.

— Эмма. — Райли силой своего голоса заставил ее замолчать. — Нет, это не вариант. Ты берёшь их, ты их носишь, и ты помнишь, что я сказал вчера. Воспользуйся этой возможностью! Держи и не возвращай обратно.

Она продолжала смотреть на него. Прием обуви шел против всего, что она когда-либо обещала относительно их дружбы. Она не хочет быть помехой или благотворительным случаем. Конечно, она брала фри с его тарелки на обед, иногда, и принимала небольшие подарки от него на Рождество, но пара новеньких кроссовок поднимала все на новый уровень.

Он сделал глубокий вдох и выдохнул через нос, его терпение истощалось. — Хорошо. Мы найдём способ, чтобы ты могла заплатить без рабского труда. Удовлетворенна?

— Да. Я думаю. — Это не было идеальным решением, но она знала, что ей нужна обувь и до сих пор это было единственным вариантом. Она приняла коробку из рук Райли и открыла ее. Ее первая пара новеньких кроссовок.

— Я думал о розовом цвете для тебя. — сказал он со смехом, — но потом передумал, зная, что ты убила бы меня, так что выбрал эти.

Черный был определенно лучше, чем розовый, и он был прав, она убила бы его. Возможность поблагодарить его была прервана визгом Лорен. — Как мило! Райли в честь благотворительности купил новую пару обуви.

Райли, равнодушный к оскорблениям Лорен, не сводил глаз с Эммы и излучал улыбку. — У тебя будет возможность надрать им зад. Эмма посмотрела на него. Она уже не могла слушать Лорен, а практика еще даже не началась. — Просто помни, что это ты заставил меня.

— Не ненавижь меня слишком долго. — Он сжал ее в объятиях.

Охваченная признательностью за его дружбу, Эмма сделала то, что она никогда не делала раньше. Поднявшись на цыпочки, она поцеловала его в щеку. — Спасибо.

Что это было? Она кричала на себя. Никогда в своей жизни она не целовала его. Конечно, знак благодарности был необходим для его щедрости, но как насчет рукопожатия, удара по руке, кивка головы, ворчания? Не поцелуй! Это было свойственно гламурным девушкам, но не ей. Хватит ли Райли двух секунд, чтобы прекратить их дружбу из-за глупого поцелуя.

Лицо Райли покраснело, и он откашлялся. — Я... э-э... Удачи на практике.

Хмм. Они были друзьями, да, но не 'поцеловать в щеку' рода. — Спасибо. — пробормотала она. Она вошла в их атмосферу. Глупое поведение девушек должно быть заразно.

Она отвернулась, чтобы присоединиться к группе девочек, так что она не будет иметь возможности, чтобы увидеть, как Райли сбежит от нее.

— И Эм?

Она повернулась к нему, надеясь, что он даст ей еще один шанс, чтобы не идти к команде снова. — Да?

Он улыбнулся ей кривой усмешкой. — Попробуй, быть хорошей девочкой. Не бей их сильно в первый день.

Девушки начали тренировку.

В течение первого часа занятий, Эмма получила более глубокое понимание того, что это значит. У команды девочек не было стимула проводить каждый вечер зимы, на баскетбольной площадке, в окружении девушек, которые опозорили баскетбол своей бездарной игрой. И люди задавались вопросом: «Почему Эмма против школьной легкой атлетики, особенно легкой атлетики девочек?»

Она не знала, почему она презирала девушек так сильно. Может быть, это потому, что у нее было четыре брата и она не знала ничего лучшего. Может быть, потому, что она случайно ударила Лорен в голову футбольным мячом в четвёртом классе, с тех пор она и все ее друзья возненавидели Эмму. Или, может быть, ее мама научила ее никогда не доверять женской половине населения. У Эммы не было даже мысли о дружбе с этими девушками.

Тренер Ноулз замахала руками в воздухе.

- Соберитесь в круг.

Восемь девочек. Окончательный подсчет. Едва хватает для полной команды. Если бы она не обещала Райли, Эмма бы ушла домой и никогда не вернулась бы. Она перевела взгляд с выхода и сосредоточилась на тренере.

Тренер Ноулз не выглядела достаточно взрослой, чтобы быть преподавателем колледжа из-за ее больших карих глаз, подпрыгивающего хвоста, и улыбкой, которая, казалось, говорила миру о супер-счастливом настроении. Женщина не имела ни малейшего представления, во что она ввязывается. Даже новичок может сказать Джен Ноулз об отсутствии реальных тренерских полномочий. Она не может взять на себя ответственность, ее присутствие не требует уважения и у Эммы было сомнение: а продержится ли она весь сезон.

Эмма не единственная, кто почувствовал «давайте-все-быть-лучшими-друзьями-навсегда» отношение. Лорен и Мэдисон закатывали глаза каждые пять минут, когда тренер говорила о том, как она счастлива быть здесь и насколько великим будет сезон, и как важна работа в команде. Баскетбольная женская команда Брэдшоу извела большую часть тренеров, на протяжении многих лет, и Джен Ноулз была просто еще одним тренером проходящим через их школу. Ей нужно стереть улыбку с лица. Десять лет позора не пропадут просто так.

— Почему бы нам не начать с некоторых нововведений? — Тренер Ноулз захлопала в ладоши и повернулась к Эмме, поднимая брови, глядя слишком азартно и слишком невежественно в первый день практики.

Эмма опустила голову, ненавидя этот момент, когда нужно сказать свое имя перед группой людей. — Я Эмма. — пробормотала она.

— Нищенка. — проговорила Лорен.

Эмма слышала это уже не один миллион раз. В Брэдшоу средней школы, девяносто процентов детей полагали, что если ваши родители не зарабатывали круглую сумму цифр в месяц, то вы жили в условиях крайней нищеты и не были достойны внимания. Если бы она посещала любую другую школу, она возможно, считалась нормальной, но с одним родителем, ненависть и презрение от других девочек, вошло в норму.

Слова Лорен были предназначены для всех, и несколько девушек засмеялись. Эмма игнорировала их и жаждала перейти к следующей девушке. Помимо Лорен и Мэдисон, Эмма

не знала ничьих имен, и не прилагала никаких усилий, чтобы попытаться узнать их. Нищенка. Неудачница. Бедная девушка. Это то, что все знали о ней. Они верили ярлыкам. Хорошо. Так было лучше. Меньше личного, больше баскетбола. Последнее, что она хотела — это дружба с любой из этих девушек.

Разминка — кругов пять лёгким бегом. Эмма сдерживается, не опережает остальных девушек, но, учитывая, что она идёт быстрее, чем половина из них бегают, это было нелегко. После первого круга, половина девчонок начали идти!

Дриблинг был следующим. Объект первого звена — вести мяч из одного конца зала в другой и обратно, оставаясь под контролем все время. Скучно, она схватила мяч от стойки и заняла свое место в очереди. Первая девушка стартовала. Эмма никогда не играла с баскетбольной командой раньше, но она была уверена, что шлепки по мячу не считались Дриблингом, если человек не мог искать открытого игрока, одновременно держа мяч под контролем. Это будет длинный сезон для всех.

Лорен и Мэдисон продолжили разрушительную критику над коротышкой. Коротышка могла сойти за двенадцатилетнего ребёнка. Девушка споткнулась на противоположной стороне базы и мяч, отскочив от стены, попал ей в голову. Неудивительно, что Лорен долго смеялась.

Тренер Ноулз хлопала в ладоши для каждой девушки, крича поддержку, в то время как остальные девочки рассредоточились в группы из двух и более человек, чтобы продолжить свои беседы. Даже если Эмма испытывала бы желание в цивилизованном разговоре с любой из них, она знала, ее не примут. Почему с парнями намного легче дружить? Ну наверное потому, что они были менее субъективными, менее критичны, меньшим злом. Конечно, ребята имели тенденцию быть дерзкими, тщеславными и грубыми, но Эмма по-прежнему предпочитает их девочкам в любое время.

Эмма покачала головой. Убейте меня, подумала она.

Баскетбол никогда не был тем, что она может сделать наполовину. Это было все или ничего — лучшая или никто. Она подошла к линии, чтобы пройти поворот и вылетела на спринт, ведя мяч правой рукой, а затем переход на левую на обратном пути. Она даже не дышала, когда пересекла линию.

Разговоры прекратились, и восемь пар глаз уставились на нее, будто она в цирке. — Что? — Спросила она.

— Показуха. — Пробормотала Лорен.

— Лентяйка. — Парировала Эмма.

Следующая вещь, которую Эмма осознала, она была новым тренерским инструментом. Все остальные практики тренер начинала каждый раз одинаково: — Смотрите на Эмму.

— Смотрите, дриблинг Эммы.

— Смотрите, бросок Эммы.

Будучи выставленной на всеобщее обозрение, Эмма не проводила действительно продуктивную практику, и это, конечно, не помогало словесности команды. Seriously, эта женщина что-нибудь знает о создании команды? Эти девочки не улучшат свою игру, наблюдая за Эммой делающей все. Им необходимо разбирать и подробно рассказывать на уровне детского сада все действия. Им необходимо индивидуальное обучение, повторение и дисциплина. Не удивительно, что школа Брэдшоу была худшей командой в лиге.

Девушки смотрели, как выполнять действия совершенно, но они промахивались в половине их выстрелов, броски выходили за пределы поля. Тренер пыталась дать указания

для каждой девушки, но все они были настолько некомпетентны, что один комментарий делал больше вреда, чем пользы.

К тому времени, как тренер положила конец ее унижениям, Эмма была готова все бросить. Она чувствовала обиду каждой девочки в комнате, и если они не ненавидели ее в начале практики, то делали это в настоящее время. Ничего не было хуже, чем это все.

С баскетболом она могла справиться. С ребятами она тоже может справиться. Она могла справиться даже с собственной семьей, но девчонки уничтожат ее.

Практика закончилась безобидным спринтом. Она думала, что половина девушек умирает, смотря как они стенают от боли. Эмма покачала головой и рассмеялась. Она никогда не слышала раньше, чтобы кто-то хрипел так громко. Разве они не знают, что девяносто процентов баскетбола это бег? Это был один день баскетбольной практики. Как бы эти девушки выдержали бы весь сезон?

Коротышка была быстрой, но она споткнулась два раза и всегда падала лицом вниз. Она чуть было не упала в третий раз, но схватилась за Эмму для баланса и удержалась. Что нельзя сказать про Эмму, которая упала на колени.

— Прости. — Пискнула коротышка.

Эмма прорычала в ответ. Она попыталась встать, когда что-то врезалось в нее сзади, посылая ее на пол снова.

— Лежать, проигравшим.

Голос принадлежал Лорен, как и руки, которые толкнули ее. Она вскочила на ноги, готовая ответить Лорен, но какая-то девушка прыгнула перед ней.

— Не делай этого. — Лоб девушки был напряжен от беспокойства, ее глаза широко распахнулись. — Она не стоит этого.

Руки Эммы сжались в кулаки, и ее тело дрожало от усилий, прилагаемых к сдерживанию гнева. Если бы не голос, напоминающий о Райли и дисциплине, она бы давно набросилась на Лорен.

Она сделала глубокий вдох и громко выдохнула, а после посмотрела на девушку.

— Я Эшли. — сказала она, предлагая руку Эмме.

— Держись подальше от меня. — Эмма толкнула коротышку в сторону без рукопожатия и возобновила спринт, оставаясь в стороне от Лорен и остальных девушек.

Свисток закончил практику. Еще пять минут и Эмма побила бы что-нибудь. Или кого-нибудь. Столько времени с девочками опасно для ее вменяемости. Стиснув зубы, она схватила сумку со скамьи и пошла к выходу.

День уже переходил в ночь, свет на стоянке был только от двух одиноких фонарей. Все, что она хотела, быть как можно дальше от девушек насколько это возможно. Она склонила голову против ветра и направилась к дому. Автомобиль просигналил два раза, прежде чем она посмотрела кто это был. Джип Райли был припаркован на обочине, его лицо было хорошо освещено.

Она практически побежала к машине. Бросила сумку на заднее сиденье и села на пассажирское.

Райли поставил машину на передачу и нажал на газ. — Ну и как это было? — Эмма долго смотрела в темноту за своим окном и он рискнул взглянуть в глаза.

— Ах, Эмма. — простонал он. — Не говори мне, что у тебя были проблемы в первый день.

Она перевела взгляд к нему. Как он смеет обвинять ее в образовании проблемы. Если бы

он хотел обвинить кого-то, то он может указать пальцем на семь девочек и тренера.

— Я ничего не делала. Я говорила тебе, что они ненавидят меня, и никогда не примут как часть команды и я была права. И это не моя вина, что я была единственной, кто мог вести мяч?

Райли рассмеялся. Он понятия не имел. Даже если бы она описала тренировку в деталях, он никогда не поверит, как ужасна команда девочек.

— Это все твоя вина. — Она развалилась в кресле, сожалея о каждой секунде, которую она провела в тренажерном зале со всеми этими девушками.

— Я не могу поверить, что я позволила тебе уговорить меня. Есть ли у тебя какие-либо идеи, как играть в баскетбол с девушками? Это кошмар.

— Я не знаю. Он улыбнулся ей. — Я вроде как парень.

Она закатила глаза. Опыт Райли с девушками и баскетболом состоял из игры в баскетбол в субботу с ней и ребятами. Не лучшее сравнение.

— Поверь мне. Ни одна другая девушка там, не похожа на меня. Они чопорные и тщеславные и не имеют абсолютно никаких способностей в баскетболе. И они жалуются на все что можно.

— Вроде того, что ты делаешь сейчас? — Поддразнил он.

Она посмотрела на него. — Ты не помогаешь. На самом деле, я не могу вернуться туда завтра.

— Ух ты, все в порядке. — Он положил свою руку на ее. — Мне жаль.

Она замерла. Его прикосновение напомнило ей об идиотском поцелуе. Все, что она могла сделать, это смотреть на свои пальцы, пока щеки горели в смущении.

— Ты права. — Сказал он. Ей потребовалось время, чтобы понять, что он говорил о девушках, а не о поцелуе. — Я не знаю, через что ты прошла, но я уверен, что все станет лучше.

— Сомневаюсь. — пробормотала она, зная, что будет на завтрашней тренировке, и ненавидя то, что Райли имел так много власти над ней.

— Почему это так важно для тебя? Учитывая мою жизнь, я должна по крайней мере участвовать в принятии решений, затрагивающих меня.

— К сожалению. — сказал он, неубедительно. — Но ты не знаешь точно, что лучше для тебя, поэтому ты должна поверить мне. И я сказал тебе, почему это важно; это может стать твоим билетом отсюда. Я не хочу, чтобы ты следовала тем же тупиковым путем, что и остальные члены твоей семьи.

Эмма напряглась.

Улыбка исчезла с лица Райли и его глаза уставились на нее.

— Мне очень жаль, что так вышло.

Ни у одного члена ее семьи не было пути к успеху. Это был факт, а не тайна. Но семья есть семья. Если она не защитит их, то кто кроме неё?

— Моя семья не так уж плоха. — Сказала она тихо, опустив взгляд в пол. Иногда, вспоминая прошлое, было жаль Логана и Лэнса и она не могла вспомнить, когда в последний раз она провела пять минут непрерывного общения с отцом. Но они не оставили ее.

— Я знаю. — Райли снова посмотрела на нее. — Я не говорю, что все плохо. Я просто думаю о твоём будущем.

Она фыркнула.

— Мое будущее. — Когда она думала о своем будущем, все, что она видела — это работа. Она не должна смотреть на Райли, чтобы знать, что он закатил глаза, придумывая разные варианты ее будущего.

— Вот увидишь.

Его тон заставил Эмму посмотреть на него, полагая на мгновение, что всему, что он сулил ей, суждено было сбыться, что все это было в пределах ее досягаемости, если она просто потянет руку. Это было только мгновение. Чувство исчезло, когда он подъехал к ее дому, и она увидела Лэнса, хлопнувшего дверью и сбегающего вниз по ступенькам. Он бросился за руль своего CR-X, который работал только половину времени и Эмма услышала кашель двигателя, прежде чем он наконец завёлся. Гравий выскочил из-под шин и машина проскочила мимо джипа Райли.

Она увидела силуэт ее отца в окне. Борьба с сыном требовала больше сил от него, чем трудиться на двух работах. Ей хотелось успокоить его, сказать ему, что все будет хорошо и что он не был худшим отцом в мире, но она оставалась рядом с Райли, глядя со стороны. Как всегда.

Первокурсники. Второкурсники. Юниоры. Пенсионеры. Иногда казалось, что вуз был не больше, чем эксперимент, чтобы увидеть, смогут ли дети выжить, если будут брошены вместе. Была ли это драка, ругань или конкурс популярности, драма происходила изо дня в день в коридорах Брэдшоу средней школы. И сегодня не исключение.

Эмма услышала переполох позади нее и повернулась, ожидая найти двух с высоким эго, дерущихся за внимание парня или украденной губной помады. То, чего она не ожидала увидеть, так это перебранка между двумя так называемыми товарищами по команде. Товарищи по команде или нет, их споры были не ее делом. Так почему же она не отвернется от них и не продолжит путь в класс? Потому что она знала, что не будет достаточно сильна, чтобы бороться в собственных сражениях. И да, может быть, она искала возможность противостоять Лорен лицом к лицу.

Эшли не выросла в последние двадцать четыре часа. Стоя рядом с Лорен, она казалась еще меньше. Независимо от причины их спора, половина детей в коридоре остановились, чтобы посмотреть на шоу. Где были учителя? Их не было видно. Эмма вздохнула и прошла через стену студентов. Схватив коротышку за рубашку, Эмма рывком оттянула ее из-под возвышающегося тела Лорен, стоя на своем месте. Может быть, сейчас это справедливая борьба.

— Проблемы?

Лорен отшатнулась, больше не в состоянии использовать свой рост, чтобы запугать ее добычу с учетом не уступающей в росте Эммы. Ее глаза бегали между Эммой, Эшли, и свидетелями, окружающими их, возвращая самообладание перед следующей битвой.

- Больше нет. Команда проголосовала, а так как она ничего из себя не представляет в игре, то она вне команды. — Сказала Лорен, кивнув в сторону Эшли.

— В самом деле? — Эмма взглянула на коротышку стоявшую у стены. — Потому что я не помню голосования.

— Твой голос не имеет значения. Я знаю, ты думаешь, что ты лучше, чем все остальные, но это не так. — Лорен скрестила руки на груди и переступила с ноги на ногу. — Ты просто неудачница, ищущая подачки.

Эмма прикусила язык, глубоко вздохнула, и убедилась, что кулаки останутся внизу, а не встретятся с перемазанным лицом Лорен. Всё, что Эмма хотела сделать, выполнить свое обещание Райли с наименьшим количеством неприятностей, насколько это возможно, но Лорен путала ей все планы. С того футбольного инцидента в начальной школе, Лорен сделал ее жизнь несчастной, высмеивая ее всю, от состояния ее одежды до ее отсутствия женского ноу-хау. На протяжении многих лет, она делала все, чтобы избежать Лорен, но, будучи в одной команде и имея ежедневную практику с ней, ей нужен каждый клочок контроля, который она могла собрать.

— Ты никогда не будешь частью этой команды. — Голос Лорен упал до шепота, но ей удалось удержать его холодной тон. — Меня не волнует, что ты любимица тренера и умеешь играть. Это моя команда, не твоя.

— Это очевидно. — Эмма сделала шаг вперед, сокращая расстояние между ними. Просто потому, что она не ищет неприятностей, не значит, что она будет молчать вечно. — Потому что, если бы это была моя команда, мы выигрывали бы каждую игру.

Лорен нахмурилась сильнее. Она действительно думала, что Эмма претендует на место капитана?

— Если ты хочешь выкинуть новичка из команды, я уйду тоже.

Шок Лорен растаял в злой усмешке. — Даже лучше.

— Так вас в общей сложности шесть игроков, и на основе того, что я видела на практике, никто из вас не будет отдыхать в течение первого квартала в игре. — Эмма пожалала плечами. — Но кто я такая, чтобы указывать на очевидное?

Несмотря на попытку Лорен казаться уверенной и непоколебимой, страх промелькнул в ее глазах. — Иногда нужно упорно тренироваться, чтобы что-то получилось.

Эмма рассмеялась.

— Команда была перегружена, поскольку вы были новичком, но если этот сезон вы хотите взять, вам потребуются невероятная удача. Опять. Я с нетерпением жду, чтобы посмотреть, как вы проведете первую игру.

Для тех, кто не хотел ничего больше, чем уйти из команды девочек и никогда не оглядываться назад, Эмма, продолжала разговор в нежелательном направлении. Даже Лорен не хотела провести еще один сезон в качестве худшей команды в лиге. Презирает ее или нет, Лорен необходима Эмма, если она не хочет упустить шансы на победу в игре в этом году.

Лорен не ответила на первый взгляд. Она просто посмотрела на Эмму, вероятно, пытаясь решить, как ответить, чтобы не пострадала ее репутация, если она признает поражение в коридоре полном внимательных слушателей.

— Хорошо, если это твой выбор. Но не думаю, что кто-то захочет видеть тебя или коротышку в команде.

Как будто это было не достаточно очевидно. — Еще одна вещь... — Эмма кивнула в сторону коротышки. — Оставь в покое малышку. Если ты коснешься ее снова, ты будешь сожалеть об этом. — Эмму действительно не волнует, что случится с коротышкой, но она ненавидела смотреть, когда люди, как Лорен, издеваются над слабыми детьми.

Толкнув Эмму плечом, Лорен прошла по коридору, ее светлые волосы колыхались на ветру.

— Спасибо. — Сказала коротышка, появляясь рядом с Эммой.

Эмма смотрела на Лорен, убедившись, что она не готовилась для второго раунда. Остальная часть студентов в зале рассеялась, бросая на нее взгляд.

— Я обычно не такая неуклюжая. — Эшли, не в силах смотреть Эмме в глаза, рассматривала руки и переносила вес с одной ноги на другую. — Я просто нервничала.

— Скажи это тому, кому действительно, есть до этого дело. — Эмма не хотела слышать отговорки или давать ребенку повод для продолжения разговора. — Иди в класс.

Эшли бежала по коридору, бросив последний взгляд на Эмму, прежде чем повернуть за угол и исчезнуть.

Эмма развернулась в противоположном направлении, чтобы добраться до ее собственного класса до звонка, и столкнулась с телом блокирующим ее путь. Сильные руки поймали ее до того, как она споткнулась. Она посмотрела на пару голубых глаз, которые всегда узнает.

— Что это было? — Спросил Райли, кивая в сторону новичка.

— Ничего. — Сказала она, приходя в равновесие. — Просто немного командной дедовщины.

— Кто задирает новичка?

— Никто. — Это не было полной ложью. Эшли не была на радаре Эммы важной личностью, чтобы она на самом деле беспокоилась.

Или она так думала.

После трех дней практики, Эмма продолжала искать любой клочок прогресса среди своих товарищей по команде. Конечно, тренер проводя ежедневный обзор основных навыков, но ее подход был точно такой же, как если бы учитель алгебры провел краткий обзор современных логарифмов, ожидая, что студенты благополучно сдадут экзамены и так. Команда прыгала от одного учения к другому, как если бы кнопка быстрой перемотки вперед застыла во включенном положении. Нет прогресса.

Эмма ничего не знала о тренере, но она знала все о баскетболе. Лучшим способ освоить этот вид спорта, было начать с основ и продолжать, тратя столько времени, сколько необходимо, чтобы овладеть каждым навыком, прежде чем приступить к следующему, не скрещивая пальцы, надеясь, что все навыки волшебством разовьются в течение ночи. Чем больше ошибок ее товарищи по команде совершали, тем труднее становилась игра.

На стандартной игре, она отдала пас Мэдисон на левой стороне. Хотя руки Мэдисон были готовы к перехвату, мяч прошел через руки и ударил ее в лицо. Она замерла от удара, а затем всхлипнула от боли. Были ли это настоящие слезы на глазах? Seriously? Конечно, со скоростью мяч, вероятно, задел немного и половина ее лица, будто онемела на некоторое время. Но удар в лицо локтем или кулаком гораздо хуже, и Эмма перенесла его полдюжины раз без слез. Разве у девушек такая низкая терпимость к боли?

Тренер дул в свисток. Остальная часть команды сгрудилась вокруг тренера, когда она осмотрела лицо Мэдисон на предмет серьезного вреда.

Лорен не тратила время, встав перед Эммой. — Отлично. Хороший пас.

— Убирайся с моего пути. — Сказала Эмма сквозь стиснутые зубы. Три столкновения в течение двух дней. Они никогда не переживут этот сезон в качестве товарищей по команде.

— Или что? Лорен бросила вызов ей. — Собираешься ли ты кинуться и мне в лицо с мячом?

Сама мысль дала улыбку на лице Эммы. — Я безусловно не буду против этого.

Глаза Лорен сузились, когда она сделала еще один шаг к Эмме, их лица были в дюйме друг от друга. — Ты шутишь. — Больше выплюнула, чем сказала Лорен. — Неудивительно, что твоя мама не осталась с тобой.

Улыбка с лица Эммы пропала, и ее руки врезались в грудь Лорен. — Держись подальше от меня.

Лорен отпрыгнула назад. Когда она увидела, что остальные девушки смотрят на них, ее лицо сморщилось, готовясь заплакать. Слезы она, вероятно, репетировала сотни раз, пытаясь завоевать симпатию. Девушки — королевы драммы!

— Эй. — Тренер встал между ними, раскинув руки, чтобы предотвратить нападение. — Что тут происходит?

- Она начала все! — Вскрикнула Лорен. — Все, что я сделала, это попыталась поговорить с ней, тогда она испугалась и оттолкнула меня.

Эмма закатила глаза. Отлично, это то, что ей нужно, нести ответственность за отпечаток баскетбольного мяча на лбу девушки, которая не смогла его поймать. А люди ещё задавались вопросом, почему она ненавидела девушек.

Не поклонница конфликтов, тренер махнула Лорен в сторону Мэдисон и вытащила Эмму в сторону.

- Эмма, ты удивительный баскетболист, и ты достойна лучшего. — Тренер продолжала, понизив тон голоса, чтобы другие не услышали. — Но я хочу, чтобы ты спустилась вниз на несколько позиций.

Глаза Эммы сузились в щели. — Что? — Если она понизит свой уровень, то будет двигаться к своей цели в замедленном темпе.

- Эти девушки не привыкли к тебе, и... — Тренер сделал паузу, ища нужное слово: — ну, скажем, твоему энтузиазму.

- Мой энтузиазм виноват? — Выплюнула Эмма. Энтузиазм — это слово, чтобы описать болельщиков и маленьких детей на футбольном поле. Это было не то слово, чтобы описать баскетбольный талант и способность передавать мяч на товарища по команде.

С небольшой заминкой, тренер кивнула.

Эмма никогда не слышала, чтобы тренер просил игрока уменьшить свои навыки для улучшения команды. Невероятно!

— Вы шутите, правда? — Эмма увидела самодовольную усмешку Лорен в нескольких футах от них.

- Таким образом, вместо того, чтобы их активизировать и на самом деле улучшить команду, вы хотите, чтобы я опускалась до их уровня и играла как они? — Она не заботилась о сохранении ее голоса на низком уровне. Отсутствие таланта у них не было секретом. — В случае, если вы допустите этот же уровень игры, мы проиграем каждую игру в этом году.

Тренер вздрогнула от прямооты Эммы, но ее это не волновало. Женщине нужно знать правду. Эмма не подписывалась на команду, имеющую цель продолжать ежегодную традицию. Какой в этом смысл?

Тренер подняла руки, пытаясь успокоить Эмму. — Я знаю. Мне тоже не нравится, но это лучшее решение, для восстанавливающего года. То, что мы должны сделать, это принять команду, где...

— А, восстанавливающий год... — повторила Эмма. — Другими словами, это будет наш предлог для плохой игры и проигрыша, если что?

Тренер ничего не ответила. Ее брови сдвинулись вместе, а глаза выразили беспокойство.

Эмма обвила руками в воздухе и сделала шаг назад. Аналогия не принимается. — К сожалению, тренер. Я не могу так играть. Найдите меня, когда вы будете готовы играть в реальный баскетбол.

Она вышла из зала, чувствуя взгляды на своей спине, она прошла через дверь и выскользнула в ночь, не оглядываясь.

В таком настроении Эмма не пошла домой, она оказалась в окрестности площадки, глядя на обруч из линии штрафного броска, ища ответы о том, что делать дальше. При отсутствии мяча, и только лунного освещения, чтобы сопровождать ее, она даже не могла сыграть, чтобы избавиться от разочарования.

Баскетбольная команда «Stupid Girls». Она должна была предвидеть, что это кончится не слишком хорошо. Безусловно, тренер, заносчивые девушки и автоматический проигрыш не то, чего ей хотелось. Она приняла решение разорвать отношения с командой девочек, как только вышла из спортзала. Так откуда это чувство, будто она вышла не из более чем бесполезной команды?

Она может действовать жестко с Райли, она может лгать тренеру, она могла игнорировать всех, но теперь, без каких-либо свидетелей, Эмма не могла избежать правды.

Небольшая ее часть хотела остаться там, почему? Чтобы быть частью реальной команды, носить реальную форму, чтобы играть в реальной игре и чувствовать, что она не пустое место? Райли сказал, что она не будет получать стипендию, играя за баскетбольную команду мальчиков, так ли это было ужасно, играть за команду девушек ради стипендии? Будет ли она ближе к колледжу? Была ли бредовой мысль о том, чтобы думать, что ее будущее могло содержать что-то другое, кроме ее семьи и мало оплачиваемой работы? Она знала, что лучше думать об этом, чем позволить ее мыслям дрейфовать в соответствии с Райли, зная, что это только увеличит разочарование, но она ничего не могла с собой поделать. Часть ее хотела и мечтала о невозможном, но это не имеет значения. Она только что потеряла свой шанс.

Эмма вздохнула. Команде будет лучше без нее в любом случае. Меньше конфликтов в команде, меньше травм. Они, наверное, устроят вечеринку по поводу ее ухода.

Она сидела, скрестив ноги, на линии штрафного броска, стараясь не замечать, как тьма кралась ближе. Тьма всегда подбиралась ближе. На протяжении многих лет, она провела слишком много ночей, пытаясь отогнать тьму, когда она тщетно ожидала свою маму. Она часто не приходила домой, чтобы не слушать ссоры отца и братьев, и пыталась понять, почему плохие вещи всегда случались с ней. Даже сейчас, она не могла отогнать темноту: вину, обиду, тревожную правду. Она должна была, наконец, с облегчением забыть команду, так почему ее тело напряжено и зубы сжаты при мысли о тренерской "этовосстанавливающий-год" речи?

Прежде, чем она смогла сформулировать ответ, фары разорвали темноту и подсветили ее. Она слышала двигатель автомобиля, дверь открылась и закрылась, и пара кроссовок появилась в поле ее зрения.

— Эм? Это ты?

Она должна была знать, Райли найдет ее. Он, должно быть, имеет устройство слежения или ещё что-то. Было ли это неправильно, предпочитать одиночество и тьму, своему лучшему другу? Райли хотел «Вопросы-ответы». Она не хотела отвечать.

— Что ты здесь делаешь? — Спросил он, его тон был полон беспокойства. — Ты ушла с тренировки пораньше?

— Неа.

— Ты в порядке?

— Как нельзя лучше.

— Тогда что происходит?

Она Сидела на выступе и, если на него встать, то они будут одного роста. Независимо от того, какие слова она использует, он не хотел бы услышать то, что она должна была сказать. Она сделала глубокий вдох, наклонила голову в сторону, изображая безразличие. — С меня хватит.

— Что ты имеешь в виду?

Она скрестила руки на груди и выдержала его взгляд. — Я имею в виду, я ушла из команды.

Выход из команды это то, что нужно было сделать, она это знала, но, столкнувшись с Райли и видя гнев и разочарование на его лице...

Он схватил ее за руку, когда она начала отворачиваться от него. — Зачем?

Она пожала плечами, решив не позволить ему предугадать ее решение. — Это не работает для меня.

— Как это может работать для меня, но не для тебя? — Его пальцы сжались вокруг ее

руки, чтобы она не могла уйти. Даже в темноте она видела его глаза. Каких усилий ему стоило убедить ее, присоединиться к команде и теперь он узнал, что все это было напрасно. Он ненавидел провалы.

— Это восстанавливающий год... — Смертный приговор для любой команды. Райли знал это. Проще говоря определенный провал. — Никто не ждет, что мы выиграем, никто даже не думает, что мы будем хорошо играть. Тренер Ноулз сказала мне, чтобы я перестала выкладываться на все 100 %. Она поместила мою планку к ним и отказывается понять, что это не выход. Она позволяет им быть проигравшими и я отказываюсь быть частью этого. — Несмотря на ее усилия, чтобы сохранить спокойный голос и незаинтересованность, она услышала резкость в своих словах.

Его голова наклонилась в бок, и он посмотрел на нее, прищутив глаза. — Она на самом деле сказала это?

— Да.

Он нахмурился и вздохнул. — Ну, она в жестком положении и она, вероятно, пыталась это исправить.

Она дернула руку из его хватки и отошла от него. — Почему меня не удивляет, что ты ее защищаешь?

— Я не защищаю ее, я просто...

— Я просто ударила какую-то девушку по лицу мячом, потому что она не могла поймать стандартный бросок! — Закричала она, зная, что он не понимает в полной мере ее ситуации. Он никогда не был в ее шкуре и не понимал того, что она переживала каждый день, пока играла с глупой, бездарной, хорошо-для-ничего группой девушек. Он мог играть в полную силу на практике, а не беспокоиться о передаче мяча, потому что ребята в его команде действительно не могли поймать мяч. Эмма отказалась проводить весь сезон, подавляя свою способность в страхе перед девушками, которые не могут даже мяч поймать. Это того не стоит. — Команда ничто. Ни одна из этих девушек не хочет быть там. Если бы они хотели этого, то не относились бы так к тренеровке, как к какому-то социальному мероприятию. Я обещала тебе, что я присоединюсь к команде, чтобы играть в баскетбол. Но я не подписывалась унижать себя и тратить свое время. Мне, правда жаль, Райли. — Сказала она холодно. — Все кончено.

Он покачал головой и вздохнул. — Ты уверена, что это не просто повод?

Она вздернула подбородок. — Что это должно означать?

Он преодолел расстояние между ними и когда он говорил, его слова прозвучали низким и суровым голосом. — Эмма, я знаю, ты не лодырь. Таким образом, команда хуже, чем ты думала. — Он пожал плечами. — Большое дело. У вас так много, чего предложить им и если бы ты сделала шаг назад, и перестала бы быть такой эгоистой, ты увидела бы, что бегство не лучшее решение. Они нуждаются в тебе и ты это знаешь. Ты не сумасшедшая, ты боишься.

— Я не боюсь. — Раздраженная, да. Разочарованная, абсолютно. Но страшно? Нет. Райли не поверил ей. Один взгляд на его лицо и характер Эммы взял верх. — Что ты знаешь об этом? — Она оттолкнула его. — Ты говоришь, что мне есть, что предложить им, но я не предлагаю. Так что есть, кроме игры в баскетбол? Эти девушки презирают меня. Если что и лучше для команды, так это без меня.

— Эмма. — казал он, протягивая руку к ней.

— Нет. — Она подняла руку, чтобы остановить его и укрепить невидимый барьер между ними. — Я не хочу это слышать. Я знаю, ты имел большие мечты для меня в этой команде,

но я не хочу. Ты не можешь заставить меня вернуться.

Он не ответил. В последние пять минут ночной воздух был холодным и обернулся мурашками на ее коже, но она не двигалась, чтобы взять рубашку из сумки или предположить, что они продолжат свой спор в помещении. Она просто стояла там, глядя на него.

Что дальше?

Ее ответ пришел, когда другой автомобиль остановился на стоянке рядом с джипом Райли. Фары осветили площадку перед выключением.

Что теперь? Эмма хотела закричать. С каких это пор люди собираются ночью на пустой площадке? Эмма нарушила конкурс «гляделки», чтобы сосредоточиться на новом нарушителе, пересекающем площадку по пути у ним.

— Мне очень жаль, я не вовремя?

Эмма застонала. Тренер Ноулз. Последний человек, которого она хочет видеть. — На самом деле, это так.

— Нет, это прекрасное время. — Доброта в голосе Райли отменила горечь Эммы. — На самом деле... — он посмотрел на Эмму, чтобы сказать ей вести себя хорошо, — я просто ухожу.

— Нет. — сказала Эмма вместе с тренером Ноулз. Эмма схватила его предплечье и потянула обратно к ней. Он может свести ее с ума иногда, но никоим образом он не должен оставлять ее лицом к лицу с тренером.

Тренер подняла руку, чтобы остановить дальнейшие планы его отступления. — Стой, пожалуйста. — Она вернула внимание на Эмму. — Я пришла, чтобы извиниться перед тобой, Эмма. Ты была права.

— Она была? — Райли удивленно спросил.

— Я была? — Повторила Эмма. Она была другого мнения о себе и тренере. Она могла говорить это всю ночь, если бы захотела, но никто не слушал бы ее и никто никогда не говорил ей, что она была права.

— Когда я взяла эту работу, все сказали, что я сошла с ума. Они сказали, что команда обречена на провал, но я не волновалась. Все, что я хотела сделать... Я думала, что я могла бы прийти сюда и быть самым удивительным тренером и изменить все вокруг, как в кино. — Тренер Ноулз покачала головой и рассмеялась. — Правда, я не имела ни малейшего представления, что я делаю.

— Я заметила. — Пробормотала Эмма.

— Эмма. — Райли толкнул ее локтем в бок.

— Что? — Признание тренера подтвердили предположение о том, что Джен Ноулз стала тренером не из-за каких-то выдающихся квалификаций. Женщина, вероятно, была единственным человеком, подавшим заявку на работу.

— Слушай, я знаю, что я не идеальный тренер, но я действительно забочусь об этой команде. — Тренер подняла брови. — Основываясь на том, что ты сказала сегодня, я знаю, что мне нужна твоя помощь.

Что это за сумасшествие вы говорите? Эмма ушла, потому что она не заботится о команде. Она заботилась о баскетболе, и она не собиралась присоединиться к команде в качестве помощника тренера. — Вам не нужна моя помощь. Вы просто хотите звездного игрока для вашей команды.

Тренер кивнула. — Ты права.

Эти слова, снова. Эмма хотела, чтобы она перестать говорить их. Они просто звучат... неправильно.

— Но... — Тренер сказала, — кого ты называешь звездный игрок, я называю лидер. Если мы хотим какой-то шанс на победу в этом сезоне, мне нужно, чтобы ты была лидером команды.

Эмма вспомнила, что г-н Леджер сказал подобные слова две недели назад, но исходя из слов Джен Ноулз, они звучали, как крик о помощи, чем сплочение войск. Несмотря на это, Эмма не хотела быть лидером команды, она просто хотела играть.

Тренер Ноулз глубоко вздохнула и встала прямо. — Я здесь, чтобы попросить твоего терпения и доверия. Ты продолжаешь делать то, что ты делаешь, а я сделаю все возможное, чтобы вывести команду на твой уровень. — Она улыбнулась Эмме. — Ты в десять раз лучший игрок, которого я когда-либо видела, поэтому, если есть что-то, что можно сделать, чтобы помочь команде, я хочу услышать это. И если ты дашь девушкам шанс, я уверена, что они оценят это. Все девушки не могут быть настолько же талантливы как ты.

Эмма фыркнула в знак протеста, в результате чего Райли ударил ее локтем снова. Она не могла ничего с собой поделаться. Она была игроком, а не тренером и точно не лидером. Независимо от того, как много талантов Эмма имела, девушки в команде ненавидели ее. Даже если она попытается дать им помощь, они никогда не послушают ее в любом случае.

— Вернешься ли ты в команду? — Тренер спросила с мольбой в голосе. — Пожалуйста?

— Я...

— Да. — сказал Райли, прервав ее. Он отсалютовал огромной улыбкой на лице, как будто он только что был удостоен полной стипендии, чтобы играть в баскетбол. — Она вернется.

Эмма ударила его в живот тыльной стороной ладони. Его улыбка стала еще шире, и он обнял ее за плечи. — Я обещаю, она будет вести себя хорошо в дальнейшем.

Да, верно, подумала Эмма, закатив глаза, тренер Ноулз рассмеялась.

— Вы знаете, что нам потребуются основы, верно? — Спросила Эмма.

Тренер кивнула.

— И вы будете заканчивать со своим лучшие-друзья-навсегда отношением. — сказала Эмма. — Мы не должны быть друзьями. Нам нужен тренер.

Тренер подняла брови. — Означает ли это, что я увижу тебя завтра на тренировке?

Они оба ждали ее ответа. Зная, что она была в меньшинстве и Райли никогда не простит ее, если она скажет нет, Эмма закрыла глаза и закусил губу, прежде чем сказать: — Да, я буду там.

Райли прижал ее к себе и поцеловал ее в макушку. — Это моя девочка.

Хватит уже поцелуев!

Конечно, Эмма поцеловала его в щеку в момент слабости, когда он дал ей новые туфли, но она была окружена толпами девушек, и воздух был отравлен иррациональными эмоциями. Что является оправданием Райли? Она попыталась отодвинуться от него и увеличить расстояние между ними, но его рука осталась на ее плечах.

— Хорошо, тогда до встречи завтра. — С волной облегчения, тренер Ноулз отступила к своей машине.

Райли ухмыльнулся.

— Перестань. — сказала Эмма, не в настроении выдержать его насмешки.

Если она думала, что все будет проще, потому что она поговорила с тренером, она была

неправа. Все стало только хуже. дѣ

Глава 6

Исчезла тренерская давайте-быть-лучшими-друзьями улыбка. Прошли расширенные перерывы на воду. Исчезли самовольство и опоздания, лень и пассивность. Решение для девочек, которые не исполняют стандарт во время практики? Спринт. Наказание для девушек, которые говорили вне очереди? Спринт. Штраф за упущенный мяч? Спринт. О время, подумала Эмма, пока ее ноги стучали по полу спортзала вместе с остальной командой.

Зазвучали два коротких свистка от тренера, указывая на конец их спринта. Затем началось самое интересное. Они не прыгали в свалку и не обучались сложной игре, которую большинство девушек не поймут. Вместо этого, они учились делать один отскок во вспомогательном спортзале.

Вспомогательный спортзал был расположен в углу школы, и был закрыт после реконструкции школы. В отличие от основного спортзала с его новой краской, новым деревянным полом и новым оборудованием, вспомогательный спортзал выглядел так же, как и сорок лет назад. Вместо традиционных школьных цветов пожарной машины: красного и белого, с цветными девизами, вдохновляющими студентов, сейчас зал поблек и стал красно-оранжевым и желтым. Лампы над головой отбрасывали даже более скучный желтый оттенок на пространство, а свежий воздух подавлялся запахом пота и старой обуви. По крайней мере, в спортзале были кольца. Кольца с сетями выглядели так, будто распадутся от соприкосновения с мячом.

Единственное, для чего использовался вспомогательный спортзал, это лишь для того, чтобы скрыть безобразия школы. Другими словами, это было прекрасное место, чтобы никто не видел и не слышал, или думал о баскетбольной команде девочек. Они не заслуживают ничего лучшего, пока они не выиграли хотя бы одну игру. В то время, как баскетбольная команда мальчиков практикуется в основном спортзале на противоположной стороне университетского городка, Эмма застряла с девушками во вспомогательном спортзале. Нет котировок или плакатов, способствующих совместной работе или вдохновению студентов мечтать и достигать. Это были просто старые кирпичи и строительный раствор. Что еще проигравшей команде из восьми девушек нужно?

Несколько раз во время занятия, Эмма и тренер Ноулз обменялись взглядами. Взгляд тренера всегда содержал долю извинения за отсутствие таланта в команде, и частично долю страха, что Эмма покинет тренировку снова. Она не должна чувствовать жалость к женщине. Джен Ноулз добровольно вступила в должность, но она понятия не имела, как эффективно тренировать. Она старалась сгладить тренировку, чтобы девочки учились быстрее. По крайней мере, Эмма не была единственной, кто борется.

Менее чем двадцать четыре часа назад, тренер Ноулз стояла на краю баскетбольной площадки, умоляя Эмму вернуться к команде. Ну, по мнению Эммы, команде не нужна была помощь. Или, может быть, она не хотела тратить энергию, чтобы принести девочкам победу. В любом случае, она молчала и пусть Джен Ноулз исправляет ситуацию. Конечно, было много всего, что нужно изучить: много пропущенных моментов, много вышедших из-под контроля дриблингов, но они никогда не должны пропускать основы баскетбола: обработка мяча, прохождение, броски и оборона. Может быть, Джен Ноулз сосредоточила поиск в Google на правильной технике баскетбола. Кто знал? Что бы она ни сделала, тренер Ноулз

перестала оправдываться и начала быть тренером.

К концу тренировки, казалось девушки на самом деле, поняли, что из себя представляет игра в баскетбол. Может быть, после всего, эта команда девушек способна достичь прогресса. Даже если это произойдет в замедленном движении.

Тренировка, наконец, закончилась. Остальная часть команды вышла из зала и Эмма вздохнула с облегчением. Наконец-то. Тишина и покой. Без девушек.

Стоя в середине площадки с мячом под мышкой, она глубоко вздохнула и закрыла глаза. Нет топота ног в спортзале, никаких визгов, пронзающих тишину, ни воплей, загрязняющих воздух. Она почти слышала отдаленные ноты бодрости духа, ура из толпы, и вопли тренера о создании кричалок к бою Брэдшоу для победы над противоположной командой. Они не могли представить себе, каково это, играть в реальной игре против реальной команды с фактическим счетом. Осталось чуть более недели до их первого матча в этом сезоне. До тех пор, они могли только мечтать об отдыхе и послаблениях.

Открыв глаза, она начала отбивать мяч об пол спортзала, звук которого эхом отдавался в пространстве вокруг нее. Раньше она никогда не была одна в спортзале. Она могла играть, стрелять и бегать, как сумасшедшая, и никто не будет осуждать ее.

Поэтому Эмма решила воспользоваться этим временем.

Охраняемая воображаемым защитником, она развернулась и побежала, направляя мяч из одного конца зала в другой. Она разделила оборону и избегая ловушек, победила своих противников с двойным кроссовером, два шага, поддельный подскок, и каждый ход, она четко знала и выполняла. Семейные проблемы, девичьи драмы и всё напряжение растаяло, баскетбол позволил ей уйти от мира.

Пот обливал ее лицо, когда она играла. Она любила конкурировать с парнями и то чувство победы, когда они проигрывали ей, любила твердо стоять, когда их тела врезались в нее, слышать их смех и крики, когда они дразнили ее. Но здесь и сейчас, в одиночестве, старый спортзал, нет парней, препятствующих ее движению. Вот и сейчас, с быстрыми ногами и идеальным броском, она чувствовала себя изящной.

Она сделала последний бросок из-за трехочковой линии. Ее запястья висели в воздухе, когда она смотрела на полет мяча. Ничего, кроме кольца.

Она оставила мяч на полу, зная, что завтра он будет здесь, повернулась, чтобы пройти через спортзал и забрать сумку с трибуны, надеясь, получить наслаждение ее новообретенным миром, по крайней мере, еще пять минут, но какое-то движение привлекло ее внимание. В верхней части трибуны была Эшли, ее глаза-бусинки смотрели на Эмму. Улыбка Эммы исчезла. Ее мир? Разрушен.

Это так не работает.

Маленькая подхалимка! Она там была все время, пряталась в углу деревянных трибун, наблюдая за Эммой, как одержимая баскетбольной неудачницей. Так для частной жизни. Малышка ошибочно думала, что они были друзьями. Помимо защиты новичка от гнева Лорен, Эмма не сделала никаких намеков, что они могут быть друзьями и сейчас их делать она не собиралась. Решив, что лучше игнорировать своего нежелательного зрителя, Эмма продолжила путь по спортзалу к нижнему ряду трибун, где она натянула рубашку с суперской скоростью.

Малыш направилась вниз трибуны, медленно двигаясь к Эмме.

Несмотря на неделю тренировок и активных усилий тренера, новичок была худшим баскетболистом, которого Эмма когда-либо видела, но это было не из-за отсутствия опыта.

Некоторые люди просто были талантливый, другие — нет. Эшли не была.

— Ты удивительный баскетболист, — сказала Эшли.

— Если ты так говоришь.

— Как ты добилась такого хорошего результата?

Ненужные трепет излучаемый от голоса Эшли, раздражали Эмму.

— Это называется практикой. — Она застегнула молнию сумки и перекинула ее через плечо. Чем быстрее она могла сбежать, тем лучше.

Эшли проскочила остаток трибуны и прыгнула на пол, где споткнулась и упала перед Эммой. Эмма покачала головой и перешагнула распростертое тело Эшли, направляясь к двери. Малыш вскочила перед ней, преграждая ей путь выхода.

— Подожди. — выдохнула Эшли.

— Я знаю, что я не очень хороша в баскетболе. — быстро сказала Эшли, убирая пряди волос с лица.

— По сравнению с тобой я, вероятно, наихудший игрок в мире. Когда ты играешь, все выглядит так просто. Я бы многое отдала, чтобы иметь хоть унцию твоего таланта. Я наблюдаю за тобой на каждой тренировке и пытаюсь копировать, но это без толку. Ты лучше, чем Лорен или любая из девчонок в команде и я думаю, что у меня есть неплохие шансы пройти весь путь в этом году с вами в команде.

— Иии..... - Эмма закатила глаза к потолку. Ей казалось, что эта девушка могла стоять тут в течение нескольких часов.

— У тебя есть, что сказать мне или ты просто тратишь свое время?

Эшли посмотрела Эмме в глаза и, подобравшись всем своим маленьким телом, с большим мужеством глубоко вздохнув сказала.

— Я хочу, чтобы ты меня тренировала.

Ну, это было неожиданно. Эмма рассмеялась.

— Я так не думаю.

— Почему нет?

— Потому что я ничего не знаю о тренерстве, вот почему.

Эшли придвинулась вперед, не заботясь о личном пространстве Эммы.

— Ты не должна учить меня всему, всего несколькими вещам, так чтобы я не потерпела полный провал в случае, если я когда-нибудь буду принимать участие в реальной игре. Я знаю, я знаю, что это, скорее всего, не произойдет, но что, если?

Ее глаза потускнели и она отступила от Эммы, очевидно, поглощенная проигрыванием возможного сценария.

— Что, если по какой-то причине я останусь одна на скамейке и тренер поставит меня в игру?

Тогда мы обречены, думала Эмма.

Эшли вывела ее из транса.

— Я не могу для всех проиграть.

— К сожалению, — сказала Эмма, без малейшего сочувствия.

— Я не даю частные уроки. Она обошла Эшли и направилась к двери.

— Пожалуйста, попросила Эшли. — Я заплачу тебе.

Эмма обернулась. Упоминание денег никак не могло побудить ее. То что она была бедна, не означало, что ее можно купить.

— Это такая шутка? — выплюнула она. Не думаю, что это первокурсник способен

опустится так низко, чтобы оскорбить ее. Это у Лорен был такой способ унижить ее.

— Нет, не шутка, — Эшли покачала головой, ее глаза расширились.

— Я сделаю все. Пожалуйста.

Искренность в голосе Эшли была очевидна, но Эмма все еще не верила.

— Почему я? Ты не научишься всему на тренировках?

— Ты видела, как я играю? Мне нужно намного больше времени, чем два часа в день.

Эмма сдержала улыбку. Она знала, больше остальных, насколько Эшли необходима помощь.

— Пожалуйста, — скулила Эшли. — Я умоляю тебя.

Никто не видел, как жалко выглядела Эшли. Это было просто грустно. Малыш с узловатыми коленями, костлявыми руками, и молочно-белой кожей. Ее большие карие глаза умоляли Эмму. Невинность. Когда Эмма посмотрела в глаза Малыша, все, что она видела, была невинность. Невинность, Эмма давно забыла что это такое. Ее сердце немного смягчилось видя очевидный интерес Малыша в увлечении любимым спортом Эммы. По какой-то неизвестной глупой причине, Эмма не могла найти слов, чтобы отказать ей.

Она внутренне ругала себя, сделав глубокий вдох, попыталась получить ясную перспективу ситуации. Она не знала, ничего о тренерстве, но возможно, если она проведет несколько часов с Эшли, та сможет быть в меньшей опасности на поле. Она не может быть плохой. Кроме того, Эмма будет не в состоянии смотреть, как Малыш плачет из-за нее. Ее подбородок был опущен, а в глазах стояли слезы.

— Лорен или кто-то еще обучали тебя до этого?

Эшли покачала головой.

Эмма вздохнула, зная, что она собирается сделать самую большую ошибку в своей жизни.

— Отлично, все в порядке. Я научу тебя кое-чему.

Эшли радостно крича, бросилась на Эмму и обвила худыми руками Эмму вокруг талии.

— Спасибо, спасибо, спасибо!

— Ладно, ладно. Эмма, попытавшись вывернуться из объятий, заметила сколько силы было в обладательнице столь крошечной фигуры, чем она первоначально думала.

— Отстань от меня!

Эшли рассмеялась и отпустила, и Эмма отшатнулась. Она сунула руку в сумку и достала кошелек.

Эмма схватила Эшли за запястье. Не достаточно сильно, чтобы остались синяки, но достаточно, чтобы дать понять первокурснице серьезность своего следующего заявления.

— Правило номер один, я не беру деньги. Правило номер два, ты делаешь то, что я говорю и когда я это говорю. Правило номер три, ты никому об этом не рассказываешь. Поняла?

Эмма ни в коем случае не позволит этому ребенку унижить ее в любой форме.

— Да, это тебе не грозит вообще, — сказала Эшли.

— Когда мы начнем?

Эмма вздохнула, интересно, как скоро она пожалеет об этой договоренности.

— Когда ты хочешь начать?

— Сейчас?

Эмма рассмеялась, зная, Эшли говорила совершенно серьезно.

Как бы заманчиво в данный момент это не звучало, но ей нужен перерыв для отдыха от

команды, приготовления пищи и чтобы подумать как проводить индивидуальные занятия и сколько времени это займет.

— Как насчет завтра после тренировки?

Эмма о тренерстве ничего не знала. Все, что она знала о баскетболе она узнала от Райли и его отца. Они переехали на улицу Леджеров, когда Эмме исполнилось девять. На следующий день после переезда, Райли появился у своего дома с портативным баскетбольным кольцом, отрабатывая дриблинг и броски так сосредоточено, как будто ничто другое в мире не имело значения.

Она ездила на своем велосипеде, или вернее на одном из велосипедов ее братьев, назад и вперед перед его домом, проверяя нового ребенка, прежде чем ее братья успеют добраться до него и настроить его против нее.

Ее братья никогда не стремились делить своих друзей со своей младшей сестрой, так что единственным способом Эмме подружиться с ним, это добраться до него первым.

Как только Райли ее увидел, он окинул ее оценивающим взглядом с головы до ног, в ответ на ее такой же взгляд.

Она могла только представить себе, что он мог увидеть: девочка в дырявых джинсах, со спутанными волосами, перепачканным лицом и грязными обкусанными ногтями. Она ждала, что он начнет оскорблять ее и прогонит прочь, как бездомную кошку, но он конкретно ее удивил.

Он посмотрел на баскетбольный мяч в руках и, сощурился спросил.

— Ты играешь?

Разве ее братья могли ее видеть? Вместо устного ответа, она пожала плечами.

— Ну, ты хочешь играть? — Спросил он осторожно.

Она снова пожала плечами, не желая показывать насколько отчаянно она нуждается в его дружбе.

— Конечно.

Эмма соскочила со своего велосипеда и присоединился к нему.

Он передал ей мяч.

— Я Райли, кстати.

— Я Эмма.

Они посмеялись и по очереди делали броски — Райли делал все броски и Эмма все схватывала на лету. Через несколько минут они слышали чей-то смех сзади.

— Я отошел всего на пять минут, и ты уже нашел себе подругу?

— Папа, — простонал Райли. Эмма не моя подруга. Она баскетболист.

— Это Эмма? — Г-н Леджер посмотрел ей в глаза, как будто она была реальным человеком и протянул руку, чтобы пожать ее.

— Приятно познакомиться.

Райли мог бы сказать своему отцу что он Супермен и это произвело бы на нее тот же эффект.

Он заставил ее встать чуть повыше, поднять подбородок чуть выше и чувствовать, что она может покорить мир.

Впервые в своей жизни, она не была глупой девочкой или младшей сестрой. Она была баскетболистом, у нее была цель. Ей нравилось, как это звучало.

Именно тогда и там, Эмма решила, что она будет делать все, чтобы быть баскетболистом.

Очевидно, что отец Райли хотел, чтобы его сын был лучшим и для того, чтобы быть лучшим, он должен играть против лучшего. Таким образом, то что могли сделать Райли и его отец, это превратить Эмму в лучшего баскетболиста.

Было ли это их общей любовью к баскетболу, желанием единственного ребенка или потребность одинокой девочки в друге, Райли и Эмма были неразлучны с тех пор.

Теперь, пытаясь выяснить, как научить кого-то играть, она вспоминала как её обучал г-н Леджер.

Терпение, юмор и любящее прикосновение отца. Он показал ей, как держать мяч для броска, как амортизировать мяч в руках, чтобы вести, а не потерять его, как столкнуться с противником без страха. Г-н Леджер показал ей все вещи, на которые у ее отца никогда не хватало времени.

Так или иначе, во время тех баскетбольных уроков, Эмма училась доверять им больше, чем ее собственной семье. Возможно это было, потому что они угощали ее вишневым мороженым и свежей выпечкой, добродушно улыбнувшись и ударив по рукам.

Может быть, это потому, что Райли всегда смешил ее, а его родители всегда были счастливы видеть ее. Иногда ей казалось неправильным идти к мистеру и миссис Леджер, а не своему собственному отцу, когда у нее возникал вопрос или проблема, на которые может ответить только родитель. Иногда ей казалось неправильным, что она чувствовала себя безопаснее с Райли, чем с ее собственными братьями. Ведь семья должна была держаться вместе. Может быть, его родители замечали, как она иногда жалела, что она Врангтон, а не Леджер. Может быть, поэтому ушла мать, а отец оттолкнул ее.

Эмма покачала головой. Прошлое было прошлым. Сейчас нужно было выяснить способ как научить новенькую играть в баскетбол.

Школьный день прошел, а она все еще не сформулировала план. И вовсе не помогало то что Эшли, в течение всей тренировки команды находилась рядом с Эммой, как будто опасалась что та забыла бы об их соглашении.

Это напрягало ее. Если бы она могла сделать дриблинг, не налетая и не сталкиваясь с остальными, это было бы неплохо, но это было не так и Эмма уже дважды из-за нее споткнулась.

Тренировка, наконец, закончилась, но Эмма не приступила к индивидуальному обучению Эшли, пока все не покинули зал. Эшли была полностью сосредоточена на Эмме. Эмма была как профессиональный баскетболист. Полностью раздраженная, Эмма надеялась, что она выдержит один на один и не придушит Эшли.

Эшли, для своего возраста была маленькая в размере и форме, и не имела опыта. Она не понимала, как пользоваться локтями, так чтобы каждый не толкал ее и тем самым добиться уважения на площадке. Не поможет, то что Эшли всегда удавалось столкнуться. Наименьшее расстояние между двумя точками прямая, но Эшли нужно научиться маневрировать пробиваясь к корзине.

Эмма стояла и не имела понятия с чего начать решение проблемы которая сейчас стояла перед ней. Сделав глубокий вдох, она покрутила баскетбольным мячом перед лицом Эшли, надеясь на то что нужные слова найдутся, если она начнёт говорить.

— Это, — сказала она. — Это баскетбол. Человек может получить больше, чем основные знания.

Эшли смотрела на мяч, изогнув брови над большими глазами, губы слегка приоткрылись и она наклонилась немного вперед, как будто нюхала цветок.

— Ты контролируешь баскетбол. Эмма провела мячом перед животом Эшли. — Не баскетбол контролирует тебя. Поняла?

Эшли кивнула.

Увидев на тренировке отсутствие таланта у Эшли, Эмма начала с абсолютных основ, чтобы та привыкла к мячу в руках и не смыкала его.

В течение следующих двух часов, двух часов!... Эмма учила Эшли, как делать дриблинг. Не между ногами или за спиной или некоторым воображаемым обманывающим движением, которое закончилось бы провалом, но одной основе за один раз. Левая рука, правая рука, прямая линия, зигзаг, высшая точка, низшая точка. За два часа Эшли усвоила дриблер.

— Как далеко ты живешь от школы? — спросила Эмма, когда они подошли к стеллажу с баскетбольными мячами.

Эшли пожал плечами. — Около мили.

— Ты добираться на автобусе?

Эшли покачала головой. — За исключением пятницы, когда мама забирает меня.

— Начиная с завтрашнего дня ты идешь в школу пешком, и ты всю дорогу ведешь мяч. Удар справа, затем удар слева. Поняла?

Эмма увидев как та сжала челюсть, готова была услышать жалобы и стенания, но вопреки ее ожиданиям, Эшли только вновь кивнула, тем самым дав понять, что ей ясен смысл требования.

Что заставило новичка, пожертвовать своими поездками на автобусе отдыхая после школы в обмен на одномильный поход без капли жалобы?

— Только не по пятницам, — бросила Эмма.

Чтобы она ни сделала, чтобы иметь возможность в пятницу по утрам ездить со своей мамой. — Ты можешь, исключить пятницу. Хорошо?

Еще один кивок. Эмма получила отчетливое ощущение, что она могла попросить ее прыгать с моста в ледяную воду каждое утро, и она это сделает.

— Спасибо, — сказала Эшли. — Я узнала от тебя так много. Я уже чувствую себя словно лучший игрок.

— Ага.

Эшли, возможно, чувствовала себя лучшим игроком, но она по-прежнему должна была пройти долгий путь.

— Я серьезно, — сказала Эшли, светясь как шестилетка на Рождество. — Ты потрясающий тренер.

Эмма исподлобья глянул на нее. — Я не тренер.

Тренеры — хорошие тренеры — играли значительную роль в жизни спортсмена.

Они делали из людей игроков, направляя их, чтобы быть лучшими и добиться большего успеха, продолжая тренировку независимо от того, насколько тяжело она им дается.

Тренеры вдохновляли и заставляли команду объединяться и вместе бороться за совершенство.

Это прошло лучше чем ожидала Эмма, но только потому, что она смогла научить новичка нескольким навыкам не означает, что она была тренером. Даже не близко.

Эмма жила не далекая от школы. Хотя добираться до дома и занимало какое-то время, но за неимением автомобиля, велосипеда, или даже скейтборда, ходьба была лучшей вещью. Темнота никогда ее не пугала. Она знала, как бить и кричать, и как нанести достойный удар, и если кому-то не нужны были неприятности, никто не будет нападать на девушку, не имеющую никаких денег или ценностей.

Отсутствие общения было хорошо, учитывая, что она просто пережила полный учебный день, двухчасовую тренировку, и еще два часа тренировки с Эшли. Да, за два часа! Она планировала остаться только на двадцать минут, но когда она посмотрела на часы, прошло два часа. Ее ноги были резиновыми, руки словно омертвели, а рюкзак, казалось, весил пятьсот фунтов. К тому времени, как она подошла к подъездной дорожке своего дома, ее глаза были полузакрыты, а ноги еле перемещались.

— Привет.

Одно слово, плюс силуэт человека, с треском вылезавшего позади нее из кустарников перед ее домом, когда на улице уже непроглядная темень заставило Эмму занервничать. Реакцией нормального человека подвергнувшегося нападению ночью, был бы пронзительный крик, но Эмма не собиралась опускаться до такого уровня. Ее рука сжалась в кулак и была отведена в сторону готовая нанести удар нападавшему, когда она узнала Райли.

— Боже, — выдохнула она, опуская руку. — Ты мог бы в следующий раз не пугать меня до смерти?

Такое приветствие, как выпрыгивающий из кустов в безлунную ночь парень, одетый в черное, было неприемлемо.

— Разве тренировка не закончилась три часа назад? — требовательно спросил Райли. — Почему ты так поздно?

— Ты что, мой надзиратель?

Он просто уставился на нее, ожидая ответа.

Райли был последним человеком, кому она хотела бы рассказать о том, что ее время после тренировки, теперь посвящено обучению некоторому неумелому новичку — девушке, основам баскетбола.

Это все равно, что сказать ему, что она, как старшекурсница должна учиться в коррекционном математическом классе. Он будет смеяться, он будет обвинять ее в мягкотелости или, что еще хуже, он бы на самом деле согласился с договоренностью. Истинное признание было не в ее интересах. Она подавила зевок.

— У меня много дел.

— Каких дел?

— Это что вопрос? — она пожала плечами.

— Ты ведь не встречаешься ни с кем?

Встречаться с двумя одновременно? Серьезно? Она покосилась на него, пытаясь понять, шутит ли он, но в темноте это сделать было трудно. — Что за вопрос?

Он пожал плечами, и спросил в небрежной манере "я-знаю-ты-что-то-от-меня-скрываешь".

— Все зависит от твоего ответа.

— Мой ответ не изменится, — сказала она категорично и прошла мимо него, закатив глаза. Она слишком устала, чтобы играть в его нелепые игры, особенно после двух часов тренировки с новичком. Райли и Эмма были друзьями. Помимо недавних поцелуев, между ними никогда не было ничего больше дружбы, тем более свиданий еще с кем-то. С друзьями

так не поступают.

— Так, значит, ты еще не нашла себе парня? — он не стал тратить время, пытаюсь преградить ей путь в дом, зная, что она обернется и вернется назад для столкновения с ним.

Она открыла рот, чтобы ответить, но не произнесла, ни слова. Как она должна была реагировать на этот вопрос? Парень? С чего вдруг у него появилась такая абсурдная идея?

Он наклонился к ней. — Потому что если ты нашла себе парня, мне нужно встретиться с ним и провести его через достойное испытание.

Она скрестила руки на груди и выгнула бровь. Это должно быть хорошо. — Достойный тест?

— Да, достойный тест.

Он был абсолютно серьезен. У них было много разговоров в течение восьми лет их дружбы, и они затронули многие темы, но достойные испытания были не из их числа. Теперь, когда он перешел определенную границу, ее любопытство достигло максимума.

— Какой?

— Ты знаешь, вопрос А, — он начал загибать пальцы.

— Каков его мотив для знакомства с тобой, каковы его намерения, и насколько хорошо он думает он знает тебя? Если он пройдет, я буду указывать ему, как ухаживать за тобой. И я буду лично сопровождать вас повсюду, пока не буду уверен, что ему можно доверять.

Она рассмеялась. Первая мысль, что парень влюбился в свою подругу, показалась ей абсурдной.

О парнях она знала слишком много, и не думала о них как о потенциальных ухажерах, и сама уж точно не была объектом для ухаживания.

Во-вторых идея Райли об испытании вгоняла ее в истерику. Она могла представить себе это в деталях и знала что он приведет в исполнение свои угрозы.

В попытке выглядеть устрашающе он оделся во все черное, в руках он держал ручку и блокнот и чтобы заставить ее нервничать непрерывно что-то в нем строчил и нервно раздражающе ею щелкал. Он никогда не согласится с тем, что ее предполагаемый парень скажет или сделает и после тщательного анализа, Райли определит что парню нельзя доверять и тем самым выполнит свою роль в качестве защитника.

Она взяла на заметку что Райли был заинтересован в ней, но ему не обязательно знать о ее догадке.

Все, что она могла сделать, так это уставиться на него. — Ты невероятен!

— Нет, никакого парня, — заверила она его. Было ли это ее воображение или Райли на самом деле издал вздох облегчения?

Он скрестил руки на груди и его глаза сузились, изучая ее. — Но ты все равно не скажешь. Она покачала головой.

— Так нечего говорить.

Его плечи опустились, руки упали по бокам.

— Я думал, что мы были друзьями, — он склонил голову, выпятил нижнюю губу и выглядел разочарованным. — Лучшие друзья.

Ни в коем случае она не собиралась позволить ему, заставить чувствовать себя виноватой, независимо от того, как жалко он выглядел.

— Мы друзья! Лучшие друзья, — не сумев сдержать улыбку на лице, Эмма толкнула его в грудь.

Смеется, он обхватил ее вокруг талии, чтобы предотвратить ее падение назад.

— Несмотря ни на что?

— Несмотря ни на что, — подтвердила она, пытаясь понять, почему ее пульс ускорился, когда он потянул ее к себе.

— Обещаешь? — он прижался лбом к ее и пристально посмотрел ей в глаза, как будто она могла солгать ему.

Пойманная в ловушку его рук, она не могла сделать ничего кроме как дать обещание.

— Да, я обещаю.

Она отодвинула лицо от него желая, чтобы он отнесся к ней серьезно. Последнее, что она хотела, это чтобы он начал шпионить за ней.

— Но это не означает, что тебе нечего мне сказать. — Он не поверил ей. Сомнение было написано на его лице.

— Ладно, — он пожал плечами в знак поражения.

— Я думаю, ты имеешь право на личное пространство.

— Да.

Она провела слишком много времени с девушками в течение двадцати четырех часов и еще надо было до завтра закончить домашние задания, не говоря уже о разработке стратегии, как хранить секреты от лучшего друга.

— Спокойной ночи, Райли. Она вырвалась из его объятий и направилась в сторону дома.

— Я выясню в конце концов, — предупредил он. — Ты знаешь, что я это сделаю.

— Нет, если я не захочу, — подумала она. Не оборачиваясь, она подняла руку в прощальном жесте.

Он подождал, пока она дошла до входной двери и произнес.

— И когда я это сделаю, лучше нам быть друзьями.

Об ужине Врангтоны либо заботились сами, либо, в таком редком случае, как сегодня, папа покупал фаст фуд. Еда была свалена посреди стола и распределялась по принципу «первый пришел — первый схватил». Навыки блокирования при борьбе с братьями из-за еды у Эммы были развиты в совершенстве. Или же, если все терпело неудачу, она могла быстро просунуть руку под салфетку и сцапать достаточно еды, по крайней мере, чтобы предотвратить голодные спазмы ночью. Она знала на своей шкуре о последствиях отсутствия еды, но сегодня вечером не это было ее приоритетом.

— Итак, папа, — Эмма попыталась произнести это как можно небрежнее, но даже она услышала дрожь в своем голосе. — Я создала баскетбольную команду в школе.

Лэнс фыркнул, засовывая кусок курицы себе в рот.

— Тоже мне, большое дело. Девчачьи команды — отстой, — он оттолкнулся от стойки, протаранил Эмму своим плечом и стремительно прошел мимо нее к столу. — Что вы такого можете показать?

Женская сборная, несомненно, в течение многих лет имела определенную репутацию и любой знал это.

— Они не так плохи, — сказала она в пол, чувствуя побуждение встать на защиту своей команды, хотя было гарантированно, что она и Лэнс никогда не сойдутся в этом вопросе.

Лэнс покачал головой, схватил другой кусок курицы и направился к гостинной.

Эмма сосредоточила взгляд на отце. Он прислонился к стойке, потягивая рутбир из банки, возле него стояла тарелка с нетронутой едой. Последний раз они разговаривали о баскетболе больше двух недель назад, когда она попросила у него новые ботинки.

— Наша первая игра завтра, и я... — она переместила вес с одной ноги на другую и закусил губу, ненавидя то, что хоть она должна была спросить его в любом случае, все равно была уверена, что он откажет. — Я подумала, может, ты прийдешь посмотреть мою игру?

— Завтра? — отец почесал подбородок, будто бы обдумывая такую возможность. — Я думаю, что должен работать.

«Идиотка!» — выругала она себя. Конечно, он должен работать. Ей следовало попросить его еще неделю назад. Отец начал уходить, но Эмма последовала за ним.

— Как насчет следующей недели? Во вторник или четверг? — она съежилась от того, что ее голос звучал на грани отчаяния, умоляя, как какой-нибудь нуждающийся ребенок. Почему маленький огонек надежды внутри нее никогда не гаснет, неважно, сколько раз отец отказал ей?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Едва посмотрев на нее, он сказал:

— Ты же знаешь, что я ничего не могу гарантировать. Мой рабочий график меняется иногда поминутно.

Эмма кивнула. Она знала, что он не контролировал свой рабочий график. Это было эгоистично с ее стороны — попросить потратить даже два часа на просмотр глупого баскетбольного матча, который они в любом случае наверняка проиграют. Даже если бы он не должен был работать, даже если бы он не использовал любую возможность, чтобы посмотреть игру Лэнса, он заслужил свободный от обязательств вечер.

— О кей, — сказала она. — Может быть, в другой раз.

Положительным моментом в произошедшем было то, что ее аппетит исчез — там не осталось никакой еды, хоть выпрашивай объедки. Она ушла в спальню, чтобы сесть за домашнюю работу и отвлечься от мыслей о семье. Полчаса спустя, как раз, когда ужин братьев подходил к концу, а Эмма закончила свою домашнюю работу по физике и сделала половину задания по английскому, она услышала голоса по другую сторону стены. Папа и Лэнс. Эмма погрузилась с головой в свою домашнюю работу, зная, что если она не закончит ее сейчас, она может не закончить ее вовсе.

Голоса за стеной стали громче и она вздрогнула. Отбросила свои книги и притянула ноги к груди, обняв их руками. Насколько плох будет сегодняшний вечер? Она закрыла глаза, но от этого крики стали только отчетливей. Изнеможение просочилось сквозь нее, когда она услышала их спор. Лэнсу нужны были деньги. Опять. У отца не было достаточно денег, чтобы ему дать. Опять. Она ненавидела их голоса, просачивающиеся сквозь стену в ее спальню, от которых в ее животе закручивались узлы.

Она вздрогнула, когда что-то ударило по стене. Осколки разбитого стекла со звоном посыпались на пол. Лэнс. Отец никогда ничем не швырялся, но она могла представить его сжимающим и разжимающим челюсть в попытке удержать свой нрав в узде. За исключением нескольких случайных происшествий много лет назад, ее отец никогда не бил своих детей, но она знала, что ничто не высечено на камне. Она боялась, что однажды Лэнс попадет под отцовский кулак, и она не хотела оказаться в радиусе 10 миль, если такое когда-нибудь случится, даже если Лэнс заслужит это. Она не хотела стать свидетелем реакции Лэнса или увидеть, как ярость превратит ее отца в чужака.

Не желая оставаться поблизости и узнавать, чем закончился сегодняшний спор, она надела туфли, пересекла короткое расстояние до ее личного выхода, и выбежала в ночь. Идти было некуда и она пошла вниз по улице, кидая быстрые взгляды через окна соседей. В одном доме она увидела молодую пару, танцующую посреди кухни. Мужчина наклонился и прошептал что-то женщине в ухо. Женщина запрокинула голову назад и рассмеялась в потолок. Эмма остановилась, наблюдая, как они кружатся в танце, и спросила себя: «Вели ли себя когда-нибудь ее родители, как влюбленная пара?»

Почувствовав вину, шпионя за соседями, она отступила к Лэджерам. В их доме было темно, только фонарь над крыльцом сиял, как маяк в ночи. Она была рада, что Райли не воспитывается в доме, где деньги ограничены и ежедневно вспыхивают ссоры и скандалы. Он заслужил все, что имел: замечательных родителей, деньги, любовь и смех. Она готова пожертвовать чем угодно, чтобы избавить его от такой жизни, как у нее.

Время, проведенное в одиночестве на переднем крыльце Лэджеров, притупило ее беспокойство. Она прислонила голову к высокой спинке плетеного кресла и выдохнула; ее дыхание поплыло вверх струйками пара. Она натянула рукава своего свитера на замерзшие ладони и скрестила руки на груди, чтобы согреться. Даже мерзнуть на переднем крыльце у Лэджеров было все равно лучше, чем находиться дома. Она задалась вопросом: «Ее семья всегда была такой неблагополучной, или это было только естественное последствие ухода "жены-тире-матери"?»

Даже сегодня Эмма не могла объяснить, что пошло не так и почему ее мама ушла. Конечно, ее родители иногда ссорились, как и все родители, но ни один из их споров не заканчивался битым стеклом и синяками. Тогда она жила в доме, деля комнату с Ленни и Лукасом. Лэнс был настоящей звездой баскетбола, а Логан был лучшим учеником в классе.

Тогда денег у них было не больше, чем сейчас, но они были счастливее. Или Эмма так думала. Но однажды она проснулась, а ее мама...ушла. Не оставив записку, не попрощавшись. Просто ушла.

Уход мамы расколол семью, изменив всё и всех. Логан ушел в книги. Лэнс стал раздражительным и озлобленным, Ленни и Лукас перестали подчиняться правилам, а отец вроде как ожесточился. Он всегда был спокойным человеком, но Эмма плохо помнила его до того, как все изменилось. Чем больше она пыталась вспомнить, тем туманнее был образ. Эмма помнила отца, целующего ее на ночь, дающего ей пять, когда Райли рассказывал ему о какой-нибудь ее выходке на баскетбольной площадке и вытирающего ей слезы, когда она получала ссадины. Но у нее не было никаких доказательств, что эти воспоминания были реальными. Как могла его любовь к единственной дочери исчезнуть в одночасье? Где-то глубоко внутри он по-прежнему любил ее, верно?

Эмма покачала головой, не доверяя себе продолжать думать в этом направлении. Она переключила внимание на баскетбол. Первая игра Брэдшоу будет завтра, с командой из старшей школы Джефферсон и Эмма еще не знала, готовы ли Брэдшоу к настоящему состязанию. Да, игра команды улучшилась, но баскетбол в приятной, управляемой, дружеской обстановке сильно отличался от безумного баскетбольного матча с игроками, которые скорее повалят тебя на землю, чем дадут свободно пройти. Команда будет выглядеть и чувствовать себя совсем иначе после своей первой игры.

Единственными девушками, которых Эмма видела играющими в баскетбол, были семь девчонок из ее команды. Она не знала, чего ожидать от противников. Другим командам лиги тоже не хватало мастерства, игроков и опыта? Если да, то Брэдшоу могли попытаться выиграть. После нескольких недель тренировок, команда наконец показала признаки улучшения. Небольшие признаки. Они умели вести мяч, выполнять броски и через раз попадать в корзину, играть в защите, не спотыкаясь, ускоряться в беге, не падая от усталости. Единственный вопрос сейчас был в том, соответствовал ли уровень их подготовки уровню соревнования? Брэдшоу будет претендовать на свою первую победу в сезоне, или это будет их первое поражение из многих? Эта игра поведаст ей многое о женском баскетболе и о ее месте в нем. Эмма надеялась, что будет готова завтра к разыгрыванию мяча.

Где-то между размышлениями о разыгравшейся в ее семье драме и переживаниями о завтрашней игре, веки Эммы закрылись, и она задремала. Миссис Лэджер была той, кто нашел и разбудил ее:

— Эмма? Это ты?

Она дернулась, проснувшись. Ей понадобилась минута, чтобы понять, где она находится и узнать голос миссис Лэджер.

Миссис Лэджер осторожно сделала шаг вперед:

— Эмма?

Смущенная тем, что уснула, Эмма потерла глаза и наклонилась вперед:

— Здравствуйте, миссис Лэджер. Да, это я. Извините, если напугала Вас.

Миссис Лэджер с облегчением вздохнула, пересекла крыльцо и села рядом с ней.

— Все хорошо?

Эмма пожалала плечами, вспоминая причину своего прихода:

— Хорошо, как всегда.

Миссис Лэджер посмотрела на нее с неодобрением. Она была хорошо осведомлена о семейной жизни Эммы, так как Райли ничего не скрывал от своих родителей.

— Парни снова спорят?

Эмма кивнула.

Миссис Лэджер кивнула в ответ и вздохнула. Она осмотрела темные окрестности, как бы приводя в порядок свои мысли прежде, чем продолжить:

— Я слышала, что завтра первая большая игра.

— Да, — Эмма пожелала, чтобы завтра никогда не наступило.

— Ты готова?

Эмма покачала головой:

— Я ничего не знаю об игре в баскетбол с девушками.

— Я полагаю, что игра с мальчиками ничем не отличается от игры с девушками.

— Это не так, — парни действительно могут ловить мяч, тогда как девушки часто пропускают его сквозь руки, заплучив прямо в лицо. Парни могут бегать туда-сюда по площадке хоть весь день, девушки же не могут даже провести разминку, не прерываясь на прогулочный шаг. Парни играют, чтобы выиграть, девушки — чтобы пообщаться.

— Ты будешь превосходна, — миссис Лэджер нагнулась, чтобы похлопать ее по ладони. — Ты просто выйдешь туда и сыграешь в баскетбол. Райли всегда говорит нам, какой ты прекрасный, выносливый, талантливый баскетбольный игрок.

Эмма сомневалась, что Райли когда-нибудь говорил о ней такие слова. Больше похоже на отредактированную материнскую версию, но, в любом случае, она насладилась улыбкой, подаренной ей миссис Лэджер. В такие времена она тосковала по маме, которая ушла много лет назад без следа, оставив ее на произвол судьбы в семье, состоящей из одних мужчин.

Шаги застучали вверх по ступенькам крыльца, разрушив момент, наиболее близкий к отношениям между мамой и дочкой, из доступных Эмме. Райли взглянул на них, пересек крыльцо и упал Эмме на колени. Она застонала под его весом и попыталась оттолкнуть его, но он крепко обвил руками ее шею, расплющив ее лицо на своей груди.

Миссис Лэджер покачала головой и встала со стула.

— Позаботься о ней, — сказала она, сжав плечо сына.

— Я всегда это делаю, — он дождался, когда его мама закрыла входную дверь, прежде чем ослабить свою хватку на шее Эммы. — Ты в порядке?

— Буду, когда ты слезешь с меня.

Райли усмехнулся. Он поднялся с ее колен и предложил ей свою руку.

— Хочешь зайти ненадолго?

Одним из лучших качеств Райли было то, что он всегда знал, чего она хочет. Она не должна была повторять последний инцидент, произошедший в ее семье. Он просто, казалось, все знал. Она ударила его по ладони и взяла его за руку, следуя за ним внутрь.

В доме Лэджеров всегда пахло кондиционером для белья, свежееиспеченным печеньем или свежим воздухом, пронесившимся через открытые окна во время первых теплых весенних дней. Иногда с намеком на сирень или щепотку корицы, но их дом всегда пах домом. Это был, конечно, не ее дом, но иногда она не могла не притворяться. Притворяться, что она не должна была идти в свой дом, ожидая криков, рабочих ботинок, облепленных грязью, или запаха чего-то портящегося в холодильнике, просачивающегося оттуда в остальную часть дома. Она сделала глубокий вдох, смакуя момент, когда она следовала за Райли на кухню.

Он бросил свои ключи на стойку, схватил две бутылки апельсинового сока из холодильника и направился наверх в свою комнату. Эмма последовала прямо за ним. Она

упала на его кровать. Вместо протестующего скрипа пружин, ее приняли в свои объятия подушки.

— У меня для тебя кое-что есть, — сказал он, роясь в ящике своего письменного стола.

Она села на кровати:

— Позволь, угадаю. Еще один старый комикс?

Не отвечая, он захлопнул ящик, развернулся к ней и бросил что-то. Она поймала левой рукой то, что чуть не ударило ей в лицо. Нарукавная повязка. Красная, с белой вышитой «Б» (Брэдшоу).

— Не беспокойся, — сказал он, видя шок на ее лице. — Это не моя вонючая старая. Моя мама сделала тебе твою собственную.

Она не могла оторвать от нее глаз. Райли надевал точно такую же на каждую игру, в которой он участвовал. Его мама сделала ее для него в знак того, что неважно, как хорошо он сыграл или не сыграл, его родители все же любят его. Когда эта повязка только появилась у него, он жаловался Эмме, настаивая на том, что это некая глупая мамина вещица. Тем не менее, она никогда не видела его без этой повязки ни на одной игре. И сейчас миссис Лэджер подарила такую же Эмме.

Райли сел рядом с ней:

— Ты в порядке?

Она кивнула, не решаясь говорить из-за комка в горле.

— Ты же не собираешься мне тут плакать, или что-то в этом роде, верно? — он подтолкнул ее плечом. — Потому что это абсолютно женское дело.

Он был прав. Плач был для девчонок, но не для нее. Она не могла вспомнить, когда последний раз плакала. Может лет пять или шесть назад. Последнее, что она сделала бы — это разрыдалась над нарукавной повязкой, особенно, перед Райли. Вместо этого она ударила его подушкой и он засмеялся.

— Ты будешь великолепна завтра, — сказал он серьезным тоном.

Завтра. Первая игра в сезоне. Будет ли она готова?

Косы. Эмма не носила косы. Она не понимала, зачем Мэдисон и Кристи захватывали пряди волос и сплетали их вместе во французские косички. Это был вечер игры, и выглядело так, будто девушки таким образом демонстрировали командный дух — одинаково причесываясь. Глупость. Хуже всего то, что тренер была в полном согласии с этим безумием. Она даже пригрозила, что посадит Эмму на скамейку запасных в первой четверти, если она не уступит и не позволит им завладеть ее волосами. Не лучший способ начать сезон. Конечно, могло быть и хуже. Она могла бы оказаться на месте Кристи, чьи волосы были слишком коротки, чтобы их заплетать, так что с косами она выглядела так, будто из ее головы торчали две взорванные петарды.

Наконец, девушки закрепили на косах концы, тренер прогнала речь, и настало время выйти на площадку для разминки.

Эмма никогда не играла в баскетбол в спортивном зале с полностью функционирующей сетью, прикрепленной к кольцам, и настоящими судьями, назначающими фолы. Та свалка во время тренировки в вспомогательном зале не считается, так как они не могли сформировать две команды и с трудом играли без тренера, дующего в свисток и заставляющего их повторять действия раз за разом. Та тренировка была другой. Тренировка с девушками, которые должны были ещё проявить себя в конкурентной обстановке, в сравнении с тем, что происходило сейчас, была просто тусовкой подружек. Теперь, с настоящими людьми, пришедшими посмотреть на их игру, всё чувствовалось таким настоящим.

Женская сборная Брэдшоу вышла из безопасной раздевалки в хаос спортивного зала. После блёклых цветов вспомогательного зала, главный зал сверкал ярко-красными и белыми цветами школы. Огромный лев взревел на полу посреди площадки. С первого дня первого года обучения учителя призывали студентов быть такими же, как мощный талисман Брэдшоу, сильными и отважными. Так почему, почему слабость преобладала в тот момент, когда Эмме больше всего нужна была сила? Не имело значения, что половина мест на трибуне была пуста, что никто не ожидал от них победы, несмотря на пульсирующие ноты оркестра, эхом отдающиеся вокруг них, она не могла ничего слышать, кроме биения своего сердца.

Моё место не здесь.

Это осознание было настолько сильным, что выбило почву у неё из-под ног. Команда бегала по баскетбольному полю, а ноги Эммы оставались прикованы к боковой линии. Её место было не здесь, на площадке, заполненной девушками с мечтами о будущем и деньгами в банке. Девушками, чьи родители на трибунах одобрительно восклицали им. От неё никто никогда ничего не ждал. Она просто была простой девушкой, которую жалели люди и мимо которой проходили в школьных коридорах. То, что тренер Ноулз разглядела её способности к баскетболу и заставила вступить в женскую команду в надежде, что она поможет им выиграть игру или две, ничего не изменило.

Тренер, семь девушек и несколько десятков болельщиков ждали, что она приведёт проигрышную команду к победе, но она провалится. Она провалится и докажет всем, что бедным девушкам не место на площадке, полной богатых детей.

Тренер Ноулз шагала рядом с Эммой, хлопая в ладоши и потирая их вместе, излучая волнение. Она смотрела на Эмму, но не видела её. Она не видела, как руки Эммы тряслись, и

горло пересохло. Не замечала невидимый барьер, мешающий Эмме вступить на площадку и присоединиться к своим товарищам по команде. Всё, что заботило её, это их первая большая победа.

— Простите, — выдавила Эмма, отшатнувшись назад.

Она не успела увидеть, как страх просачивается в глаза тренера и как Райли, сразу осознавший, что что-то не так, спускается по трибунам. Она бросилась к выходу, больше не в состоянии дышать и едва в состоянии стоять на ногах. Она вырвалась через дверь в холодную зимнюю ночь, не замечая взглядов, которые бросали на нее люди, пока она пробежала мимо них. Глотая воздух, Эмма повернула за угол и нырнула в тень пустой ниши. Она прислонилась к школьной стене, нуждаясь в какой-нибудь твёрдой опоре. Эмма никогда бы не подумала, что ее первый баскетбольный матч начнется с нее, сбегающей со сцены, задыхающейся от паники. Наклонившись, она оперлась руками о колени и попыталась найти утешение в том, что теперь она находилась в темноте, укрытая от внимания. Там, где было её место.

Невидимая.

Почти.

— Ты в порядке? — обратился к ней голос, отрывая её взгляд от земли.

Райли стоял на краю тени, наблюдая за ней. Только ее учащённое дыхание заполняло тишину. Он шагнул из света во тьму, сбросив пальто, чтобы накрыть её плечи.

Его пальто было тёплым. Эмма просунула руки в рукава и крепче закуталась. Она подняла на него глаза, чтобы сказать «спасибо». А вместо этого произнесла:

— Я не могу это сделать.

Она ненавидела признавать слабость. Ненавидела вкус слов, выходящих из её рта. Ненавидела, как её тело тряслось в страхе от того, что возможно, произойдет на переполненной девушками площадке. Ненавидела, что Райли нашёл её, прячущейся в тени.

Не в состоянии больше оставаться под его спокойным пристальным взглядом, она оттолкнулась от стены и начала вышагивать туда-сюда. Она могла без проблем главенствовать, играя в баскетбол в парке с парнями, но баскетбол с девушками в настоящем зале с судьями, болельщиками, счётчиком очков и кружащимся в воздухе ожиданием, как конфетти во время бури, был совершенно другим.

— Я знаю, что ты и все остальные люди там ждут, что я совершу сегодня вечером какое-нибудь чудо, но я не могу это сделать, моё место не там.

Он протянул руку, чтобы остановить её расхаживания, склонил голову набок и посмотрел на неё:

— Что на самом деле всё это значит, Эм?

Добрый старый Райли. Он был единственным, кто мог почувствовать её скрытую истерику.

Иногда иметь такого лучшего друга, как он, было лучшим в мире, а иногда — самым худшим. От него ничего нельзя было скрыть. Умение врать никогда не было сильной стороной Эммы и Райли это знал. Сказать ему правду — признать слабость — было её единственным выбором. Она глубоко вздохнула.

— Всю мою жизнь люди говорили мне, что я недостаточно сильна, хороша или умна, чтобы сделать что-то, — она посмотрела ему в глаза и увидела нечто настолько близкое, что могло принадлежать только члену семьи. Она увидела в нём надёжность и теплоту, его желание помочь, успокоить, поверить в неё и защитить от мира. Но даже он не смог

заставить её изменить мнение о себе. Она склонила голову. — Постепенно я начала им верить.

Райли всегда считал её сильной и способной, возможно, поэтому она чувствовала в себе вину. Она закрыла глаза и покачала головой, пытаясь вернуть себе хоть крупицу спокойствия.

— Только лишь то, что я могу иногда забросить мяч в корзину и вести его обеими руками, не значит, что моё место там, в компании богатых девушек.

Райли положил руки ей на плечи и подарил ласковую улыбку.

— Забудь обо всём, что тебе говорили. Правда в том, что ты достаточно сильна, хороша и умна, чтобы сделать и это, и все, что угодно. Мы уже долго дружим и я видел, как ты делала удивительные вещи, оставаясь просто самой собой. Просто иди туда и играй. Твое место — там, так же, как для любой другой из этих девушек.

Он верил своим словам. Она видела, что он не отводил от нее взгляд, а его руки в одобрении сжимали её плечи. Как он мог настолько верить в неё? Она тоже хотела верить ему — доверять ему — но не могла. У неё всё всегда шло наперекосяк.

— Даже если бы это было так легко, как только я приду туда то забуду своё имя, упаду ничком и люди обвинят меня в том, что я разрушила их команду.

Райли встретил её взгляд, по-прежнему улыбаясь.

— Если ты забудешь своё имя, я напомню тебе. Если ты упадёшь ничком, я подниму тебя. Если эти люди обвинят тебя в том, что ты разрушила их команду, что ж, — он пожал плечами, — вероятно, ты это заслужила.

Она выдохнула смешок. Он обнял её и прижал к себе. Райли не терял чувство юмора даже в такое время. Её голова лежала на его плече. Она вдыхала запах стирального порошка, исходящего от его рубашки, и слабый запах его мыла — запахи надёжности.

— Ты всё сделаешь замечательно, — сказал он. — Кроме того, ты не можешь всё пустить под откос. Мои родители приехали посмотреть, как ты играешь.

Хуже быть не могло. Она отстранилась от него:

— Твои родители здесь?

— Ну да, они не захотели пропустить твой баскетбольный дебют в старшей школе.

— Не могли они дождаться, по крайней мере, моей второй игры? — простонала она.

— Нет, всё хорошее случается в первой. Я имею в виду, посмотри на эти восхитительные косы, — он дёрнул за одну из них, и она шлёпнула его по руке. — С красными ленточками, которые действительно подходят к твоей форме. Никогда не думал, что доживу до этого дня. Ребятам они понравятся.

Эмма сглотнула.

— Ребята? — как свидетелей, Райли и его родителей было более чем достаточно. Ей не нужны были ещё и парни. Если она провалится, все, о чьем мнении она заботилась, увидят этот позор. Все это было ошибкой Райли. Но разве это волновало его? Не а. Он только улыбнулся, обнял её за плечи и повёл обратно внутрь.

Она была новичком в официальной обстановке баскетбольного матча. Диктор, табло, команда соперников в настоящей форме, совещающаяся команда. Чтобы чем-то занять себя, Эмма сделала глоток воды, пытаясь не обращать внимания на двухминутный обратный отсчет до розыгрыша мяча. Десять лет проигрышей не создали команде свой круг постоянных болельщиков, оказывающих поддержку, но и немногие присутствующие здесь были для Эммы перебором, особенно учитывая, что половина из них была ей знакома. Она

слышала, как Райли на трибунах кричал, ободряя её. Ребята тоже были там. Все. Она пробежалась глазами по толпе. Мистер и миссис Лэджер улыбнулись и помахали ей. Она не могла поверить, что они на самом деле пришли. Семья Райли пришла, чтобы поддержать её, в то время как её собственной было совершенно все равно. Она глубоко вздохнула. Сейчас было не время останавливаться на том, какой была её семья.

Тренер Ноулз собрала пять участников, толкнула каждого из них на скамейку, и ждала диктора, объявляющего о начале. Эмма была слишком занята, глядя на ноги, пытаясь контролировать дрожь в руках и вспоминая как дышать, чтобы заметить рядом Лорин.

— Нервишки шалют, нищенка? — выплюнула Лорин.

Эмма не смогла даже ответить. Она сглотнула, в горле снова пересохло, и опять сосредоточилась на своих ногах. Баскетбол — единственное, в чём она была хороша, но что если она задохнется? Что произойдёт после вбрасывания, когда мяч окажется у неё в руках? Вспомнит ли она, как вести, бросать мяч и играть в игру, в которой она совершенствовалась столько лет? Она не была хороша в центре внимания. В центре внимания она всегда застывала.

Большинство людей связывали всеобщее внимание со славой и известностью, но не Эмма. Внимание было для нее вроде мега-агрессивной игры. Это всегда было нелегко. Всеобщее внимание приходило вместе с нереалистичными ожиданиями и требованиями безупречного исполнения. Конечно, Эмма могла переломить ход самой агрессивной игры с ребятами без свидетелей, но и это было не так просто. Она должна была расколоть защиту, избежать ловушек и проложить путь по полю, не теряя мяч, к защитнику. Но когда это внимание соскользнуло с дворовой площадки, последовало за ней в школу и ослепило её на поле, полном девчонок, Эмма запаниковала. Нет, быть в центре внимания — это не для неё. Это для таких людей, как Райли и Лорин, которым было предназначено блистать, а не для тех, кто носил обноски и жил в гараже. Несмотря на веру Райли, её собственная уверенность в себе растаяла.

Голос диктора прогремел в громкоговоритель, представляя стартовый состав. Эмма была последним представленным игроком Брэдшоу, и, когда её имя срикошетило от стен зала, несмотря на аплодисменты, ей потребовалась вся ее сила, чтобы просто встать со стула.

— *Пожалуйста, не подведите,* — сказала она ногам.

Она смутно помнила крики поддерживающих её ребят, шлепок по руке члена команды противника, когда они встретились посреди площадки, и сам розыгрыш мяча. Всё, что она понимала, — это то, что мяч был у неё в руках, но она не знала, что с ним делать.

— Не будь девчонкой, — пробормотала она себе. Защитница стояла перед ней. Ее форма была неряшливой, она переминалась с носка на пятку, не сводя взгляда с лица Эммы, поводя бедрами из стороны в сторону, пытаясь предугадать следующее действие Эммы. Так вот что значит играть с девушками.

Эмма глубоко вздохнула и повела мяч по площадке к своим товарищам по команде. Она отдала пас Пэйтон, которая неуверенно повертела мяч, прежде чем закрепить его в руках. Пэйтон была похожа на енота, пойманного в мусорном ведре. Она явно не имела ни малейшего представления, что делать

дальше. Эмма поставила перед Лорин заслон внутри трапеции и вышла за пределы. Как только она

убрала защитника, Пэйтон бросила мяч ей назад, рванула на противоположную сторону

поля и

скрылась там за своим защитником. Никто из других её товарищей по команде не старался открыться. Может быть, Эмма не одна боролась здесь со страхом?

— О кей, — пробормотала она. *Если это то, как все должно происходить.*

Ударив пару раз мячом, она рванула к кольцу. Застигнув врасплох защитницу, она выполнила кроссовер и совершила быстрый рывок через трапецию. Никто не обрушился на неё, никто не орал предупреждение о девушке, совершающей бросок на трапеции прямо под кольцом. Этот бросок был более, чем легким. Два очка.

Брэдшоу были на табло.

Эмма позволила себе выдохнуть. Может быть, всё было не так уж плохо, как она думала. Она посмотрела на трибуны и поймала взгляд Райли. Он улыбнулся и помахал ей. Нет, все было точно совсем неплохо.

У старшей школы Джефферсон не было никаких шансов догнать. Финальный счёт первой игры: Брэдшоу 49, Джефферсон 37.

* * *

Для восстановительного года, первая игра сезона не могла пройти лучше. Конечно, им предстоял ещё долгий путь, но победа в начале сезона над второй худшей командой в лиге давала свои преимущества. Пока это было для них сезоном побед.

Оптимистичный гул повис в воздухе от их первой победы. Даже Эмма не смогла не обратить на это внимание. Она сдерживала улыбку, ей было некомфортно демонстрировать положительные эмоции перед таким количеством девушек. Она не хотела, чтобы они подумали, что на самом деле симпатичны ей или типа того. Они всё ещё были худшими баскетбольными игроками на планете, но ощущение от выигрыша было таким замечательным. Было так хорошо носить настоящую форму, играть в настоящей команде — даже если это была женская команда — и смотреть в лицо противнику, зная, каким был итоговый счет игры.

Тренер попыталась поздравить их в раздевалке во время попытки провести «разговор после игры», но её не слышали из-за воплей. Эмма не присоединилась к своим товарищам по команде. Она прикрыла уши, наполовину ожидая, что зеркала разобьются вдребезги. Столь пронзительные визги должны быть объявлены вне закона.

Признав поражение, тренер выпустила их из раздевалки. Эмма не смогла выбраться оттуда достаточно быстро. Она выбежала в спортзал, надеясь, что кто-нибудь из ребят дождался ее. Как только Райли увидел Эмму, он бросился вперед и, поймав её в объятия, оторвал от пола. Его руки крепко сжимали её талию, пока он кружил её по кругу.

— Эй! — воскликнула она, сцепив руки вокруг его шеи и зал расплылся вокруг неё.

— Ты была удивительна, — прошептал он ей на ухо, прежде чем опустить на пол.

В первый раз с тех пор, как гудок объявил о выигрыше Брэдшоу, она позволила улыбке вырваться наружу, глядя на Райли.

— Спасибо, — страх и сомнение, которые она чувствовала перед игрой, теперь казались всего лишь плохим сном. Может быть, всё-таки это было не так уж ужасно — иметь в зале сектор, заполненный поддерживающими ее людьми.

Остальные ребята окружили её и выгнали из рук Райли, похлопывая по спине и поздравляя с победой. Родители Райли прорвались сквозь группу мальчиков и миссис Лэджер с ходу заключила её в объятия:

— Ты здорово играла!

— Великолепная работа, детка, — мистер Лэджер дёрнул её за одну из косичек.

Эмма почувствовала, как от всего этого внимания запылали ее щеки.

— Спасибо.

— Мы должны отметить это! — закричал Том.

Эти слова подхватили остальные уходящие ребята. Помахав родителям Райли, они толпой погнали Эмму из зала через темнеющий кампус на парковку, запихали на заднее сиденье джипа Райли между Томом и Саем, самыми большими парнями в компании. Что произошло со звёздным игроком, имеющим статус сидящего впереди?

Празднование состояло из поглощения гамбургеров и картофеля фри в Макдональдсе и обсуждения основных моментов вечера. Что может быть лучше, чем быть в окружении ребят, поедая жирную пищу и разговаривая о баскетболе?

На этот раз у неё было в кармане два доллара, и она действительно могла заказать себе еду, так что парни знали, что она не станет морить себя голодом. По крайней мере, намеренно. Она подошла к стойке заказов, изучая меню. Девушка вдыхала запах гамбургеров, картофеля фри и слоек с яблоками, сжимая в руке свои два доллара.

Эмма не заметила, как Райли оказался рядом, вытаскивая из заднего кармана бумажник.

— У меня есть.

— Что? — спросила она в замешательстве. У неё были деньги. Два доллара, готовые быть врученными через стойку. Но он оттолкнул её руку с деньгами от кассирши:

— Что ты будешь?

— Райли, я...

— У меня есть, — твёрдо ответил он. — Так что ты будешь заказывать?

Кассирша взглянула на Райли, потом на Эмму и снова на Райли. Эмма не могла не заметить жирные пятна на рубашке женщины и то, как ее прическа удерживалась на месте при помощи сетки для волос. Будущее Эммы вспыхнуло у нее перед глазами. Она увидела себя по ту сторону прилавка, в заляпанной жиром униформе, наблюдающий, как посетители дерутся из-за еды и денег. У неё перехватило дыхание и она покорно склонила голову, отвечая на вопрос Райли.

— стакан ледяной воды.

Райли закатил глаза и повернулся к кассирше:

— Пожалуйста, два набора номер один и две слойки с яблоками.

Кассирша пробила заказ. Райли достал из бумажника двадцатку и вручил её через прилавок так, словно это была всего лишь бумажка из Монополии I.

Эмма почувствовала, как ее щеки загорелись, ненавидя то, что Райли платил за нее в одном из самых дешёвых ресторанов города, потому что знал, что ей это не по карману.

Райли повернулся к ней с улыбкой и вручил стаканы:

— Звёздный игрок не должен платить за себя, — прежде, чем она успела возразить что-нибудь ещё, он добавил: — Не за что. Теперь, пожалуйста, поищи нам место.

Она зарычала на него, прежде чем осмотреться вокруг и сделать то, что он сказал. Знали ли Райли, насколько тяжолым он был? Насколько упрямым, как раздражал и как расстраивал? Конечно, большинство людей, вероятно, сочли бы его милым и

очаровательным, видя, как он заботится о ней, платит за неё и никогда не допускает, чтобы с ней что-нибудь случилось. Но Эмма была не такой, как большинство людей. Она ненавидела принимать подачки и чем больше он совершал этих актов милосердия, тем больше она была ему должна. Их дружба никогда не была справедливой, она была абсолютно односторонней: Райли всегда отдавал, а она всегда получала. Она никогда не переставала пытаться уравнивать отношения и сделать их справедливыми, но когда у неё не было денег и ничего, чтобы ему отдать, её выбор был ограничен. Райли это не волновало. Она знала, что он никогда не ждал ничего взамен, но почему? Если он старался изо всех сил ради неё, но не ждал ничего взамен, почему он был рядом и вообще хотел быть её другом?

Не желая думать о жизни без Райли, если он в один прекрасный момент наконец осознает несправедливость их дружбы, она сосредоточилась на заполнении их стаканов рутбиром. Она нашла остальных ребят в дальнем углу ресторана, их еда была разбросана на четырех столах, способных вместить всех восьмерых.

Райли принес еду спустя несколько минут. Он поставил поднос перед Эммой и подмигнул ей, когда она взглянула на него.

— Каково это — быть звездой? — спросил Джерри.

Шесть голов повернулись к ней, в тот момент, когда она откусывала большой кусок гамбургера. Она чуть не подавилась от такого внимания. Надеясь уйти от ответа, она жевала медленно, но даже спустя целую минуту ребята все еще молча таращились на нее. Не имея другого выбора, она проглотила еду:

— Я не суперзвезда.

— Ты шутишь? — Джерри хлопнул руками по столу, заставив их всех подпрыгнуть. — Твой рывок в третьей четверти, когда ты зарядила через трапецию, обернулась и выполнила левой рукой бросок крюком — это бесспорно статус суперзвезды.

Остальные ребята кивнули и пробурчали согласие. Она не понимала, что в этом особенного. Они все раньше видели её игру, и у каждого из них были свои подобные супер звездные трюки.

— Я не могу поверить, что ты выполнила этот бросок, — сказал Том, полный рот еды не помешал ему высказаться. Он скомкал обертку от своего гамбургера в шарик и сымитировал бросок крюком левой рукой. Обертка описала дугу в воздухе и приземлилась Алексу на колени. Алекс схватил бумажку и кинул ее назад Тому в стиле бейсбольного броска, попав ему в лоб и заставив всех засмеяться.

Эмма макнула ломтик картофеля в кетчуп.

— В этом нет ничего особенного, — она все еще злилась на Райли за то, что он за нее заплатил, но в ее жизни трата хорошей еды впустую была преступлением, и она была голодной. Еще один долг на фоне тысяч остальных был мелочью. — Вы бы сделали то же самое, если бы столкнулись с нападающей ростом под метр восемьдесят, желающим нафаршировать вам лицо.

— Сколько очков ты набрала сегодня? — спросил Сай.

Эмма пожала плечами. Она бросала мяч, а не занималась подсчетами. Она была просто благодарна за то, что пережила целую игру, не превратив ее в полный провал.

— Тридцать одно, — сказал рядом с ней Райли.

Она посмотрела на него, её челюсть отвисла. Откуда он знал это?

— Что? — невинно ответил он.

— Тридцать одно, — Джерри покачал головой. — Невероятно.

Том громко втянул через трубочку остатки своей газировки:

— Итак, каково это — играть с девушками?

— О, это вызывает настоящий трепет, — сказала она с сарказмом. — Они такие же талантливые, как и ты.

Ребята посмеялись вместе с ней, понимая, что это не было комплиментом. Том ухмыльнулся и засунул еще одну горсть картофеля в рот.

— Итак, Эмма, ты уже слышала что-нибудь полезное? — спросил Сай.

— Что ты имеешь в виду?

Сай посмотрел на неё, как на бестолковую:

— Ты знаешь, кто из девушек считает меня горячим? — он сверкнул своими ямочками и зашевелил бровями вверх-вниз. Большая часть женского населения считала его симпатичным с этими ямочками на щеках, шоколадными глазами и улыбкой во всё лицо, но он и так уже знал это. Он не нуждался в поддержке.

— Никто, — фыркнула она.

— Ну давай, Эм. Ты должна нам что-нибудь сообщить, — сказал Том. — О чём разговаривают девушки?

— По большей части о себе, — сказала она, распределяя остатки маринованных огурцов по своему гамбургеру. Иногда Эмма ловила обрывки разговоров, когда кто-то из команды упоминал одного из парней, но она пыталась не обращать на это внимания. Все ребята были для нее, как братья — славные братья — и она не хотела слышать, что девушки говорят о них. Противно.

Вокруг неё было тихо, она подняла глаза и увидела уставившихся на неё ребят. Райли, ссутулившись на своем месте и закинув руку на спинку ее стула, явно забавлялся, остальные ребята выглядели ожидающими ответа. Она точно знала, что они хотят. Они что, серьезно собирались провести так остаток празднования? Беседуя о девчонках? Конечно, она и раньше слышала разговоры ребят о девушках, но они никогда не использовали её как внутренний источник. Могла ли жизнь стать хуже?

Она бросила гамбургер и покачала головой:

— Нет. Ни за что. Даже не думайте об этом. Я не играю в шпиона, девочку-почтальона или сваху. Вы сами по себе, — ни в коем случае она не собиралась быть пойманной в середине какой-нибудь подростковой драмы, которая, вне всякого сомнения, взорвется ей прямо в лицо. Соединение ее ребят с девушками из ее команды было бы катастрофой с большой буквы «К».

Парни застонали.

— Что хорошего — иметь одного из нас там внутри, если ты не желаешь нам ничего рассказать? — всплеснул руками Сай.

— Поверь мне, — сказала она, подняв руки, чтобы отразить дальнейшие протесты. — Тебе лучше не знать. Хотела бы я сама оставаться в неведении, — она вздохнула, вспоминая те благословенные, свободные от девчонок дни, когда она могла просто сосредоточиться на баскетболе. — Кроме того, ты ведь не хочешь, чтобы я рассказала им то, о чем ты говоришь, не так ли?

— Ты бы нас не предала, потому что, в отличие от них, мы твои друзья, — тон Джерри был уверенным, но в его глазах промелькнул страх.

— Нет, если вы не станете меня заставлять рассказывать вам, то я не стану рассказывать им, — она взглянула на Райли, желая знать его позицию по этому вопросу. Интересует ли

его, что девушки разговаривают о нём и что именно они говорят? Волнует ли его это? Не то, чтобы это ее каким-либо образом беспокоило, но ей было любопытно. В отличие от других ребят, Райли просто сидел, глядя на неё и слушая их разговор с приподнятыми уголками рта, словно наслаждаясь каждым мгновением. Затем он снова подмигнул ей, словно они делили какую-то личную шутку. Она умирала от желания узнать, какие мысли роились в его голове, но почему-то слишком боялась спросить.

1. Монополия — настольная игра в жанре экономической стратегии для двух и более человек. Цель игры — добиться банкротства других игроков, рационально используя стартовый капитал.

Иногда ожидание Райли было хуже, чем ожидание девчонки. Для Райли две секунды, на самом деле, означали пять минут, а пять минут — скорее тридцать. Было воскресенье. Ни школы. Ни девчонок. Ни баскетбола. Проводить свободный день в ожидании Райли было не совсем то, что планировала Эмма, когда он сказал ей, что им следует созвониться и чем-нибудь заняться в их свободный день. Он пригласил её, но не предупредил о незаконченной работе по дому, невыполненном с прошлой недели домашнем задании и рассерженной маме у него на хвосте. Играть в баскетбол на подъезде к Лэджерам было лучше, чем ждать его у себя дома, но только если тридцать минут не означали, на самом деле, три часа.

В перерыве между бросками Эмма поглядывала на дом, пытаясь увидеть в окнах Райли. Из окна своей спальни на третьем этаже Райли случайно попал в поле зрения и поймал её взгляд. С умоляющим видом он поднял руку, показывая, что ему нужно было ещё пять минут. Она заворчала и отвернулась. То же самое он говорил ей двадцать минут назад. Ударив мячом по тротуару, она снова сфокусировалась на баскетбольном кольце, пока через несколько минут не услышала, как за её спиной открылась входная дверь.

— Наконец, — пробормотала Эмма. Она повернулась, ожидая увидеть Райли, а вместо него увидела его отца. — Эй! Господин Лэджер!

На протяжении многих лет мистер и миссис Лэджер несколько раз просили её называть их по именам, но Эмма не могла. Называть их просто Робертом и Кэт было неудобно. Может быть, потому что в их присутствии она всё ещё чувствовала себя ребёнком. Может, от того, что относилась с большим уважением к ним. А может, это служило небольшим напоминанием для Эммы — не стать слишком близкой и привязанной к ним, ведь они тоже могли её покинуть.

— Ты играла довольно хорошо в тот вечер, — сказал мистер Лэджер, стоя на переднем крыльце и наблюдая за девушкой. Он закашлялся. — Я, э, заметил, что ты использовала некоторые приемы, которым я тебя учил.

Эмма засмеялась. Её талант на баскетбольном поле был не более чем подтверждение тренерских навыков мистера Лэджера, и он знал это.

— Каким приёмам баскетбола я не научилась от вас?

Мистер Лэджер хихикнул и вышел к ней на подъездную дорожку.

— Как успехи команды?

Он был одет в старые брюки-карго, ветхие кроссовки и запятнанную спереди краской толстовку. Даже с взъерошенными каштановыми волосами и потрёпанными усами, мистер Лэджер всё же выглядел, как папа номер один в мире.

Эмма отдала мистеру Лэджеру пас, и он выполнил идеальный бросок в технике, которой научил её и Райли.

Она пожала плечами.

— Хорошо, думаю. — Да, они выиграли свою первую игру и проиграли с разницей в 10 очков вторую, но игры в команде — это не игры по утрам в субботу с парнями.

Он посмотрел на неё краем глаза.

— Или это не всё?

Это было не правильно, потому что Мистер Лэджер знал её лучше, чем собственный отец. Он знал, какие вопросы задавать, а от каких воздержаться. Знал, в каких моментах

поделиться мудростью, и какие уроки она должна была уяснить самостоятельно. Большинство самых дорогих моментов в детстве Эммы были связаны не с её отцом, а с отцом Райли. Она часто задавалась вопросом, в чем различие между мистером Лэджером и её собственным отцом, но никак не могла найти ответ.

Эмма отбила мяч, повертела его в руках, попытавшись выразить свои чувства словами.

— Иногда я чувствую, как девочки просто стоят вокруг и ждут, что я выполню всю работу. Это раздражает.

Мистер Лэджер громко рассмеялся.

— Эмма, ты удивительный баскетболист. Рядом с тобой эти девушки выглядят и, вероятно, чувствуют себя худшими игроками в мире. Ты должна быть терпеливее по отношению к ним.

Терпеливее? Так можно с девушками? Разочарование, раздражение, безумие — вот эмоции, которые Эмма могла сейчас связать с присутствием девушек. Не терпение. Она не могла смотреть пассивно с улыбкой на лице и ждать девочек, чтобы активизировать их. Для неё это было физически, эмоционально и психически невозможно. Но чувствуя на себе взгляд мистера Лэджера, она поняла, что, по крайней мере, должна хотя бы попробовать. Кроме того, чувство обиды на всё женское население было не единственной её проблемой.

Самое трудное — не знать их, — признала она. Даже на площадке, заполненной криками и нытьем девушек, Эмма не могла не чувствовать себя одинокой. Без Райли и ребят рядом ей было довольно плохо, а женский баскетбол казался для неё чуждым.

— Когда я играю с ребятами, я знаю, что должна опередить Джерри с мячом, чтобы поймать пас, поставить заслон слева для Сая, потому что он не может вести мяч правой рукой, и помочь в защите Тому, получающему мячом по морде, держать оборону на задней линии поля. Девушки даже не могут поймать пас, летящий им прямо в руки, не говоря уже о том, чтобы пробиться к корзине через пару защитников. Я отказываюсь опускаться до их уровня, но с ними невозможно играть на том уровне, на котором я играю с ребятами. Это сводит меня с ума.

Мистер Лэджер подарил ей сочувственную улыбку.

Эмма надеялась, что ей не придётся вслух просить рекомендации у мистера Лэджера. Она доверяла ему, уважала его и была уверена, что он направит её в нужное русло, как бы ни было трудно в пути. Она стояла спокойно, ожидая ответа.

— Позволь мне задать тебе один вопрос, — попросил он. — Когда ты смотришь на своих товарищей по команде, ты видишь, насколько они плохо играют или как хорошо могли бы?

Ой. Мистер Лэджер точно знал, какой заданный им вопрос мог заставить Эмму попридержать язык и склонить голову.

Прежде, чем продолжить, он сделал паузу, не с целью дождаться ответа, а чтобы до неё дошёл весь смысл сказанных им слов.

— Иногда быть лучшим игроком значит не принципиально быть хорошим, а уметь играть в команде. Знать свои сильные и слабые стороны, как бы ни было трудно их отыскать. Милая, твоя цель не выглядеть лучше своих товарищей, а сделать так, чтобы вся команда выглядела великолепно.

Не совсем те слова, которые она хотела услышать, но они означали, что он был прав.

— Легко сказать.

Его смех напомнил ей о Райли.

— Ты ничего никому не должна, но ты единственная в команде можешь сделать это. Если ты это поймёшь, это будет того стоить. Я обещаю.

Почему это должно её волновать? Они были просто сборищем девушек. Это не имело никакого значения. Но когда она Эмма посмотрела на Мистера Лэджера, по его взгляду она поняла, что он возлагал на неё более высокие надежды. Он верил в неё, так же, как его сын. Она не понимала, почему они так верят в нее и предлагают стремиться к лучшему, а не оставляют все как есть.

Девушке хотелось, чтобы разговоры в стиле «отец-дочь» происходили с её отцом, а не с отцом Райли. Но отец всегда был таким уставшим и сосредоточенным на братьях, чтобы интересоваться ею. Не смотря на это, он должен был задать ей хотя бы один вопрос о баскетболе. Мистер Лэджер же был другим. Ему было не безразлично.

Эмма вздохнула. Гораздо легче ни о чём не волноваться, жалуясь на некомпетентность своих товарищей по команде. Забота требует перемены мыслей, действий и чувств.

— Звучит так, как будто у меня много работы, — тихо сказала она, даже не пытаясь симулировать энтузиазм.

Он пожал плечами и вручил ей мяч, не желая принуждать ее к чему либо.

— Только ты можешь знать.

Что совершенно не означало «да».

— Скажете Райли, что я зайду к нему позже?

Он кивнул.

— Скажу.

Если и была одна вещь, которую Эмма поняла в течение следующих двух часов, пока вела свою сольную тренировку в парке, то она означала, что дело было не в идеальном пасе, а в том, чтобы сделать пас идеальным. Разница между этим была огромной. Она могла отдать идеальный первый пас двумя руками от груди через поле, но если там никого не было или никто не смог его поймать, то какой в этом смысл? Возможно, в зависимости от того, кто принимает идеальный пас, он должен быть низким, высоким или слегка смещённым от прямой траектории.

Изучение сильных и слабых сторон каждой девушки в команде казалось лёгкой задачей, учитывая, что девяносто девять процентов в баскетболе составляли их слабости. Но, кроме того, ей нужно было научиться играть с ними и для них.

Следующую неделю Эмма посвятила наблюдению за своими товарищами по команде. Мэдисон не могла вести мяч левой рукой, пределом дальности бросков Кристи были границы трёхсекундной зоны, Шайло не могла вести мяч, не глядя на него, Пэйтон не могла играть в защите без угрозы для жизни, Стеф была высокой, но медлительной, Лорин была везучей на фолы, ну Эшли была Эшли. Всё это не было для Эммы новостью. Видя их ошибки во время каждой тренировки, она испытывала отвращение, но не обращать внимания на правду не могла. Мэдисон со своими пасами могла попасть в любую движущуюся мишень, Кристи в роли защитника была причиной изрядного количества перехватов мяча, Стеф было не остановить под корзиной. Пэйтон набрасывалась на все свободные мячи, Шайло подбирала под щитом каждый мяч и почти всегда закидывала в кольцо, Лорин не могла промахнуться ближе трехочковой линии, Эшли могла ловко проскользнуть через бреши в защите.

Эмма улыбнулась. Всё, что ей нужно было сейчас сделать — это осуществить план по сплочению команды. Возможно, только возможно, наша команда имела шанс на нечто

большее, чем горстка побед. Они не обязаны любить друг друга, они могут не общаться вне поля, они не должны притворяться, что существуют в утопическом обществе. Всё, что они должны были делать — это играть в баскетбол. Вместе. Это было бы не так трудно, если бы Эмма заставила остальных девушек сосредоточиться на баскетболе так, чтобы чему-нибудь их научить. Но девочки такие девочки. Они всегда находили способ отвлечься.

Не имеет значения, как часто тренер вел себя сержантом-инструктором по строевой подготовке, растяжки и тренировки никогда не выходили за пределы социального времени. Эмма растягивалась, молча, слушая, как девушки вокруг болтают о мальчиках. Если бы парни только знали, сколько раз они служили темой для девчачьих бесед, их головы бы взорвались на части.

С противоположной стороны круга, Эмма услышала вздох.

— Мы должны все вместе пойти на танцы!

Никто не мог изобразить столько энтузиазма.

Другие разговоры по кругу сразу оборвались, так как девчонки перенесли внимание на одну общую тему.

— Давайте! — сказала Мэдисон. — Это будет так весело. Только девчонки.

Эмма даже не попыталась скрыть своё отвращение. Школа танцев? Только девочки? Серьёзно? Целью молодежных дискотек по пятницам было собратся и выразить накопившееся физическое влечение друг к другу. Мысль пойти туда, особенно в сопровождении девчачьей группы, ужасала её. Девчонки, привлекающие к себе внимание криками, парни в поисках партнёрши, учителя, пытающиеся навязать правила из другого века — танцы были ничего более чем один большой театральный фестиваль.

Никто не разделял её неприязнь. Лица вокруг неё одно за другим, загорались мыслью.

Прежде, чем она успела открыть рот, чтобы возразить, остальные девчонки завизжали в знак согласия. Эмма насторожилась.

— А ты, Эмма? — спросила Кристи, как будто точно знала её реакцию. — Хочешь немного потанцевать?

Попытка Кристи начать зажигать среди растяжек была не лучшим способом заставить Эмму присоединиться к ним. Эмма покачала головой и словно защищаясь, подняла обе руки вверх. — Я пас.

— Великолепно, — сказала Мэдисон, очень сильно оживившись. — Мы за тобой заедем в семь, а потом встретимся у Лорин, чтобы поехать вместе.

У Эммы отвисла челюсть. — Нет, я —.

Её протест затерялся среди визгов, которые длились на протяжении всей тренировки. Их команда не нуждалась в развлечении. Эмма могла играть в баскетбол, и не имело значения, с чем она сталкивалась на поле. Но школа танцев? Только с девчонками? Она не протянет больше десяти минут. Почему они хотят, чтобы она пошла? Не то чтобы они сформировали некую нерушимую связь за прошлую неделю. О кей, возможно, после их первой победы некоторые девочки и перестали глазеть на неё, как на сольный номер в каком-нибудь причудливом шоу, но им было ещё далеко до чего-то вроде дружеских отношений.

Дома после двойной тренировки у Эммы едва хватило времени, чтобы принять душ и переодеться до приезда Мэдисон. Она знала, что если увильнёт, Мэдисон поймаёт её и перед всеми демонстративно потащит волоком на танцы. У Эммы даже не было времени, чтобы уведомить Райли о ситуации «захват в заложники». Она была предоставлена самой себе.

Если девочки надеялись, что она нарядится в девчачьи шмотки или будет волноваться по поводу своей внешности, они ошибаются. Джинсы и спортивный свитер. Дискотека не заслуживает иного.

Басы из авто Мэдисон могли быть слышны за два квартала. Со скрежетом «Land Rover» остановился напротив её дома, и Эмма запрыгнула в него прежде, чем кто-нибудь смог бросить благопристойный взгляд на её мелкогабаритный дом. По сравнению с другими домами в районе дом Врангтонов был чёрным пятном, бельмом на глазу, домом, на который все закрывали глаза, надеясь, что когда-нибудь он исчезнет. Потрескавшаяся и осыпавшаяся краска не была достойным противником для летнего солнца и зимних ветров, которые воюют каждый год. Разросшиеся кустарники скрывали половину дома от соседских взглядов, а на подъездной дорожке ржавел старый трактор. Траву нужно было косить, сорняки — выдёргивать, а крышу — скоблить ото мха. К счастью, Мэдисон и Кристи были невнимательными наблюдателями. Эмма вздохнула с облегчением, когда они съехали с обочины и оставили её дом позади.

Решение Эммы прыгнуть в авто Мэдисон оказалось не самым разумным. Мэдисон мчалась вниз по улице, чуть не снеся почтовый ящик и не ударив бампер припаркованной машины. Не смотря на надёжность ремня безопасности, Эмма оперлась о дверь и прижалась к заднему сиденью для дополнительных мер безопасности против эксцентричных поворотов и резких остановок Мэдисон.

Она не смогла сдержать смех над Мэдисон и Кристи, когда они фальшиво подпевали музыке, ревушей из динамиков, зная каждое слово каждой песни. Танцующее авто было ещё одной девчачьей штучкой, непонятной для Эммы. Какой смысл подпрыгивать, будучи стянутым ремнём безопасности? Они выглядели, как обезьяны в клетке, сходящие с ума по банану. Она покачала головой и засмеялась. Знать, чем девочки занимаются в своих автомобилях, было одно, а видеть воочию — это совсем другое.

После пятнадцати минут рискованного вождения Мэдисон, они с визгом остановились напротив дома Лорин. Эмма разжала сжимающие край сиденья руки и выбросилась на твёрдую почву, не готовая к раскинувшемуся перед ней зрелищу. Неудивительно, что Лорин вела себя, как богатый сноб; что-то в её жизни пронзительно кричало об этом. Даже в темноте, не заходя вовнутрь, массивный двухэтажный дом был достаточно привлекателен, чтобы заставить богатых соседей мучиться от зависти. Нетронутое «покрывало» травы предостерегало ноги держаться подальше. Кирпичные ступени, окаймлённые с обеих сторон кустами роз, вели к переднему крыльцу. На втором этаже крытая веранда окружала дом и с одной стороны выступала за пределы крыши. Вау, картина окон охватила половину дома, приветственный вид Пьюджет Саунд и захватывающие дух закаты. И колонны. У дома были колонны! Огромные белые колонны тянулись от земли до крыши, как в одном из плантаторских домов на юге. Эмма находилась в шоке.

Мэдисон постучалась и открыла парадную двустворчатую дверь, не дождавшись ответа. Кристи последовала за ней. Эмма, задрав голову к сводчатому потолку фойе, споткнувшись о порог, вошла в дом. Мэдисон и Кристи не обратили на это никакого внимания. Вместо этого они поднимались по ступеням вверх на девчачьи голоса и у Эммы не осталось другого выбора, кроме как последовать за ними. Она свернула за угол в коридоре и нашла остальных товарищей по команде, мелькающих взад и вперёд между ванной и спальней Лорин, производя последние штрихи на причёски, макияж и наряды.

Все они были одеты в нечто похожее на прелестные костюмы для маленьких девочек,

готовые поразить блуждающие взгляды мужской половины населения. Слишком глубокий вырез, слишком много обнажённых пупков и оголённой кожи. Эмма задыхалась от запаха лака для волос, который витал в воздухе коридора, как густой туман. Дело могло стать смертельным. На некоторых из девчонок было так много макияжа, что они походили на клоунов. Эмма покачала головой. Если всё это требовалось для того, чтобы быть девушкой, она не согласна. Она хотела идти с девчонками на дискотеку, но не хотела поддаваться их образу жизни.

Оставив их заниматься своим делом, она отправилась бродить по дому. Подсматривая в открытые двери, она мельком видела, как живёт богатая половина населения. В доме Лорин царил атмосфера «только смотреть и ничего не трогать!». Один неверный шаг — и Эмма могла причинить реальный ущерб. Натёртые полы, стеклянные украшения, убранные в стеклянные шкафчики, роскошная деревянная мебель, подлинные произведения искусства. Дом был не фамильной резиденцией, а моделью для журнальных фото сессий. Она потратила бы целую жизнь, чтобы скопить достаточно денег на возмещение того, что сломала. Она глубоко погрузила руки в карманы джинсов, не доверяя им среди таких богатых вещей, и направилась назад к девчонкам, которые всё ещё были поглощены заботой о своей внешности.

Она скрестила руки и прислонилась к стене, стоя в стороне от зоны интенсивного движения. Мэдисон и Кристи бросились в поток, влившись в него. Эмма не могла дожидаться, когда ночь закончится. Секунды, тикая, превращались в минуты, которые в ожидании тянулись дольше, чем она могла себе представить. Они собирались на вечернюю дискотеку по пятницам, а не на бал. Наконец, когда Эмма, вдохнув достаточно воздуха, закричала, чтобы они уже поторапливались, все были готовы идти. До тех пор, пока не посмотрели на неё.

Лорин застыла напротив Эммы, её лицо исказилось от ужаса. — Во что ты одета?

Остальные девчонки повернулись к Эмме и открыли от изумления рты, словно раньше никогда не видели спортивный свитер и джинсы.

— Это называется шмотками, — тупо ответила Эмма.

Лорин повернулась к Мэдисон. — Неужели ты пустила её в свою машину в таком виде?

— Я. ... Было темно, — пискнула Мэдисон, скривив лицо и плечи от чувства вины и отчасти от страха получить выговор, как догадалась Эмма. — Я не видела, как она выглядит.

Эмма заметила, как все они обменялись взглядами. Было несправедливо, девочки могли пообщаться и разработать план, не сказав при этом ни слова. Они облепили её со всех сторон, как мухи вокруг фрукта. Защищаясь, она подняла руки, но у неё не было шансов. Даже для неё, семеро против одного, было проигранное сражение, особенно в разговоре. Они тянули, толкали и тащили её через холл в комнату Лорин. Эмма пыталась расшифровать хотя бы несколько слов, чтобы понять, что они замышляют, но все семь девчонок говорили со скоростью тысяча слов в минуту и без всякого смысла. Почему девчонки не проявляли такую силу и инициативу на тренировке?

— Эй, что вы ...

Прежде, чем Эмма осознала произошедшее, они сняли с неё спортивный свитер и натянули какую-то светло-голубую блузку, которая была слишком девчачьей и слишком облегающей, по мнению Эммы. Они разрешили ей остаться в своих выцветших и потёртых джинсах, которые дополняли подходящий ей стиль, но кроссовки заменили на чьи-то мокасины. Слава богу, они были не на каблуках, иначе это доставило бы Эмме серьёзные

хлопоты. Они повели её в ванную и усадили на табуретку, лицом к зеркалу. Когда она пыталась улизнуть, руки девчонок были готовы её приструнить. Бесполезно.

— Волосы вверх или вниз? — спросил кто-то.

Но сказанное Эммой «вверх» заглушило чьё-то «вниз». Кто-нибудь считался с её мнением?

Они сняли резинку, и её неукротимые светлые волосы волнами разлились по спине.

— Вау! — Мэдисон пропустила пряди волос Эммы через пальцы. — У тебя красивые волосы. Хватит собирать их в пучок, распусти их.

Эмма дунула на волосы, чтобы убрать их с глаз. — Это меня раздражает.

— Сегодняшний вечер ты переживёшь, — сказала Лорин.

Эмма свирепо посмотрела на неё, но Лорин не обратила на это никакого внимания и сосредоточилась на макияже. Зная Лорин, Эмма была на грани отчаяния от того, что могла выглядеть, как клоун. — Полегче с макияжем, — приказала она.

— О, пожалуйста. — Лорин схватила кисть и что-то вроде розовой пудры и подошла к Эмме. — Тебе нужна помощь, которую тебе предлагают.

Каждый раз, когда Эмма вертелась или поворачивала голову, пять пар рук хватали её и снова приводили в нужное положение. Она вздохнула. — Это, на самом деле, так необходимо?

— Да! — ответили они хором.

Эшли хихикнула. — Ты умрёшь, если станешь девушкой секунд, этак, на пять?

Эмма свирепо посмотрела на первокурсницу.

— Да.

Но никто не придавал этому значения. Все девчонки выполняли миссию по созданию нового облика Эммы.

Эмма перестала сопротивляться и протестовать. Это было бесполезно. С Лорин, красящей ей лицо, и двумя или тремя девчонками, дёргающими её за волосы, было, по крайней мере, четверо готовых к использованию мер пресечения, если Эмма решит сдвинуться, хотя бы на дюйм в неверном направлении. Она начала следовать командам.

— Закрой глаза.

— Открой глаза.

— Поверни голову в сторону. В другую.

— Выше подбородок.

— Не двигайся.

— Не ёрзай.

Она закашляла и зачихала, вдыхая пары лака для волос и клубы пудры, витающие в воздухе. Девушки всегда пользовались такими ядовитыми веществами? Требовалось слишком много усилий, чтобы быть девушкой.

— Готово, — наконец объявила Лорин.

Эмма облегчённо вздохнула и встала лицом к зеркалу, чтобы оценить ущерб. Единственной причиной, по которой она себя узнала, было её съёжившееся отражение. Она выглядела, как — осмелиться сказать — девчонка. Это было не так ужасно, как лицо клоуна, которое она себе представляла — не было яркой красной помады, синяков вокруг глаз или чего-то ещё — но категорически нет, она предпочитала выглядеть не накрашенной.

— Если ты испортишь что-нибудь до конца танцев, — сказала Лорин со сладкой злостью, закрывая колпачком тюбик с блеском для губ, — ты умрёшь.

Эмма всерьёз подумала, что Лорин убьёт её. Сумасшедшая цыпочка-блондинка с карандашом для подводки век.

— Почему тебя волнует, как я выгляжу? — спросила Эмма, озадаченная тем, что Лорин нарушила свою политику не трогать Эмму, чтобы подарить ей новый облик для какой-то глупой дискотеки.

Лорин улыбнулась злобной, кривой улыбкой.

— Партнёр по команде или нет, я ни за что не допущу, чтобы меня видели с такой уродливой дворняжкой в обносках, как ты. Это навсегда разрушит мою репутацию.

Некоторые из девочек бросили на неё сочувственные взгляды, но, за исключением Эшли, все без колебания последовали за Лорин. Они оставили Эмму сидеть, уставившись на своё отражение в зеркале и гуськом вышли из ванной. Эмма потратила слишком много лет на создание защиты, гарантирующей, что оскорбления Лорин не причинят ей боль, но иногда её слова проскальзывали через щели и приводили её в ступор. Она никогда в жизни не чувствовала себя таким Гадким утёнком.

Эмма не визжала, как идиотка, не одевалась в традиционные цвета школы и не красилась, чтобы продемонстрировать школьный дух. Из внепрограммных соревнований она чаще всего ходила только на баскетбольные матчи парней. И лишь то, что девчонки притащили её на какую-то глупую дискотеку, ещё не значило, что она должна в этом участвовать.

— Я здесь без кавалера в качестве не танцующей дамы, — подумала она.

Девчонки собрались вместе в тёмном спортивном зале и все, за исключением Эммы, танцевали. Как бы весело Эмме ни казалось исчезнуть и снова оказаться в доме Лорин, её оскорбления эхом отдавались у неё в голове и она острее, чем обычно, почувствовала себя не на своём месте. Она застенчиво скрестила на груди руки и старалась сохранить равновесие, пока девчонки подталкивали её в попытке заставить танцевать и проявить хоть какой-то энтузиазм. Сколько можно было это терпеть? В окружении темноты, ревушей из динамиков музыки, не прекращающегося девчачьего визга и конечно же, внушительного количества КПК. Как кому-то из девчонок вообще могло прийти в голову, что это весёлый способ провести вечер в пятницу?

— Прошу прощения, леди, — произнёс возле неё глубокий голос. — Могу я на минуту забрать Эмму?

При звуке голоса Райли её сердце бешено заколотилось. Что он здесь делает? Он никогда не ходил на подобные дискотеки.

Ей нужно было взглянуть на него, чтобы понять, что он не плод её воображения. Эмма обернулась и посмотрела ему в лицо. Стоящие торчком волосы, сладкая улыбка, голубые, всматривающиеся в неё глаза. Она облегчённо вздохнула. Он был настоящим.

Девчонки в кругу застыли и кивнули Райли в ответ. Медленно скользя, он взял руку Эммы в свою. Ни одна из девчонок не пропустила это движение.

— Идём? — спросил он.

Она бы без воды пошла вслед за ним по пустыне, если бы он только её попросил. Она предпочла бы пустыню, но он повёл её на танц пол. Вокруг них танцевали пары, сквозь тьму проносились прожекторы и пол вибрировал от музыки. Но Эмма сосредоточилась только на парне напротив неё.

— Что ты здесь делаешь? — её голос пронёсся дальше, чем она могла себе представить. Должно быть, её охватило девчачье волнение, но она не смогла удержаться. Райли никогда не посещал подобные дискотеки. Он предпочитал кино, попкорн или кататься по городу в поисках зрелищ.

Он пожал плечами:

— Распространился слух, что якобы банда девчонок похитила одного баскетбольного игрока и привела сюда. Я подумал, что пилот ей был бы полезен.

Она закинула руки ему за шею и прижала к себе. Райли почти всегда обнимал её первым, учитывая, что в её семье крепкие объятия были не приняты, но чувство облегчения довело её до крайности:

— Ты не представляешь, как я рада тебя видеть.

Он засмеялся и обнял её за талию. Она попыталась отстраниться, но он схватил её крепче, чтобы не дать ускользнуть.

— Что ты делаешь? — спросила она.

— Ты мне доверяешь?

Она могла бы сказать нет, поддразнить его и представить всё как невинную игру, но что-то в его глазах придало ответу серьёзности.

— Ты знаешь, что я делаю.

Он улыбнулся, и прежде чем она запротестовала, схватил её за руку и закружил по кругу. Она удивилась, что не зацепилась ногой за ногу, когда он притянул её обратно к себе и обвил руками её талию, уже покачиваясь в такт музыке. Так вот что он подразумевал под доверием? Танцевать?

— Мы не должны танцевать, — она раньше никогда не давала себе волю на танц поле. Она не знала, какой ущерб была способна причинить. К счастью, диджей поставил медленную песню, сократив для Эммы риск, выглядеть полной неудачницей. У неё не осталось выбора, кроме как обвить руками шею Райли и держаться за него.

— Я знаю, — он наклонил своё лицо ближе к ней. — Но судя по виду твоего отряда сопровождения, ты не уйдёшь далеко, если я тебя отпущу.

Она повернулась и увидела, как девчонки на них глазуют. Кое-кто помахал ей и показал большой палец вверх. Глупые девчонки. Они никогда раньше не видели двух друзей, танцующих вместе? Она положила голову на плечо Райли, желая исчезнуть отсюда навсегда. — Ты когда-нибудь чувствовал себя в центре такого нежеланного внимания?

— Эй, давай. Танцевать со мной не так уж ужасно, не правда ли? — спросил он.

— Конечно, нет, но ты меня знаешь. Это не для меня, — она посмотрела ему в лицо. Казалось, он не разделял всю её неприязнь к ситуации.

— Я тоже думал, что это не для тебя. Но это не так уж плохо, — сказал он, протянув руку, чтобы смахнуть волосы с её плеча. — Быть со своей девушкой здесь и смотреть на неё становится всё труднее, потому что на этот раз её заметили вне баскетбольной площадки.

С каких пор быть замеченной стало чем-то хорошим? Для Эммы это обычно означало, что такие люди, как Лорин будут смеяться, тыкать в неё пальцем и обрушивать потоки критики и оскорблений. Уход её матери и финансовый статус её семьи за эти годы не ускользнули ни от чьёго внимания. Вся школа очень хорошо знала её историю. Никто так не выражал свою неприязнь к ней, как Лорин, но все держали определённую дистанцию, как будто думали, что её пороки заразны. Всё, чего хотела Эмма, — это провести вечер наедине с Райли, а не под любопытными взглядами некой девчачьей компании.

— Я буду неделю выполнять твою работу по дому, если ты сможешь освободить меня от них, — сказала она, кивнув в направлении своих товарищей по команде. В её голосе звучало отчаяние.

Он, молчал и очень долго смотрел на неё. Его глаза изучали её лицо. В такие моменты она чувствовала себя обнажённой. Она не знала, что он видел в ней, но никогда не могла остаться для него скрытой.

— Тебе не следует всегда так бояться неизвестности, Эм, — сказал он, наконец. — Никогда не знаешь, что из этого выйдет.

Он сказал это так, что навёл на мысль, будто его слова весили больше:

— Ты говоришь только о девчонках и баскетболе?

Они покачивались медленно, почти на месте, и смотрели друг на друга, не отрывая глаз. Она почувствовала, как её щёки горят, а в животе порхают бабочки. Играют нервы, но отчего ей нервничать? Может быть, оттого, что Райли был так близко, слишком близко, или это

танцы вскружили ей голову? Что-то большее, чем дружба, казалось, промелькнуло между ними. Она почувствовала, как его руки сжимают её талию, ощутила его дыхание на щеке. Ей показалось или он наклонился к ней ещё ближе?

Неожиданно медленная мелодия перелилась в быстрый темп. Пол завибрировал, и ритм оттащил их друг от друга. Что бы ни промелькнуло между ними, оно исчезло без следа. И Эмма выдохнула. Она не понимала, что чувствовала внутри. Может быть, она это всё придумала. Глупые школьные танцы всегда всё путали.

Райли совсем не казался взволнованным, он откашлялся и улыбнулся ей:

— Я могу поговорить и о танцах.

Она скопировала его улыбку, когда он снова взял её за руку, закружил и прижал к себе. Он начал покачивать головой и скакать вокруг, напрасно пытаясь попасть в ритм. Эмма не смогла удержаться от смеха.

— Что ты делаешь? — спросила она, перекрикивая музыку.

— Танцую, — воскликнул он.

— Это не похоже на танец, — покачала она головой.

— Все так делают.

Эмма посмотрела вокруг. Конечно, движения Райли в каком-то смысле напоминали движения их сверстников, но они казались более компетентными и грациозными в этом. Их движения, действительно, выглядели, как танец. Райли был хорош во многом, но двигаться синхронно с ритмом песни он не умел. Посмотрев на его сосредоточенно сдвинутые брови, в то время как он пытался кому-то подражать, Эмма только сильнее рассмеялась.

Он схватил её за руку:

— Потанцуй со мной.

— Ни за что, — сказала она, покачав головой. — Ты выглядишь, как болван на пого-стик.

Его сосредоточенный вид вызывал ухмылку. Он притопывал рядом, как капризный ребёнок, и тряс головой, как пёс. Она нагнулась и схватила себя за бок, не в состоянии сквозь смех дышать.

Внезапно остановившись, чтобы успокоиться, он схватил её за плечи:

— У меня, кажется, кружится голова.

Эмма вытерла слёзы из глаз, сдерживая хохот:

— Ты сам виноват.

Он закинул руку ей на плечи:

— Я думаю, мне нужно сесть. Может быть, все эти танцы — не такая уж великолепная идея.

— Я уже сказала тебе, — она обвила рукой его торс, чтобы поддержать, — это был не танец, а преступление против человечества.

Он кинул на неё свирепый взгляд:

— Очень весело.

Чтобы Райли смог восстановиться после танцев, они нашли в холле скамейку и сели. Он прислонился к стене и закрыл глаза, а Эмма сделала глубокий вдох и первый раз за всю ночь позволила себе расслабиться.

По сравнению с другими, Эмма обладала малым в жизни. У неё не было денег, модной одежды, популярности, любящей семьи или мечты о будущем. Но, возможно, имея так мало, она научилась ценить такие моменты, как этот. Она и Райли рядом, разговаривают обо всём

при шуме нарастающей, доносящейся из спортивного зала, музыки, смеха сверстников и учителей в роли сопровождающих, пытающихся провести между парами границы. Такие моменты замедляли мир и помогали дышать чуть свободнее. Она взглянула на Райли и улыбнулась. С закрытыми глазами и расслабленным лицом он напомнил ей парня, которого она встретила 8 лет назад. Единственный, с кем, играя в баскетбол, она подружилась, кто защищал её от оскорблений других детей и утешал, когда жизнь принимала неожиданные повороты. Она любила его руку, свободно свисающую с её плеч, волосы, везде стоящие торчком, и его неожиданное обнадёживающее присутствие на танцах. Его глаза распахнулись и она посмотрела в сторону прежде, чем он поймал её пристальный взгляд.

Девчонки. Трое из них проходили мимо. Объект их внимания был очевиден, когда они, улыбаясь, взглянули на Райли в надежде, что он посмотрит в их сторону. Но он упорно смотрел мимо, положив руку Эмме на плечи, будто его ничто не волновало.

Она кивнула в направлении девчонок, когда они снова кинули на него взгляд:

— Мне кажется, что я мешаю тебе развернуться.

Если бы на месте Райли был Том, он оставил бы Эмму и как кот за мышами, последовал за ними. Но Райли бросил на них мимолётный взгляд и снова со вниманием повернулся к Эмме.

— Я мог бы сказать то же самое, — ответил он.

Эмма смущённо сдвинула брови.

Он кивнул в противоположном направлении, и она взглядом последовала за ним. Два парня, которых она не знала, улыбнулись ей, глядя в глаза. Это была не просто дружеская улыбка хочешь-сыграть-в-баскетбол, а скорее улыбка давай-поищем-тёмный-угол-на-танцполе. Эмма вздрогнула. Жутко. Она снова перевела внимание на Райли, не желая давать никакого повода, чтобы парни преследовали её.

Темнота не укрыла её. Райли увидел, как её пурпурные щёки загорелись и засмеялся:

— Они глазеют на тебя с тех пор, как мы сели. Не то, чтобы я их осуждаю. Ты выглядишь изумительно. Как настоящая девушка.

Она оттолкнулась от него с отвращением. Она ненавидела, когда он так говорил, особенно после слов Лорин, которые всё ещё были свежи в её памяти. Кто бы мог подумать, что такая уродливая дворняжка, как Эмма, могла добиться внимания от парня или заслужить комплименты от лучшего друга.

— Прости, — сказал Райли лишь для простой формальности, — я не мог не заметить.

Должно быть, дело в дурацких волосах и шмотках, которые девчонки заставили её одеть:

— Я тут не причём, меня атаковала банда сумасшедших девчонок. Семеро против одной, без всякого сомнения, — плохие шансы. Поверь мне, всё это не моя идея.

Её глаз уловил движение и она взглянула на Тома и Джерри, идущих своим путём через холл. Том медленно кивнул и улыбнулся, как будто был рад её видеть. Странно. Обычно он не признавал существование Эммы с таким дружелюбием. Ища, на что бы отвлечь внимание, Эмма приветственно подняла руку и интенсивно помахала.

Когда Том подошёл ближе, она отметила про себя, что его дружелюбное лицо выглядело, как лицо ребёнка, нежно поглядывающего на любимое мороженое. Она видела его таким раньше. Он принимал такой вид, когда увидев хорошенькую девушку, начинал охоту. О нет!

Том рухнул рядом с ней, настолько близко, что она почувствовала дискомфорт:

— Кто твоя подруга, Райли?

Блуждающие глаза Тома мучили Эмму. Она прижалась к Райли. Том всерьёз её не узнавал. Он подвинулся ближе к ней. Омерзительно. Неужели девушка должна надевать тесную рубашку и менять причёску ради того, чтобы такие парни, как Том глазели на неё, разинув рот?

Райли погладил её ногу и засмеялся:

— О, ты знаешь, просто одна девушка.

— Боже, Эм, — Джерри схватил прядь её волнистых волос и потянул. — Когда ты успела стать девушкой? — он отпустил её волосы, и они вернулись на место.

— Да ну! — сказал шокированный Том; его челюсть отвисла, когда он узнал её. — Это ты.

— Э, ты уверен? — она оттолкнулась от него. Тома можно было во многих отношениях назвать тупым качком.

Лицо Тома снова озарилось нежным взглядом, когда он закинул свою руку Эмме на плечи и притянул к себе:

— Я мог бы привыкнуть к твоему новому образу.

Она сбросила его руку и встала.

— Фу! — при мысли о Томе, воспринимающем её, как настоящую девушку, она захотела ударить его кулаком. Это было... неправильно.

— Почему ты так оделась? — спросил Джерри, как будто для него это было слишком странно. По крайней мере, один из парней был на её стороне.

— Меня атаковали девчонки из моей команды и их блестящая идея пойти на танцы вместе, — сказала она, закатив глаза.

— Если ты должна быть с девчонками, что ты делаешь с этим лузером? — спросил Том, ударив Райли кулаком по руке.

— Ты же знаешь, какая она, — сказал он с усмешкой. — Она просто не может мною насытиться.

Она открыла рот, чтобы ответить, но услышала позади знакомые голоса своих «приятельниц». Она зажмурилась. Не сейчас. Пожалуйста, не сейчас. Провести ещё пять минут с парнями было всё, что ей нужно.

— Вот ты где, — сказала Эшли, схватив Эмму за руку.

— Эй, детка, — пробормотала Эмма. — Сделай одолжение, вернись через 10 минут.

По другую сторону от Эммы появилась Мэдисон:

— Хорошая попытка, но без тебя здесь мы не команда.

С каких пор они стали считать её членом команды? С каких пор слово «команда» покинуло пределы баскетбольной площадки и просочилось в личное время? Эмма посмотрела на Райли, в поисках поддержки. Но он просто помахал ей, улыбнувшись своей глупой кривой улыбкой, когда руки девчонок вырвали её у него. Как много для её пилота.

Чтобы смыть весь лак для волос, Эмме нужно было три раза помыть голову, и она чуть не содрала себе кожу, убирая макияж с лица. После того, как пилот позволил девчонкам похитить её во второй раз, она ещё два часа сносила хихиканье, налёты, болтовню и визг, пока танцы не закончились, и Мэдисон не забрала её домой.

Снова.

Хотя учить попадать при ударе по мячу первокурсников, которым было трудно не споткнуться о свои ноги, оказалось сложнее, чем она ожидала, возвращение к тренировкам один на один с Эшли было приятной задачей после глупой дискотеки. Конечно, детка умела вести мяч, но стоило добавить защитника и прессинг, чтобы забить гол, — а она застывала, как ледяной куб. План успеха состоял в повторении и замедленном действии. Один удар по мячу, два удара по мячу, с вербальной инструкцией каждого шага в процессе.

После часа тренировки и тысячи повторений Эмма, наконец, увидела прогресс. Движения Эшли стали более быстрыми и плавными. Её маленькое тело наполнялось уверенностью и контролировало мяч, когда она мчалась вокруг Эммы и вела мяч к корзине, останавливаясь для броска, чтобы завершить игру. Детка издавала возглас и вопила после каждого удара по мячу, но Эмма воздерживалась от похлопываний по спине, поддержки и похвалы первокурсницы. Так формировался эгоизм и начиналась дружба.

— Хорошо выглядите, девчонки.

В пустом спортивном зале зазвенели громкие и отчётливые голоса. Эмма застыла. Нет. Нет, нет, нет. Она не верила, что это произошло. Райли не должен быть здесь, он не должен был знать о её занятии с первокурсницей после тренировки. Она обернулась и посмотрела на так хорошо знакомое ей лицо, улыбающееся в ответ.

— Что ты здесь делаешь? — прошипела она, быстро подходя к нему, чтобы заблокировать его попытку встречи и представить первокурснице.

Райли пошёл вперёд с важным видом и перекошенной на лице ухмылкой.

— Я сказал, что, в конце концов, всё выясню, — прошептал он ей в ухо. Он посмотрел Эмме через плечо и кивнул первокурснице. — Кто это?

— Никто, — сказала Эмма, стиснув зубы.

— Это не очень-то любезно, — сказал Райли, как некое авторитетное лицо, обучающее её манерам.

Как хорошие манеры или пощада чувствам первокурсницы могли её заботить, когда он был в двух секундах от разгадки её драгоценного секрета? Она положила руки ему на плечи и оттолкнула обратно к двери.

— Кто ты такой, чтобы появляться здесь без приглашения?

— Это право лучшего друга, — он направился мимо неё к Эшли с протянутой рукой, как босс на работе, приветствующий новичка. — Я Райли, а ты?

Эшли застенчиво улыбнулась и вложила свою крошечную ручку в руку Райли.

— Эшли.

— Очень приятно, Эшли, — сказал он с лицом, выражающим пародийный профессионализм. — А в каких отношениях ты состоишь с моей возлюбленной Эммой Врангтон?

Эшли подавила смешок.

— Эмма учит меня играть в баскетбол.

Эмма хлопнула её рукой по лбу. Разве первокурсница не знает, когда надо держать язык за зубами и не выдавать с готовностью информацию только потому, что её попросил какой-то парень.

— Правда? — с удивлением спросил Райли, оглянувшись и посмотрев на Эмму. Очевидно, это был не тот ответ, который он ждал.

Эшли кивнула.

— Она удивительная.

— Я знаю, — искренне сказал он, не отводя от Эммы глаз.

— О кей, — Эмма схватила его за руку. — Ты разгадал мой маленький секрет. Теперь тебе пора уходить.

Он подмигнул Эшли и выскользнул из хватки Эммы.

— Расслабься, Эм. Я здесь для того, чтобы подбросить тебя до дома.

— Меня не нужно подвозить.

Он проигнорировал её слова и направился к трибунам.

— Я буду сидеть здесь и ждать. Ты даже не заметишь, что я рядом.

Эмма всегда знала, когда Райли был поблизости. Даже если она его не видела, она всегда ощущала его присутствие. Может быть, потому, что она его лучший друг, или девушка, или дело в некой сумеречной зоне. Что бы это ни было, она не могла не обращать на него внимания, сколько бы ни пыталась. Но разве у неё был выбор? Она повернулась к нему спиной и попыталась сфокусироваться на Эшли, зная, что её попытки запретить Райли появляться здесь только укрепят его решимость остаться.

— Он твой бойфренд? — прошептала Эшли.

— Нет! — огрызнулась Эмма. — Просто друг.

Эшли взглянула мельком на Райли.

— Он милый.

Эмма закатила глаза. Типичный девчачий ответ.

— Пожалуйста, сейчас мы можем сосредоточиться?

— Прости.

Учить Эшли под внимательным взглядом Райли было не самое лёгкое из того, что Эмма когда-либо делала, особенно, когда её взор ускользал к нему. Он улыбался и махал, будто у него было полное право на них смотреть. Детка всё время смеялась. Когда Эмма не могла больше это терпеть, она закончила тренировку на пятнадцать минут раньше, чем обычно.

Все трое вышли вместе. Райли и Эшли разговаривали о мелочах. Эмма кипела от злости. Она не хотела их знакомить, зная, что Райли возьмёт Эшли под своё крылышко и будет ей помогать, смеясь над Эммой, взявшейся за столь жалкий проект.

Эшли и её мама синхронно помахали Эмме, завершив прощание супер-пупер девчачьими улыбками они уехали в ночь. За исключением нескольких косых взглядов Райли, их путь домой прошёл в молчании. Эмма не хотела объяснять свои действия или выслушивать, как он её дразнит, поэтому, не открывая рта, молча смотрела в окно на темнеющее небо.

— Почему ты не сказала мне? — спросил он, наконец. Они сидели в его джипе возле её дома. Эмма была не готова войти внутрь, а Райли не был готов её отпустить.

— Не сказала что? Что я обучаю какую-то первокурсницу бросать мяч в кольцо? — Эмма продолжила хмуриться в окно не в силах посмотреть ему в лицо. Она подумала, что

настало время. Время обвинений и насмешек.

— Ты удивительная, ты это знаешь?

Или нет. Его искренность застала её врасплох, она повернулась и посмотрела на него. Его глаза были нежные и добрые. Как будто он с трепетом смотрел на незнакомку. Она не понимала.

— Из-за того, что я учу какую-то первокурсницу бросать мяч в корзину? — повторила она. Это казалось для неё весьма простым. Это не похоже на баскетбольную игру для супергероев или что-то в этом роде.

— Я тобой горжусь.

— Ох, спасибо, — сказала она голосом, богатым сарказмом. — Ты не только играешь роль моего лучшего друга, но и роль моего отца. Как же мне повезло. Скажи мне, какие роли ещё ты умеешь играть?

Он схватил её ногу за колено и сжал, зная, что это самая чувствительная к щекотке часть её тела. Это был единственн^{***}ый раз, когда она завизжала, как девчонка. Он засмеялся, тогда её пронзительный визг заполнил салон джипа, и она сделала усилие, чтобы убрать с колена его руку.

— Ты не такая, как ты думаешь, — он откинулся на спинку сиденья и посмотрел на неё. — Я думаю, что, на самом деле, ты наслаждаешься всем этим баскетболом. Включая девчонок.

У неё отвисла челюсть. Это самая большая нелепость, которую она когда-либо слышала. У неё была строгая "нет-девчачьему-наслаждению" политика. Она была нерушимой, необратимой и непередаваемой.

— Ты бредишь.

— Зачем ещё ты тратила бы время, чтобы научить первокурсницу играть? — он бросил ей вызов. — Это точно не соответствует твоему профилю.

— У меня не было выбора, — запротестовала она, очень хорошо помня только то, как начался весь этот бардак изначально. — Детка загнала меня в угол после тренировки, умоляя и уговаривая, она была готова утопить меня в своих слезах.

Он захохотал.

— Я только рад, что это был не парень. Первокурсницу я могу выдержать, но парня? Слишком много драмы.

Она покачала головой, его комментарий не заслуживал ответа. Парень причинил бы ему больше забот, но она, в любом случае, предпочла бы команде девушек парня.

Он улыбнулся, забавляясь.

— Это было бы нормально, ты знаешь.

— Что?

— Если они тебе нравятся.

— Нет, — сказала она твёрдо.

— Я знаю, — сказал он, — но если бы они тебе когда-нибудь понравились, это было бы нормально.

Язвительная насмешка Лорин с треском лопнула у неё в голове вместе с рыданием Мэдисон, когда мяч шмякнулся ей прямо в лицо, и вместе с широкими, как бусины, глазами Эшли всякий раз, когда она видела, как Эмма выполняет какое-нибудь движение на баскетбольном поле. Полюбить их был не вариант.

Эмма и Райли подошли вместе к соседскому двору. Воздух был холодный и хрустящий, на вкус, как свобода. После недели тренировок с девчонками и дополнительных часов, проведённых с Эшли, Эмма снова насладилась возможностью поиграть с парнями. Поиграть, не сдерживая себя и не беспокоясь, что её пас собьёт с ног кого-нибудь из девчонок. Суббота с парнями, свободная от девчонок, была всем, чего она желала. Вот почему она замерла на месте при виде Эшли, располагавшейся у забора.

— Что ты здесь делаешь? — спросила Эмма первокурсницу.

Ей ответил Райли:

— Я пригласил её.

Она повернулась к нему.

— Ты что?

— Ты меня слышала.

— Что? Разве пяти дней в неделю, плюс сверхурочных, проведённых с ней, не достаточно? Она покушается и на мои выходные? Эмма сделала глубокий вдох и задержала дыхание, чтобы попытаться не закричать.

— Расслабься, — сказал Райли. — Я подумал, что детка захочет посмотреть, как играют в настоящий баскетбол. На кого лучше смотреть, как не на тебя и на меня? Ха!

Он слегка подтолкнул Эмму локтем, но она не была польщена его комплиментом.

— Здорово, Эш, — он улыбнулся Эшли, заставив Эмму нахмуриться. Последнее, в чём нуждалась первокурсница, так это в одобрении, чтобы слоняться поблизости.

Эшли посмотрела на Эмму невинными глазами.

— Я не хочу навязываться.

— Ты не навязываешься, — твёрдо сказал Райли, кинув на Эмму свирепый взгляд, прежде чем она смогла ответить. — Оставайся поблизости и учись кое-чему.

Почему он всегда добивался своего? Даже если бы она призвала армию, состоящую из людей, единственной миссией которых было бы принять её сторону, он бы всё же взял своё. Жизнь не справедлива, она приводила в ярость. Эмма молчала, но не секрет, что она была в двух секундах от того, чтобы стать беспощадной и Райли знал это.

— Прости нас, — Райли схватил Эмму за руку и потащил её прочь от Эшли.

Эмма вырвалась из его хватки.

— Ты мог бы хотя бы предупредить меня, что она будет здесь.

— Зачем? Она же не болеет чем-то вроде чумы? — он взглянул на Эшли, которая с открытым ртом и сияющими глазами смотрела на ребят на баскетбольном поле. — Кроме того, она напоминает мне о тех временах, когда ты была первокурсницей.

— Ты думаешь, что мне от этого лучше?

Райли засмеялся и отдал ей пас, пытаясь отвлечь. Он серьёзно не понимал её проблем с девчонками? Всё это время она считала, что они находились на одинаковой странице одной и той же книги, руководствуясь одним сводом правил. Райли никогда не интересовался девчонками до тех пор, пока они не стали центральной точкой её безумия и теперь он хотел привлечь их в качестве союзников. Эмма сердито посмотрела на Эшли, спрашивая себя, почему Райли проявил интерес именно к ней? Почему Эшли была полна такой решимости, вторгаясь в каждую область жизни Эммы? Её единственный день реального баскетбола с

приятными ей людьми... испорчен. Глубоко вздохнув, она нашла утешение в том, что Эшли будет наблюдать за происходящим со стороны. Её ноги не вступят на площадку, чтобы внести в матч хаос, заставить кого-нибудь споткнуться или дать ребятам повод её подразнить. Сегодня Эшли была зрителем, а не игроком.

Эмма присоединилась к Тому, Джерри, Райли и Саю, бросающим мяч в корзину, пока не появились остальные ребята. Метод «пригнись и накройся» здесь не действовал. Все брошенные мячи если не проходили через сетку, то, по крайней мере, отскакивали от кольца. Без девчачьих бросков. Без воздушных шаров. Без нытья и плача. Суббота была великолепным днём, даже в сопровождении надоедливой первокурсницы.

— Кто эта твоя маленькая подружка? — спросил Том, приблизившись к Эмме и кивнув в сторону Эшли.

Её губы скривились в отвращении.

— Никто. Просто одна девчонка из моей команды.

— Она милая.

Эмма бросила мяч.

— Даже не думай об этом.

Она была хорошо осведомлена о его манерах поведения с женским населением и без труда узнала в его глазах знакомый охотничий блеск. Он получил права на хвастовство через демонстративность, а не сидя в сторонке и мечтая.

— Она слишком невинна для тебя.

Том посмотрел на Эшли и улыбнулся, а в голове у него уже зарождались нечистые мыслишки.

— Я могу это исправить.

Эмма повернулась к Тому, завела его руку назад за спину и швырнула его выдающееся лицо о сетчатое ограждение, заставив заворчать от боли. Приёмчик, за который ей следовало поблагодарить своих братьев.

— Эй! — рыкнул Том.

Она сжала его руку, смутно осознавая, что Эшли и парни смотрят на неё.

— Если ты её тронешь, я клянусь, что сломаю тебе обе руки и заставлю рыдать, как ребёнка на виду у всей школы, так, что ни одна девчонка больше никогда не подумает снова посвятить тебе своё время.

Высказывая замечание относительно первокурсницы, она ощущала в руке руку Тома, слышала свой угрожающий голос и чувствовала в животе приступ тошноты, но по какой причине её вообще это волновало? Её врагами были девчонки, а не Том, но она не могла сдержать свою реакцию.

Он поднял свободную руку в знак милосердия.

— Расслабься, Эмма. Я просто валял дурака.

— Валяй дурака с кем-нибудь другим, — сказала Эмма сквозь стиснутые зубы, отпуская его руку и выталкивая прочь.

Хотя её дружба с Томом и складывалась лучше, чем взаимоотношения с любым из её братьев, она не всецело основывалась на решении об отсутствии конфликтов. Невзирая на это, Эмма скорее предпочла бы принять сторону Тома, чем чью-либо из девочек. По крайней мере, она думала, что предпочла бы. До сих пор.

Она развернулась, не в состоянии смотреть на Тома и очутилась лицом к лицу с Райли.

— Впечатляет, — заметил он с ничего не выражающим лицом. — Если бы я многое не

знал, я бы подумал, что первокурсница начинает тебе нравиться всё больше.

— Это смешно, — вскипела она. Минутная потеря контроля ничего не значила. — Я просто не хочу, чтобы его непристойные мысли отвлекали моих игроков. Нам есть о чём беспокоиться и без Тома, устраивающего драму.

Он пожал плечами.

— Как скажешь.

Она ненавидела, когда он так делал. Говорил, что верил в неё, в то время как абсолютно не верил. Как подготавливал к моменту «а я тебе говорил».

Но, в конце концов, с ними было достаточно парней, чтобы сделать игру весёлой, и Эмма вскоре оставила драму дня позади и просто стала играть в баскетбол. Прорывы к кольцу по полю, решительная защита, пасы, летящие от одних рук к другим. В окружении парней. Не девчонок. Баскетбол в его лучшем проявлении.

Эшли была их собственной маленькой черлидершей, подбадривающей и аплодирующей с трибуны всякий раз, когда кто-то выполнял бросок или совершал хороший ход, не имеет значения членом, какой команды он был. Сначала парни смотрели на Эшли, как на сумасшедшую, но к концу игры они улыбались ей, устраивали перерывы, чтобы дать ей пять, и как только такое вообще произошло; Эшли стала их собственным маленьким талисманом. Эмма находила всю сцену досадной, но когда спустя час они сделали перерыв, даже отсутствие Эшли бросило тень на её настроение.

Она присоединилась к Эшли на местах для зрителей за пределами спортивной площадки и подняла с пола её бутылку с водой.

— Райли такой крутой.

Эшли смотрела, как он дурачился кое с кем из парней. Из всех ребят, Райли одарил её самой большой улыбкой и вниманием. Как он мог не понравиться Эшли?

Эмма сделала глоток воды и вытерла тыльной частью руки, стекающие изо рта капли, не сводя с Райли глаз.

— Да. Он лучший.

Эшли посмотрела на Эмму любопытными глазами.

— Он тебе нравится?

— Конечно, он мне нравится, — ответила Эмма. — Он мой лучший друг.

— Нет, — сказала Эшли. — Я имею в виду, он тебе нравится?

Эмма удивлённо посмотрела на первокурсницу, у детки были проблемы со слухом?

— Разве я только что не сказала «да»?

Эшли засмеялась и покачала головой.

— Что?

Настроение Эммы портилось по мере того, как их беседа растягивалась.

— Ты совсем бестолковая? — заметила Эшли, ничуть не стесняясь прямо высказать своё мнение. — Я спрашиваю, не нравится ли тебе Райли больше, чем как друг? Как бойфренд?

— Что? — взвизгнула Эмма. Как вообще детке могла прийти в голову такая глупая мысль? — Конечно, нет. Разве я выгляжу, как девушка, которая проводит дни, теряя голову от какого-то жалкого парня?

Первокурсница снова засмеялась.

— Во-первых, как бы ты не выглядела, ты не обладаешь иммунитетом от любви. Во-вторых, мы говорим не о каком-то жалком парне, — она посмотрела на часть поля, где

находился парень, о котором шла речь. — Мы говорим о Райли.

Глаза Эммы невольно блуждали в направлении Райли. Райли и Джерри бросали мяч с центральной линии, следя за тем, кто выполнил лучший бросок. Прежде, чем Райли взял мяч, чтобы его бросить, Эмма поняла, что он хотел сделать стартовый рывок, ударив два раза по мячу, бросить его от бедра и решительно подпрыгнуть в ожидании, когда мяч упадёт. Ещё она знала, как он щёлкал ручкой, когда делал домашнюю работу, как что-то напевал с закрытым ртом, когда в его мире всё шло так, как надо, и как его задумчивые глаза останавливались на ней, а кончик его рта поднимался в улыбке всякий раз, когда он видел её. Она знала всё о Райли. Это называлось дружбой.

Эмма стиснула зубы, её руки сжались в кулаки.

— Нет.

Словно в подтверждение мысли Эшли, Райли взглянул на Эмму и глазами встретился с ней. Он кивнул вверх, подарил ей улыбку и пристальный взгляд, более долгий, чем это было необходимо. Потом его манера поведения стала более беспечной и он помахал Эшли. Эшли не нуждалась ни в каких словах. Её приподнятые брови и улыбка «а я тебе говорила» сказали всё за неё. Эмма проигнорировала Эшли. Райли посмотрел на неё так же, как ранее тысячу раз. Что в этом такого? Но затем мысли Эммы снова перенеслись к танцевальному вечеру. Она вспомнила, как он обвивал руками её талию и прижимал ближе к себе. Как он задерживал на ней пристальный взгляд, и как она почувствовала, что что-то большее, чем дружба, промелькнуло между ними.

Его слова отозвались эхом в её голове: «Не так уж плохо находиться здесь со своей девушкой». Он действительно считал её своей девушкой? Неужели он смотрел на неё не просто, как на одну из приятельниц, а как на нечто большее? Она вспомнила возникшую между ними на танцах связь, и как он наклонился, когда их медленный танец близился к концу, как будто чтобы... нет! Это невозможно. Райли не поцеловал бы её посреди танцпола, где было столько народу. Не правда ли?

Сердце Эммы заколотилось в груди. Во рту у неё вдруг пересохло. Она с жадностью глотнула воды, половину пролив на рубашку и чуть не захлебнувшись. Площадка перед ней закружилась и она схватилась за край сиденья, чтобы удержать равновесие, смутно осознавая, что первокурсница смотрит на неё.

— Ты, правда, не знала? — мягко спросила Эшли.

Эмма слышала симпатию в её тоне. Словно Эшли считала себя взрослой, воспитывающей какого-то ребёнка. Эмма зажмурила глаза. Всё это было смешно. Эшли была деткой. Она ничего не смыслила, особенно, в отношениях Эммы и Райли. Вероятно, это была просто какая-то психическая девчачья уловка, чтобы выбить Эмму из колеи и вызвать напряжение между ней и парнем, без которого она не могла жить. Последнее, в чём она испытывала потребность — это в переосмыслении каждой улыбки, каждого слова и каждого прикосновения, которыми Райли с ней когда-то обменивался. Она не собиралась позволить какой-то девчонке испортить единственное, что было хорошего в её жизни.

Эмма швырнула бутылку с водой на пол.

— Слушай, Райли и я — просто друзья. Ничего больше. Так что держи свои мысли при себе или считай, что наши тренировки один на один прекратятся. Ты поняла?

В глазах Эшли промелькнул страх. Она сжала губы и кивнула.

— Эй, девчонки, — обратился Райли, очутившись позади Эммы. Как обычно, он положил руку ей на плечи, вызывая внутри чувство защищённости и дружбы, которое только

больше рассердило её. Сейчас не время для его дружеских заморочек. Она убрала его руку, бросив на Эшли свирепый взгляд, и зашагала по площадке, испытывая потребность в баскетболе и ребятах, которые не играли бы так спокойно на её чувствах.

Она и Райли были друзьями. Ничего больше. Но почему, когда она скользнула взглядом по Райли, а он ей улыбнулся, в животе у неё всё перевернулось, как в машине двигатель? И почему при виде Эшли рядом с ним она испытывала раздражение? Должно быть, глупая девчачья особенность. Тусовки с девчонками сводили её с ума. Они всех сводили с ума. Райли никогда не понравится Эмме как некто больше, чем друг, не правда ли? Она покачала головой, чтобы прогнать эти мысли, и сосредоточилась на баскетболе.

Эмма предпочла бы быть охраняемой Томом. Если бы она толкалась, он толкнул бы её в ответ, не заботясь о том, была она девушкой или нет. Если бы она играла с ним нечестно, Том стремился бы к мести до тех пор, пока это был боевой вызов того, кто хотел бы выиграть, особенно, после небольшого инцидента несколько лет назад. Но вместо него у Эммы был Райли. Он слишком хорошо знал её, чтобы реагировать соответственно. Когда она толкала его, он отходил на два или три шага. Если она играла с ним нечестно, он щекотал её рёбра. Но он всегда знал, когда что-то шло не так. Просто как лучший друг. Ключевое слово — друг.

— Ты в порядке? — спросил Райли.

Она держала мяч в полной готовности, присев в ключевую позицию тройной угрозы.

— Всё хорошо, — холодно ответила она.

— Почему-то я тебе не верю.

— Не знаю. Это твои проблемы.

Окей, да, это было немного грубо, но к лучшему, чтобы отразить любые странные чувства, которые могли бы возникнуть между ними особенно на виду у первокурсницы.

— Ты собираешься охранять меня весь день, как девчонку или подкинуть мне работу над чем-нибудь?

Райли нахмурился.

— Эм, что-то не так?

Она будто собиралась перефразировать для него смехотворное мнение Эшли.

— Ничего. Давай играть.

Она сопротивлялась сильному желанию извиниться перед ним. Нужно, чтобы Эшли и ещё кто бы то не был, знали, что ничего большего, чем дружба, между ними не существовало.

Она этого не допустит.

Эмма взглянула на профиль Райли. Наблюдать его было высшим наслаждением, пока он был занят вождением и не осознавал её пристального взгляда. Мысль, что Райли и она — больше, чем друзья, была абсурдной. Конечно, его пристальный взгляд задерживался на ней дольше, чем взгляд любого из других парней, которых она знала. Он был более ласков с ней, чем другие парни, особенно, после случайного поцелуя в щёчку. В животе у неё ощущался трепет в надежде видеть его иногда. И её сердце ныло, когда они находились на расстоянии. Но что с того. Для друзей это типичное поведение. Лучшие друзья. Между ними не существовало ничего кроме. И существовать не могло.

С небес лился дождь. Даже несмотря на дворники,двигающиеся с глухим стуком на полной скорости туда и обратно, дорога в школу была едва различимой и из-за листьев и обломков, забивших уличные водостоки, частично покрыта водой. В пути на выездную игру не бывает идеальной погоды.

Райли сгорбился над рулевым колесом, словно близость к дороге на шесть дюймов позволила бы ему фактически лучше видеть полосу движения.

— Перестань так тяжело дышать, — он отрегулировал вентиляционные отверстия. — Ты затуманила все окна.

Она глубоко вздохнула, открыла рот и выдохнула, добавив в интерьер автомобиля экстраслой тумана.

— Не хочешь пройтись пешком отсюда до школы?

— Только сумасшедший хотел бы пройтись пешком до школы в такой проливной дождь, — сказала она. — Кроме того, так мило с твоей стороны выставить меня из машины без зонта или приличного дождевого плаща.

Он посмеялся над ней.

— Да, ты права. Я мил. В отличие от некоторых знакомых мне людей.

Несмотря на дорожные условия, он рискнул на свирепый взгляд в её направлении, чтобы подчеркнуть свою мысль.

Видите? Ничего кроме здоровой шутливой беседы лучших друзей.

Они остановились у школьной стоянки, где несметное число детей мчалось стрелой из своих машин к зданию школы. Райли припарковал машину и выключил мотор. Они посмотрели на ливень, надеясь, что через минуту или две он прекратится и они не промокнут во время их забега в школу. Но чёрные тучи над головой никуда не уплывали. Дождь, словно пули, барабанил по крыше автомобиля, и им приходилось перекрикивать шум.

— Ты готова? — крикнул он ей.

— Готова, как никогда! — прокричала она в ответ.

— Раз, — они схватили с заднего сиденья свои ранцы и надели их на плечи.

— Два, — руки на дверных ручках для быстрой эвакуации.

— Три, — они выпрыгнули из джипа, захлопнув за собой двери, и понеслись к школьному зданию. Такие дни не делали дистанцию от стоянки до школы подходящей. Конечно, было бы разумно носить зонтики или дождевики, но влажные вещи трудно хранить в шкафах. Их ноги шлёпали по лужам, дождевая вода сочилась с них к тому времени, когда они укрылись в убежище внутри школы.

— Хорошо, это было весело, — Райли потряс головой и капли воды полетели Эмме в лицо.

В отместку она толкнула его о шкафчики, и он засмеялся.

— Увидимся на втором уроке, — она ушла, он пристально посмотрел ей вслед. Пол, покрытый линолеумом, скрипел под её ботинками, пока она прокладывала себе путь через холл. Она повернула циферблат на шкафчике, вытряхнула из ранца бутылку с водой и переложила в него учебники для утренних занятий. Всё было влажным. Тридцатисекундный спринт от стоянки до школы — достаточное время, чтобы все вещи в сумке промокли. Но есть надежда, что учителя приняли во внимание текущие погодные условия при проверке домашней работы.

— Привет, Эмма.

Голос не обладал глубоким тембром Райли или одного из парней. Эмма повернулась на девчачий голос и застыла.

— Что с тобой?

Да, Эмма намочила, но Эшли стояла пропитанная влагой с головы до пят, словно, не раздевшись, окунувшись в плавательный бассейн, с баскетбольным мячом в руке, сверкающим от воды, и глупой ухмылкой на лице.

— Ничего.

— Почему ты такая мокрая?

Лицо Эшли выражало смущение.

— Что ты имеешь в виду? Сегодня четверг. Я пошла в школу так, как ты мне сказала. Я не достаточно хороша, чтобы одновременно вести мяч и держать зонт.

У первокурсницы не было ни крупицы здравого смысла?

— Я не имела в виду, что ты должна идти пешком в проливной дождь, — сказала Эмма, сохраняя дистанцию от промокнувшей до нитки детки. Вода продолжала сочиться каплями с одежды Эшли, образуя вокруг неё на полу лужу.

Эшли пожала плечами.

— Это не так уж плохо. Только немного воды. Кроме того, я думаю, что у меня великолепный дриблинг, — её лицо светилось, она вертела в руках мяч. — Я упражнялась в ведении всю дорогу и потеряла контроль над мячом только три раза. Очень неплохо, ты так не думаешь? Я даже попыталась выполнить несколько твоих затейливых движений, ведя мяч и обходя лужи. Они не тренировались так упорно, а я добьюсь успеха. Я думаю, что готова для игры сегодня вечером. Думаешь, я начну играть так? Могу показать тебе. У меня хорошее предчувствие. Мы, безусловно, намерены выиграть сегодня вечером.

— Великолепно, — на этот раз Эмма не была заинтересована в беседе о баскетболе. Эшли стояла, истекая водой, покрывающей весь пол, с баскетбольным мячом, зажатым в руках, словно она не просто прошла мимо под проливным дождём. Что творилось с этой деткой?

— У тебя есть одежда на смену?

Эшли покачала головой.

— Я в порядке, правда.

— Ты в порядке, пока не отсидела шесть часов занятий. Поверь мне.

Эмма знала по личному опыту, каково это — сидеть в мокрой одежде до конца уроков, поэтому всегда была готова. Она порылась в шкафчике и вытащила пару толстовок и футболок. Они не пахли свежестью кондиционера для белья, но и плесенью тоже.

— Вот, — сказала она, предлагая их Эшли. Несмотря на затянувшееся раздражение от последней беседы с ней, она не могла позволить детке страдать. — Они будут висеть на тебе, но, по крайней мере, ты не замёрзнешь.

Эшли схватила одежду свободной рукой.

— Спасибо.

Эмма бросила на неё ещё один изучающий взгляд и покачала головой.

— И с этого момента больше не ходи пешком в школу в дождливую погоду, поняла?

Эшли улыбнулась.

— Поняла, тренер.

— Я не твой тренер, — сказала Эмма с лёгким раздражением в голосе. — Больше никогда меня так не зови.

Эшли хихикнула.

— Как скажешь.

Детка запетляла между телами, возвышающимися над ней, прокладывая себе путь к туалету, чтобы переодеться. Эмма снова покачала головой. Это было единственное, что она могла делать, когда смотрела на Эшли. Даже как первокурсница, Эшли была самым жалким ребёнком, которого Эмма когда-либо видела, но она не смогла сдержать улыбку, представляя, как детка ведёт мяч вниз по улице, увёртываясь от капель дождя и луж, чтобы улучшить свои баскетбольные навыки. Нет, она не вела себя, как Эшли — это противоречило её политике нет-девчачьему, — но в детке было что-то такое, что игнорировать было трудно.

Она надеялась, что первокурсница была права и что они сегодня вечером одержат победу. Они выиграли первую игру сезона, но проиграли две после. Больше всего Брэдшоу нужна была победа, особенно, над внутригородским противником.

* * *

Тела наталкивались друг на друга, проталкивая локтями искомый к корзине путь, ногти на руках царапали до крови. Битва между Брэдшоу и старшей школой Эвергрин присвоила новое значение понятию внутригородского соперничества. Даже Эмма, без прошлого в девчачьей команде, смогла почувствовать, что игра против команды номер один в лиге была чем-то гораздо большим, чем просто баскетбол. Язвительные замечания, излишние пакости, самодовольные ухмылки. Эвергрин хотели не просто победить Брэдшоу, а раздавить.

Выяснив, что Эмма была звёздным игроком, Эвергрин атаковали её со всех сторон. Она не могла просто выполнять броски и бить по мячу, ей приходилось толкаться, плутовать, описывать круги и пробивать себе путь между двумя или тремя защитниками для каждого броска. Каким бы хорошим игроком она ни была, Эмма не могла вести игру одна. Её товарищи по команде сосредоточенно нарушали правила скорее, чтобы отомстить, чем выиграть, выполняли броски наугад, проталкивали себе путь через двух или трёх защитников только для того, чтобы потерять мяч, и запаздывали на защите. Как бы сильно Брэдшоу не нужна была победа, в этой игре они её не одержат.

Когда прошла половина второй четверти, Брэдшоу отставали на двадцать очков. Эшли заменила Эмму, чтобы дать ей отдохнуть. Первокурсница вступила на площадку, и игроки Эвергрин сделали её мишенью для своих насмешек, зная, что она была самым слабым

игроком в команде. Эшли не могла сделать и двух шагов без того, чтобы на неё не налетели или не столкнули. Первокурсница провела больше времени, согнувшись, чем выпрямившись, но она была борцом. Детка всякий раз отталкивала своё покрытое синяками тело от пола и рывком возобновляла игру. Что бы Эшли ни делала, ежедневно проходя пешком милю до школы, она была права, она овладела дриблингом. Она держала мяч снизу, близко к телу, петляя между защитниками и ведя мяч по всей площадке, планировала каждый ход, как научила её Эмма. Когда фолы привели к двойному броску, Эшли шагнула к линии, повертела мяч в руках и забросила его два раза в корзину, как профи. Эмма не смогла сдержать улыбку.

— Эмма.

Она услышала, как тренер назвала её имя, подняла палец, показывая, что ей нужна ещё одна минута, и схватила с пола бутылку с водой, чтобы дать детке время для экстрим игры. Насколько бы первокурсница лучше ни стала, тренер не позволила ей играть дольше одной-двух минут, потянула за пределы поля и приговорила к скамье. Эмма почувствовала на себе взгляд тренера, означающий, что ей пора снова на поле, но не отвела с Эшли глаз.

— Эмма.

Тренер выходила из терпения, когда первокурсница столкнулась с двумя защитниками и упала на пол. Тогда Эмма, наконец, кивнула и засемила к табло замены игроков. Прозвучала сирена, и Эмма остановилась перед Эшли, выходящей за пределы баскетбольной площадки. Она положила ей на голову руку и сказала на ухо:

— Твёрдо стой на ногах и не позволяй им себя подводить. Используй свою скорость и ловкость, чтобы дать отпор, хорошо?

Эшли кивнула, Эмма хлопнула её по спине и присоединилась к команде на поле. Ко времени, когда вторая четверть приближалась к концу, полкоманды чуть не вышли из игры за нарушение правил и Брэдшоу проигрывали примерно тридцать очков.

Тренер держала дверь открытой, пропуская девочек в раздевалку, чтобы в перерыве между таймами произнести напутственные слова. Одни нашли место на единственной деревянной скамье напротив доски, остальные опёрлись на шкафчики. В комнате витал запах тела и устаревших духов.

Тренер Ноулз заняла место напротив девочек. Они ожидали, что она начнёт анализировать первый тайм, изобразит план оставшейся части игры, произнесёт волнующую речь и посоветует им дать отпор, но её глаза лишь изучали планшет с зажимом в руках. Эта женщина знала, что перерыв между таймами длился только десять минут? Молчание тянулось слишком долго, прежде чем тренер прокашлялась и сказала:

— Девчонки, ваши действия на поле великолепны. Нам просто нужно... немного перефокусироваться.

Серьёзно? После продолжительного молчания единственный совет тренера — немного перефокусироваться? Им нужно было сосредоточиться на периоде. Эвергрин зарабатывали слишком много очков с линии штрафного броска. Броски оставленных без опеки игроков. Кто мог промазать, выполняя их? Если бы Лорин и её фанатки не нарушали правила каждые пять секунд, может быть, Эвергрин не получали бы так много свободных бросков.

— Давайте глянем на фолы. Лорин. Шайло. Мэдисон. У каждой по три. Ещё два, и вас выведут из игры за нарушения правил. Мы не можем себе этого позволить. Тренер не вела себя строго или авторитарно. Она снова обратилась к своему привычному "давайте-просто-будем-друзьями" «я».

— Не мешало бы, чтобы судьи не делали таких «грязных» сигналов, — пробормотала

Лорин.

— Или, может быть, они могли бы попытаться справедливо давать сигналы обеим командам, — добавила Шайло.

Эмма чуть не задохнулась.

— Вы меня разыгрываете?

Она не смогла сдержаться. Слова вырвались прежде, чем она их проглотила. Если тренер вела себя, как

неприкаянная, кто-то должен был говорить резко и чётко. Неужели они даже не понимали, в чём

заклучался фол?

— После того, что я видела, я удивлена, что вас всех ещё не вывели из игры за нарушения правил.

— О, приехали! — сказала Лорин, закатывая глаза. — Разве твоя мама не научила тебя разговаривать только тогда, когда к тебе обращаются? О, подожди. Предполагаю, что её не было для этого рядом достаточно долго.

Никто не произнёс ни слова. Руки Эммы сжались в кулаки. Она глубоко вздохнула, пытаясь сохранить спокойствие. Поскольку ей хотелось научить Лорин одной-двум вещам, Эмма решила не обращать внимания на её замечание и страстно погрузилась в реальную проблему.

— Экстренное сообщение! Ваша стратегия упускать каждый данный вам шанс, нарушая правила, не работает. Девяносто процентов мячей, брошенных Эвергрин с линии, попадают в корзину. Это означает, что на каждые десять полученных ими бросков приходится девять удачных. Итого, девять очков, — Эмма посмотрела на каждого из товарищей по команде. — Ребята, вы хотите выиграть? Играйте по-умному. Прекратите нарушать правила. Позвольте им наброситься на вас и для разнообразия уравнийте количество фолов. Заставьте их послать вас к линии и затем выполните два броска так, словно это самое лёгкое, что вы сделали за весь день.

Мэдисон и пара других девчонок обменялись взглядами и посмотрели на Эмму. Их брови нахмурились, выражая сомнение. Тренер Ноулз стояла, скрестив руки, напротив входа в комнату и, не вмешиваясь, смотрела на команду. Поразительно, как женщина, которая ненавидела конфликты, когда-то нанялась тренировать девчачью баскетбольную команду?

— Другими словами, мы должны быть, как Эшли и позволить им отколошматить нас, — сказала Лорин, неуверенная, поняла ли Эмма, о чём она говорила.

Эмма посмотрела на склонившую голову Эшли. Её щёки пылали.

— Да, как Эшли, — сказала Эмма. — Они могут её толкать, но, по крайней мере, она не вручает им мяч и не даёт бросков без опеки. Если вы не заметили, у Эшли было мало возможностей набирать очки с линии штрафного броска, но шестью нашими очками мы обязаны ей.

— Удачные броски, — пробормотала Шайло.

Эмма увидела, как Лорин и Мэдисон кивнули, соглашаясь с ней.

— Удачные броски? — Эмма пересекла комнату и встала напротив Шайло. — А сколько очков заработала ты? Может быть, четыре? И в отличие от Эшли, которая играла только две минуты, ты была на поле почти весь тайм. Интересно.

Шайло отвела глаза и Эмма осмотрела комнату, проведя взглядом по так называемым товарищам по команде. Даже когда они проигрывали на тридцать очков, они не проявляли

никакого интереса к игре как команда.

Прежде, чем кто-нибудь ещё смог что-то сказать, Эмма продолжила:

— Если вы не хотите проиграть эту игру на пятьдесят очков, лучше оживитесь и начните играть в баскетбол. Прекратите нарушать правила, начните набирать очки и играть, как команда. Давайте возьмём над игрой контроль.

Она встала, как идиотка, с протянутыми руками, ожидая, что её товарищи по команде присоединятся к ней и прижмутся друг к другу. Никто не пошевелился. Одна попытка Эммы активизировать команду была отвергнута. Тикающие секунды тянулись, как вечность, пока Эшли не встала со скамьи напротив неё и не положила свою ладонь на её ладонь. Она подарила Эмме улыбку. Эмма подмигнула в ответ. Одна за одной другие девчонки, наконец, шагнули вперёд.

Тренер протянула в круг свою руку:

— Команда, на три.

Эмма сняла с двери засов, распахнула её и показалась из раздевалки. Спортивный зал не вызывал такую клаустрофобию, как раздевалка, по крайней мере, не сначала, а постепенно Эмма разглядела своего защитника из Эвергрин, Валери Хокус. Валери была сияющей звездой Эвергрин, и девочка это знала. Конечно, она была неплохим игроком, но нет ничего, с чем Эмма бы не справилась.

Валери посмотрела с надменной ухмылкой сначала на табло, потом на Эмму. Немая пощёчина.

— Я не хочу проиграть пятьдесят очков, — Шайло шагнула ближе к Эмме, её смуглая кожа ещё сверкала от пота после первого тайма. — Скажи мне, что я должна делать.

— Заграждать путь соперника к кольцу и подбирать под щитом мяч, — сказала Эмма скорее вызывающе, чем ободряя. — Когда они промахнутся с первого раза, мы не можем позволить им подобрать мяч под щитом и встать для второй или третьей попытки.

Шайло хрустнула пальцами, хмурый вид не сходил с её лица, пока она пристально смотрела на другую команду.

— Готова.

Шайло обычно выглядела, как не более, чем шестифутовая человеческая фигура, но пока она стояла рядом с Эммой на боковой линии, что-то в ней изменилось. Может быть, её нерешительность превратилась в уверенность или её энергия обрела цель, но Эмма ощутила на своём лице улыбку, зная, что во втором тайме ситуация в корне изменится.

Шайло перестала нарушать правила. Она не тянулась, не била с силой по мячу, когда кто-то готовился к броску, и не налетала на людей, чтобы заявить о себе. Наоборот, она твёрдо стояла на ногах, держала руки высоко в воздухе и выравнивала количество фолов в нападении. Когда Шайло шагнула к линии штрафного броска, она встретилась глазами с Эммой, а затем без колебаний вложила два раза в корзину мяч. Её четыре очка выросли до шести, потом до десяти, потом до двенадцати, но больше всего произвело впечатление не то, как она набирала очки, а как она подбирала мяч под щитом. Каждый слышал ворчание Шайло, когда она отталкивалась от пола, протягивая руки над руками других игроков, чтобы схватить мяч в воздухе и снова отбивать его на положенном уровне.

Её было не остановить.

Всякий раз она надеялась на пас после подбора и ловила мяч для Эммы, словно они играли вместе на протяжении многих лет. Вот так Брэдшоу претендовали на контроль над мячом и над всей игрой. Преимущество Эвергрин начало сокращаться.

К началу четвёртой четверти Брэдшоу проигрывали только на двадцать очков. Шайло и Мэдисон старались не добавлять дополнительные фолы к их рекордному количеству, но Лорин, которую ближе к концу третьей четверти вывели из игры за нарушение правил, наблюдала четвёртую со скамьи. Когда часы показывали восемь минут, Эвергрин пытались сохранить контроль над игрой и не позволить Брэдшоу набрать больше очков, но Брэдшоу отказывались сдаваться, зная, что если они не выиграют игру, то, по крайней мере, вызовут у немногих зрителей восхищение и не проиграют без борьбы. Напряжённость и злобность игры за три четверти не смягчились, а даже, наоборот, в четвёртой только обострились. Брэдшоу была не той командой, что в прошлый год, и каждый игрок школы Эвергрин это понял. Эвергрин могли удержать лидерство, но это было нелегко.

На часах оставалось две минуты. Эвергрин мчались по полю, прорываясь к кольцу. Три на одного. С обеих сторон по товарищу по команде, Валери вела мяч лицом только к одному защитнику, Эмме. Два очка могли бы стать куском пирога, но девушка бежала один на один с Эммой, вместо того, чтобы применить командный подход. Конечно, она выполнила несколько затейливых движений ногами и у неё были превосходные баскетбольные навыки, но Эмма достаточно наигралась с парнями, чтобы научиться читать язык тела.

Валери пропихивалась сначала справа, потом слева, обманула кроссовером и затем остановилась для броска.

Шлепок!

Звук ладони Эммы, блокирующей мяч, отрикошетил от стен зала, и мяч взмыл за пределами.

Толпа шумела, извергая шиканье и аплодисменты. Несмотря на протесты Эвергрин, судья объявил блок честным.

Эвергрин расположились на боковой линии, чтобы вернуть мяч и Брэдшоу не уступали им в силе. Когда на часах осталось полторы минуты, счёт больше не имел значения для обеих команд. Эвергрин, без всякого сомнения, хотели выиграть, а Брэдшоу ещё не вызвали восхищения. Играя спина к спине, Кристи завладела мячом и помчалась по площадке, чтобы добавить четыре очка в пользу Брэдшоу. Мэдисон и Стеф атаковали корзину и Стеф набирала очки, выполняя броски в лёгком прыжке. Каждый ждал, когда Эмма выполнит какое-нибудь движение.

Вёлся обратный отсчёт, секунды на часах тикали, давая Эмме достаточно времени только, чтобы подготовиться к финальному ходу. Она могла бы сделать пас, ей следовало сделать пас, но она знала, что её товарищи по команде ещё не были готовы сохранить контроль над мячом, играя против внутригородского соперника, когда на часах оставалось десять секунд. Они проигрывали пятнадцать очков, но времени хватало только на действие, за которое запомнила бы их толпа.

Эмма держала мяч в полной готовности, заняв ключевую позицию, лицом к лицу к Валери. Пот лился с её лица, сердце отбивало такт, руки вели мяч. Ожидание. Эмме улыбнулась, она обожала такие моменты. На часах пять секунд, пять секунд, чтобы выполнить финальное движение. Эмма отбивала между ногами мяч, один раз, дважды, пропихнулась вправо, повернулась налево и пробралась через трапецию. Два защитника обрушились на неё и подняли вверх руки, чтобы блокировать её бросок, но на секунду опоздали. Эмма проскользнула между ними, крепко держа мяч в руках, и оттолкнулась от пола. Повиснув в воздухе, она сделала мячом петлю прежде, чем стряхнуть мяч над кольцом, когда прозвучала финальная сирена.

Брэдшоу проиграли на тринадцать очков, но это не имело значения. Рёв фанатов Эвергрин, поддерживающих Брэдшоу, луч надежды в глазах товарищей по команде и гнев и страх на лице у Валери вызвали у Эммы только одну мысль: матч-реванш.

Основные моменты их игры с Эвергрин на следующий день разнеслись по всей школе, как декабрьские порывистые ветра. Никто из ребят не был очевидцем игры, но все они могли подробно пересказать историю блока Эммы и её финального прохода с мячом под кольцо любому жаждущему слушателю. Любезность первокурсника.

— Я бы хотел там быть, — повторил Райли миллионный раз, опершись о стоявшие вдоль стены шкафчики, пока Эмма меняла в сумке учебники.

— Это не имеет значения, — успокоила его она. Всегда, когда у девушки был выбор, она предпочитала разговаривать о баскетболе, но после последней вечерней игры против Эвергрин, проявляла нетерпение всякий раз, когда поднималась эта тема. В первый раз с её поступления в старшую школу люди, на самом деле, стали смотреть скорее на неё, а не сквозь неё. Эмма чувствовала себя экспонатом.

Челюсть Райли отвисла почти до пола.

— Не имеет значения? Эшли про это все уши прожужжала. Она сказала, что ты доминировала в игре.

— Не могу представить, что первокурсница использовала слово «доминировать», чтобы описать меня.

Он закатил глаза.

— Так я выразил все истории о тебе как «чудо — женщине» одним словом. Это до сих пор не меняет тот факт, что Джерри прав. Ты суперзвезда.

На этот раз закатила глаза Эмма. Весь вопрос о баскетболе выходил из-под контроля. С каких пор Райли и парни придавали слову первокурсницы больше значения, чем её?

Неужели годы дружбы ничего не значили? Довольно плохо, что парни обращались с ней, как с какой-то знаменитостью, но неужели вся школа была вынуждена вдруг признать её существование просто из-за действий на поле? Дети, которые тратили большую часть жизни, не замечая её, приветственно кивали, поздравляли с успешно сыгранным матчем и прекращали разговоры, глаза на неё, когда она входила в комнату. Она даже видела, как несколько ребят, которых она не знала, имитировали её блок-шот скомканными бумажками. Невероятно! Эмма не была заинтересована в популярности или в том, чтобы нравиться из-за какого-то глупого тренда.

Несмотря на всеобщий внезапный к ней интерес, девушка делала всё возможное, чтобы не обращать на это никакого внимания и сосредоточить усилия на планировании индивидуальной тренировки с Эшли. Хотя детка и стала выглядеть, как настоящий баскетбольный игрок, ей ещё нужно было многому научиться. Когда тренировка закончилась и их товарищи по команде вышли колонной за дверь, Эмма поставила Эшли на линию штрафного броска спиной к корзине. Детке нужно было научиться ловить пас, поворачиваться к корзине и принимать неединодушное решение бить по мячу или выполнять бросок.

Когда внимание Эшли переключилось на боковую линию за Эммой, ей не очень-то это понравилось. Детка слегка подтолкнула её локтем и кивнула по направлению к боковой линии. Эмма развернулась, собираясь бранить Райли заодно из его неожиданных появлений, но слова застыли на кончике её языка, когда она увидела не Райли, а Шайло и Пэйтон. Скрестив руки и подняв брови, обе девушки ожидающе смотрели на Эмму.

Придя в себя от появления ещё двух девчонок, Эмма не попыталась сохранить мягкий и приветливый тон.

— Что вы здесь делаете?

Шайло кивнула в сторону Эшли.

— Первокурсница сказала, что ты даёшь частные уроки.

Эмма свирепо взглянула на Эшли. Правило номер три их небольшого соглашения об индивидуальной тренировке: никому не рассказывать. Достаточно, чтобы надеяться, что Эшли сохранит всё в секрете.

Глаза Эшли перескакивали с Эммы на нежелательных гостей. Она невинно вскинула руки.

— Что? Шайло спросила меня, зачем я каждый день остаюсь после тренировки и я сказала ей, что ты меня кое-чему учишь. Я не могла солгать.

Эмма закрыла глаза и покачала головой, стараясь изо всех сил, чтобы не сделать Эшли выговор. Она снова повернулась к Шайло и Пэйтон.

— Первокурсница ошиблась. Я не даю частные уроки.

Шайло пожала плечами.

— Как бы ты их не хотела назвать, мы за это.

— За что? — спросила Эмма.

Шайло закатила глаза.

— Мы здесь, чтобы учиться.

— Учиться чему?

Да, они должны были ей это обстоятельно объяснить. Последнее, чего Эмма хотела — это сделать поспешные выводы, только чтобы подать им идеи, которые непременно свели бы её с ума.

— Ты видела, как мы играем. Ты знаешь наши сильные и слабые стороны. Мы будем учиться всему, чему ты хочешь научить нас.

— Я не хочу вас ничему учить. Для этого есть тренер.

Пэйтон засмеялась.

— Мы все знаем, что тренер — пушистый клочок. Она не имеет ни малейшего представления, как тренировать, так что это твоё дело.

Эмма открыла рот, чтобы выразить протест, но Шайло подняла её руку.

— Слушай, я хочу перейти на следующий уровень игры, но чтобы сделать это, мне нужен кто-то, кто знает в этом толк и кто может мне помочь. Я видела, как ты помогла Эшли. Я сделаю всё, что ты мне скажешь, — Шайло коснулась Эммы, проходя мимо, извлекла мяч из сетки и присоединилась к Эшли на площадке. — Отказ не принимается.

Пэйтон пошла по пятам за Шайло и проходя мимо Эммы, шепнула:

— То же самое относится ко мне.

Семнадцать лет — слишком большой возраст, чтобы устроить вулканическую истерику? Эмма жаждала этого. Очень. Почему девчонки непрерывно вторгались в её жизнь? Знали ли они или беспокоились о том, что их присутствие было нежеланным? Эмма посмотрела на Эшли, надеясь на поддержку, но первокурсница только улыбалась, приветствуя своих новых подруг, как сестёр.

Трое больше, чем один.

Эмма запрокинула голову назад, прося огромного терпения и помощи у некой высшей силы.

— Хорошо, — выдохнула она, потерпев поражение. Разве у неё был другой выбор?

— Но один бойкот, и мы закончим.

Эмма сердито посмотрела на их три одинаковые ухмылки, удивляясь, как вообще их индивидуальные тренировки с Эшли стали групповыми занятиями с тремя участниками, составляющими полкоманды.

* * *

Эмме не нужно было беспокоиться, что Шайло и Пэйтон расскажут об их индивидуальных занятиях остальным девчонкам. На следующий день во время тренировки, не считая нескольких взглядов в её направлении, они игнорировали её, как обычно. Они смеялись и шутили в кругу Лорин и Мэдисон и слава богу, оставили Эмму за пределами своей компании. По правде говоря, она предпочитала этот путь. Конечно, она могла научить их немного играть в баскетбол, но она была не готова для дружбы. Лучше — меньше личного и больше баскетбола.

Пять свободных бросков. Всё это каждый из них должен был сделать прежде, чем покинуть спортивный зал, чтобы провести вечер по своему усмотрению. Для Эммы свободные броски были, как дыхание. Она могла выполнить пять свободных бросков меньше, чем за десять секунд. У остальных это занимало где-то от двух минут до половины дня.

При виде Мэдисон Эмма испытывала отвращение. Неудивительно, что она не смогла бы совершить бросок, даже если бы от этого зависела её жизнь. Очевидно, Мэдисон понимала, что броски ей не удавались. Как она могла не понимать, если на каждый выполненный свободный бросок приходилось двадцать забытых мячей?

— Что я делаю неправильно? — хныкала Мэдисон, ни к кому конкретно не обращаясь.

Эти рыдания были заразными? Сначала Эшли, потом Шайло и Пэйтон, теперь Мэдисон Эмма приказала себе, склонив голову, хранить молчание и не обращать внимания на Мэдисон, разразившуюся слезами. Она не была ни тренером, ни другом, ни маленьким помощником Санты. Тогда почему она шагнула напротив Мэдисон, поставила её ноги на ширине плеч, расправила плечи по направлению к корзине, выпрямила руку, выполняющую бросок и закрепила на мяче ладони?

Это всё была вина Эшли. Если бы Эмма не начала её тренировать, она бы без раздумий позволила девчонкам добиваться своего собственными силами. Несмотря на возросшие усилия тренера, некоторым из девчонок ещё нужно было добиться многого в развитии своих баскетбольных навыков. Мэдисон с восхищением смотрела на Эмму. А, может, это было отвращение. Девушка не вполне могла понять по её сморщенному лицу. Но, по крайней мере, Мэдисон не психовала, когда Эмма дотрагивалась до неё. Она просто пристально смотрела на неё в недоумении, что делать дальше.

Эмма показала на корзину.

— Бросай.

Мэдисон сделала всё, как было сказано. Её глаза чуть не вылезли из орбит, когда мяч пролетел через сетку.

«Слава богу», — подумала Эмма. Она отбила мяч от пола и снова отправила пас

Мэдисон. По крайней мере, у Мэдисон хватило достаточно ума, чтобы попытаться скопировать позу, в которую её поставила Эмма. Эмме нужно было только поправить положение руки, выполняющей бросок, и ладони, державшей мяч.

Два подряд. Когда Мэдисон посмотрела на Эмму, на её лицо прокралась улыбка. Настоящая улыбка, а не презрительная усмешка. Эмма была поражена. Может быть, между Лорин и её фанатками существовали различия?

Прежде, чем улыбнуться Мэдисон в ответ, девушка сделала вид, что ничего не заметила и отвернулась. Ещё одна улыбка приклеилась к лицу Эшли, словно она всегда знала, какой великолепной может быть Эмма. Непроизвольно её взгляд опустился в пол.

После шести попыток Мэдисон совершила свой финальный свободный бросок. Девушка завопила и бросилась к Эмме прежде, чем та смогла отразить атаку. Мэдисон умница, что преодолела свой «у Эммы платяные вши» образ мыслей, но небольшую толику личного пространства нужно ценить. Что происходило с девчонками и со всеми, кто обнимался?

Когда девушка-псих уже пять секунд не убирала руки, Эмма больше не могла это выносить.

— Окей, окей. Прекрати.

Мэдисон отпустила её, но девчачье ухмыляющееся лицо и истерическое хихиканье не отступили достаточно далеко. Эмма взяла на себя инициативу проложить между ними дистанцию в пять шагов, предотвращая любую мысль о ещё одном объятии.

В конце тренировки члены команды собрались посреди площадки, чтобы прижаться друг к другу. Действие, которое способствовало сплочению команды. Протолкнувшись и прижавшись к компании девчонок, чтобы во всю глотку прокричать бессмысленное слово, Эмма не почувствовала командную близость. Если бы её окружили парни, она бы пропахла потом, стекающим с их тел и их запахом изо рта. Девчонки же нанесли на себя так много дезодоранта и духов, что было трудно не задохнуться.

Прежде, чем команда успела разойтись, пронзительный вопль Лорин отрикошетил от стен зала.

— Подождите, подождите, подождите, — она побежала к боковой линии и вернулась, неся с собой кипу бумаг. — Я просто хотела напомнить всем о годовщине создания команды в эту пятницу.

Создания команды? Никто никогда ничего об этом не говорил. Разве было недостаточно тимбилдинга во время тренировок? Слишком много могло оказать пагубное воздействие.

Лорин сунула флаер Эмме в руку.

Эмма посмотрела на флаер розово-голубого цвета, в ужасе открыв рот.

— Райли Аарон Лэджер, выходи сюда! — крикнула Эмма. — Сейчас же!

Она постучала в парадную дверь Лэджеров, не обращая внимания на боль в кулаке, возникавшую всякий раз после удара о дерево. Если бы дверь не была закрыта, она бы ворвалась в дом и заставила Райли предстать перед ней. Он должен был быть дома. На подъездной дороге стоял его джип. Он не мог избегать её. Только не сейчас. Из всех мерзких и отвратительных моментов в её жизни день создания команды, определённо, займёт первое место. Она постучала сильнее.

В конце концов, дверь распахнулась и перед ней показался Райли.

— Боже, Эмма. Ты собираешься..., — один прямой взгляд ей в лицо — и его зрачки расширились от беспокойства. Он схватил её за плечи. — Что-то не так?

Её руки на боках сжались в кулаки, скомкав всё ещё зажатый между пальцами флаер.

— Ты меня в это вовлёл и теперь ты должен вытащить меня отсюда.

Всё её тело затряслось и чтобы не закричать, ей потребовалось всё её самообладание.

— Что ты....

— Я сделала всё, что от меня ждали, и даже больше, — слова вылетели у неё изо рта. — Я присутствовала на каждой тренировке и выкладывалась во время каждой игры. Я учу основам баскетбола какую-то надоедливую первокурсницу и двух её закадычных подруг. Я была на дурацкой дискотеке, только для того, чтобы сплотить команду.

Она подняла флаер.

— Но я не сделаю этого.

— Эм, — сказал он, подняв руки, чтобы помешать ей его атаковать. — Серьёзно, прямо сейчас ты выведешь меня из себя. Притормози и скажи мне, о чём ты говоришь.

— Я говорю о дурацком дне создания команды, — ответила она, стиснув зубы.

— Окей, — он покачал головой, в смущении сморщив лоб. — Я думаю, что чего-то не понимаю.

Она шлёпнула его по груди флаером.

— Это всё твоя вина.

Он вытащил у неё из кулака скомканную бумагу и разгладил её. Она смотрела, как его рот растягивался в улыбке; секунды спустя прозвучал его смех.

Глаза Эммы сузились в щели.

— Разве это весело?

Райли согнулся в истерике.

В отвращении покачав головой, Эмма развернулась, чтобы уйти. Очевидно, помощь придёт не от него. Он обхватил её вокруг талии прежде, чем она дошла до края крыльца, и встал напротив неё.

— Прости, — сказал Райли, ещё излучая следы смеха. — Я просто не могу представить тебя на....

— На пижамной вечеринке! — закончила она за него, вскинув в воздух руки. — Я не могу этого сделать. Не сделаю этого. Не проведу целую ночь в окружении девчонок. Скорее позволила бы себя укусить десяти гремучим змеям и осталась бы умирать в пустыне.

— Это немного утрировано, ты так не думаешь?

— Нет! Не утрировано, — прокричала она ему. — Ты хотя бы имеешь какое-нибудь

представление о том, что делают девчонки на пижамной вечеринке?

Он покачал головой.

— Я тоже, но точно ничего хорошего.

В её голове возникли образы грязевых масок и огурцов на глазах, и она поёжилась. Хохот и сплетни, визг и крики. Эмма ощутила приступ тошноты. Она не хотела идти, она не могла. Если у неё была бы, хоть капля достоинства и самоуважения. Но какой у неё был выбор, когда тренер угрожала посадить на скамейку запасных каждого, кто не придёт? Тренер, действительно, думала, что какая-то глупая пижамная вечеринка чудесным образом объединит команду и поможет им выиграть?

Следующие восемь дней девчонки разговаривали только о пижамной вечеринке. Что надеть, что принести, чем заняться. Но хуже всего на этот раз были не девчонки, а парни.

— Подумай об этом, Эмма. Ты пойдёшь туда, где раньше не был ни один парень.

— Ты будешь нашим секретным агентом.

— Ты войдёшь, узнаешь что-нибудь интересное и всё расскажешь.

Райли тоже не помог. Конечно, он стоял рядом с ней, но он не мог не улыбаться. Эмма была одна. Восемь дней прошли прежде, чем она это осознала, а ей так и не удалось убедить тренера пощадить её рассудок и вызволить её из беды. Вместо этого, Эмма сама не заметила, как начала собирать сумку и готовиться к худшей ночи в её жизни.

* * *

Райли остановил джип у тротуара, через дорогу от особняка Лорин, и выключил двигатель. Эмме нужно было выходить из автомобиля, но она застыла на пассажирском сиденье, уставившись на дом. В окнах горел свет и на шторах виднелись силуэты танцующих девчонок. Ветер в ночи доносил до неё звуки музыки.

— С моей стороны было бы плохо признать, что я боюсь? — спокойно спросила она.

Он повернулся к ней.

— Боишься чего?

— Быть не в своей тарелке.

Она не знала, как быть девушкой. Не знала, как относиться к людям, которых она презирала. Конечно, они выражали благодарность, когда она давала им указания на поле, но дух товарищества них ещё не сформировался. Она не знала, как пережить пижамную вечеринку, где были одни девчонки.

Словно демонстрируя своё превосходство, Мэдисон и Кристи прошли вверх по подъездной аллее к парадной двери, неся каждая по две сумки, спальному мешку и подушке. Эмма и Райли видели, как они позвонили в дверь. Несколько секунд спустя Лорин распахнула дверь и все закричали. Пронзительные крики, от которых стекло чуть не разлетелось вдребезги.

Эмма закрыла лицо руками.

— Убей меня сейчас.

— Всё не может быть настолько плохо, — Райли сжал её плечи. — Я имею в виду, что это всего лишь девчонки.

Она свирепо посмотрела на него. Он не понимал. Как бы он ни пытался, он не мог

понять. Да, это были девчонки. Девчонки, которые едва выносили её существование на тренировке и в школе, где авторитетные лица поддерживали между ними мир. Дом Лорин был опасной территорией. Конечно, её родители могли быть дома, но вряд ли они собирались всю ночь держать их в поле зрения. Это было плохо. Очень. Очень плохо.

— Окей, может быть, всё и будет настолько плохо, — сказал Райли, увидев выражение её лица, — но ты можешь это сделать.

Она могла бы остаться с ним в машине на всю ночь, оценивая ситуацию и представляя, насколько плохой будет пижамная вечеринка, но у жизни были другие планы.

Стук в окно заставил Эмму и Райли подпрыгнуть. По другую сторону стекла Эшли неистово махала рукой с огромной улыбкой на лице.

Райли кивнул Эшли.

— Хотя бы первокурсница рада.

— Каким образом это должно меня утешить?

Он взял её за руку и сжал.

— У тебя всё будет в порядке.

Не в силах больше ждать ни секунды, Эшли рывком распахнула пассажирскую дверь и практически вытащила Эмму из автомобиля.

— Привет, Райли.

— Эй, детка, — сказал он, подняв в приветствии руку. — Осторожней с нашей девочкой, хорошо?

Эшли захихикала. Эмма взяла на заднем сиденье свои вещи и пошла за Эшли, обходя переднюю часть джипа. Она взглянула на дом и вернулась к автомобилю. Её руки сжали оконную раму двери Райли.

— Держи мобильник включенным и при себе на случай, если меня нужно будет вызвать. Я надеюсь, что ты придёшь во всеоружии.

Эшли крикнула ей через дорогу, чтобы она поторопилась.

— И носи свою задницу наверх, — добавила она.

— Ты поняла, — сказал Райли. — И Эм?

— Да?

— Постарайся весело провести время.

Пронзительные крики раздались, как только открылась дверь. Веселье не было предметом выбора.

* * *

Для некоторых девчонок провести всю ночь, одевшись в цвета сладкой ваты, танцуя вокруг, как Человек-паук на джетпаках, и запасаясь сплетнями, возможно, было мечтой, ставшей явью, но для Эммы это было жестоким и необычным наказанием. Она не знала, где было её место среди хихикающих групп девчонок, поэтому держалась у входа и наблюдала за происходящим в тени, не желая привлекать внимания к спортивным штанам, слишком большого размера и выцветшей футболке. На баскетбольном поле с товарищами по команде она могла хотя бы притвориться, что чувствует себя в своей тарелке, но независимо от того, сколько указаний она давала девчонкам, они никогда не примут её. Не то чтобы она хотела

подружиться с ними или что-то в этом роде, но, возможно, было бы не так ужасно не чувствовать себя изгоем. Возможно.

Когда энергия стала угасать и принесли пиццу, девчонки не смогли удержаться от приятной и спокойной игры «Правда или действие». Очевидно, в женской забегаловке это была популярная игра. Чтобы сделать её интереснее, Лорин оставила только «правду».

Мэдисон, не стеснявшаяся раскрывать свои секреты любому охотному слушателю, вызвалась быть первой. Сев в круг, все девчонки сосредоточили на ней своё внимание, когда она называла последнюю жертву своего сильного влечения. Алекс. Бедный парень. Что он наделал?

— На прошлой неделе, на уроке физики, я уронила ручку и она закатилась под парту Алекса. Он нагнулся, чтобы поднять её и когда возвращал её мне, — зрачки Мэдисон расширились от возбуждения, — он улыбнулся.

Эмма фыркнула. Одна улыбка — всё, что требовалось от парня, чтобы девчонки впали в экстаз. Нужно не забыть сказать парням, чтобы они никогда не улыбались девчонке. Если не хотят, чтобы их заметили и потащили к алтарю.

— Что? — невинно спросила Мэдисон. — Это, безусловно, был счастливый момент.

— Должно быть, мимолётный момент, — пробормотала Эмма, не сумев прикусить язык и хранить молчание.

Лицо Мэдисон вытянулось от боли. Замечание, вылетевшее у Эммы изо рта, причинило более сильную боль, чем она могла себе представить.

— Обижать меня — твоё любимое занятие? — захныкала Мэдисон.

Шесть голов повернулись по направлению к Эмме, чтобы посмотреть, признаёт ли она, что является тем бессердечным и жестоким человеком, которого изображала. Легче не стало, когда у Мэдисон задрожал подбородок. Ещё немного — и хлынули бы слёзы. Но Эмма не хотела снова идти по этой дороге.

— Я..., — начала Эмма, но вспышка Мэдисон её прервала.

— Что ты вообще знаешь?

Шесть пар глаз снова переключились на Эмму, и она застыла. Она знала, что Алекс был приятным парнем со сладкой улыбкой, которую он адресовал каждому. Считайте это одной из его плохих привычек, но Эмма сомневалась, что Алекс мог выдержать целый час, никому не улыбнувшись. Он принадлежал к типу парней, которые по субботам убегали ранним утром, чтобы провести время с маленькой сестрой, спасали котят с деревьев и предпочли бы быть выбранными в команду последними, чтобы избавиться от смущения кого-нибудь ещё. Подводя итог, Алекс принадлежал к типу улыбающихся парней. Основываясь на непредсказуемости девчонок, Эмма поняла, что, вероятно, ей не следует озвучивать правду, находясь среди полдюжины помешанных на парнях девчонок.

— Знаю, мне нужно ещё пиццы.

Эмма соскочила с пола с тарелкой в руке и буквально ринулась на кухню. Она поёжилась, когда услышала шаги. Мэдисон и остальные девчонки окружили её вместе с пиццей, загнав в ловушку. Не такое, уж плохое положение, учитывая, что осталось ещё две пиццы, а она была голодная.

— Расскажи мне, что знаешь. Пожалуйста.

Лицо Мэдисон никогда не выглядело таким жалким. Вот с чем ребята имели дело? Одно слово — и девчонка разразилась слезами. Теперь понятно, почему парни были слабыми. Лучше было уступить, чем быть причиной девичьих слёз.

Эмма осмотрелась вокруг, взглянув на каждого, кто не сводил с неё глаз и, поняв, что не сможет ускользнуть, обрушила на них поток слов.

— В прошлые выходные на баскетбольной площадке Алекс упомянул, что пригласил на зимний бал девчонку из другой школы.

— Упомянул как? — Мэдисон подняла подбородок, чтобы выглядеть сильнее, чем она себя чувствовала. — Упомянул так, будто его заставили родители её пригласить или будто, на самом деле, он сам захотел с ней пойти?

— Я не знаю, — она должна анализировать каждое слово и движение тела, чтобы убедить этих девчонок? Он пригласил на свидание другую девчонку. Явно, он не чувствовал ту же связь, что Мэдисон. — Он только сказал, что пригласил её, и что она сказала «да».

Он был так возбуждён, что едва мог сконцентрироваться на игре, но, ни в коем случае она не собиралась быть настолько честной.

Кристи приподняла брови.

— Ты просто оказалась рядом во время разговора?

Эмма вздохнула.

— Я дружу с этими парнями с начальной школы. Они разговаривают при мне обо всём, особенно, на баскетбольной площадке.

Стеб подалась вперёд, будто это была лучшая новость, которую она услышала за весь год.

— Например, какие девчонки им нравятся и всякое такое?

Эмма пожала плечами.

— Иногда.

Мэдисон покачала головой и хлопнула руками по столу.

— Я не понимаю! Почему все парни так сильно любят тебя? Я имею в виду, что ты не такая милая, ты нарушаешь все законы моды, одеваясь, как пацан, и тратишь большую часть времени, хмуро наблюдая за всеми. Не говоря уже о твоём затруднительном финансовом положении. Ты абсолютно «пустое место».

— За это спасибо, — пробормотала Эмма.

— Прости, — Мэдисон буквально закричала на неё, не выговаривая «прости» полностью. — Но разве ты знаешь, каково это — быть в чём-то недостаточно хорошим? Или когда парни смотрят мимо тебя, в то время как ты так сильно стараешься привлечь их внимание? Ты знаешь, каково это — смотреть с боковой линии, как все подбадривают тебя, как будто других из нас не существует? Как мы должны соперничать со всеми твоими причудливыми дриблинговыми движениями и трёхочковыми бросками? Несправедливо, что у тебя всё это есть.

— Ты действительно так думаешь? — с сомнением спросила Эмма. Она посмотрела в глаза каждому из товарищей по команде и заметила, как большинство из них, соглашаясь, кивнули. Всё это время Эмма думала, что девчонки ненавидели её, потому что она бедная, а не потому что все её друзья — парни. Она раздражённо покачала головой. — У вас богатые родители, шикарные автомобили и оплаченное обучение в колледже, однако вы думаете, что я та, у кого есть всё?

Девчонки!

Эмма попыталась сохранить спокойствие, но её пальцы непрерывно сжимали край стола, а голос набирал силу.

— Баскетбол — это всё, чем я когда-либо занималась и занимаюсь. Я дружу с этими

ребятами с начальной школы. Я ничего не могу поделать, если они предпочли бы поиграть в баскетбол со мной, чем находиться в одиночестве с вами. Если бы половину того времени, которое ты тратишь, выражая недовольство, ты уделяла бы игре в баскетбол, может быть, на самом деле, ты была бы приличным игроком. И, может быть, ты, действительно, нравилась бы парням, если бы твой голос не был таким плаксивым или твоё это не было бы размером с гору Эверест.

В ответ Эмме прокричала тишина. Девчонки пристально на неё смотрели. Она ждала, что они завопят, протестуя, или поднимут против неё мятеж. Но они этого не сделали. Тогда она схватила пару кусков гавайской пиццы и протиснулась сквозь толпу, чтобы занять на полу другое место. Остальные девчонки попарно и по трое присоединились к ней.

— Очередь Эммы, — с фальшивым добродушием сказала Лорин так, будто сцены на кухне никогда не происходило.

Эмма прекрасно понимала, что ничего хорошего из этого сценария выйти не могло.

— Я пас.

Последнее, чего она хотела, — это вступить в ещё одну девчачью перебранку. Расплата. Месть. Ненависть. Эмма не хотела в этом участвовать.

— Играют все, — Лорин вздёрнула бровь, — если ты не боишься маленькой... правды.

Эмма поняла концепцию этой игры. Говори правду и ничего, кроме правды. Но Эмма считала, что доверие нельзя навязать, его можно только заработать. Мотивом игры было выудить гнусные сплетни, чтобы в понедельник повторить их в школе, и она была не в настроении стать мишенью. Она достаточно долго была в окружении девчонок, чтобы понять, что они могли съесть её с потрохами и выблевать, не сломав ногтя и не растрепав волосы, особенно, будучи спровоцированными. Но Эмма знала, что у неё не было выбора, — она, ни в коем случае не позволит Лорин запугать её.

Когда она увидела, как Лорин обменялась взглядами с половиной девчонок, севших в круг, ей пришла на ум одна мысль: засада.

«Сохраняй спокойствие», — сказала себе Эмма. Она уже вынесла семнадцать лет насмешек, так что одна ночь не могла оказаться гораздо хуже. Её жизнь была достаточно захватывающей, чтобы вызвать большой интерес.

С самодовольной улыбкой, не сходящей с лица, Лорин прокашлялась, чтобы начать допрос.

— Расскажи правду о ваших отношениях с Райли.

И это всё? Её дружба с Райли — всё, о чём хотела знать Лорин? Райли от этого был бы в восторге.

— Мы просто друзья, — это прозвучало скорее, как вопрос, но Эмма не могла не думать, что это было слишком легко.

— Конечно, вы друзья, — сказала Лорин, не веря ей ни капли.

— Ты уже его целовала? — пропищала сидевшая в кругу Пэйтон.

— Что? — вскрикнула Эмма. — Нет.

— А он уже тебя целовал?

— Нет, — твёрдо ответила она. — Мы просто друзья.

— А как ты объяснишь танец? — Мэдисон возвела очи к небу, надеясь застать Эмму врасплох.

— Как насчёт танца? — спросила Эмма. — Ты имеешь в виду, что он спас меня от вас, клоунов?

У каждого был готов для неё ответ.

— Он держал тебя за руку.

— Он танцевал с тобой медленный танец.

— Он не мог оторвать от тебя глаз.

Они выпалили свои замечания, и комната вокруг Эммы закружилась. Довольно разговоров о танце двух друзей. Она обхватила голову руками.

— Стоп, — Эмма дождалась, когда воцарилось молчание. — Мы. Просто. Друзья. Ничего больше.

Лорин схватила с журнального столика свой мобильник и открыла его щелчком.

— Интересно, Райли скажет то же самое?

При нормальных обстоятельствах Эмма не позволила вовлечь Райли в эту ситуацию, но, учитывая, что ночь становилась всё хуже, она отдала бы что угодно, чтобы услышать его голос.

— Давай! Звони ему!

Без колебаний Лорин начала набирать номер. Либо она всегда знала эту комбинацию цифр, либо запомнила для особого случая, — Эмме было неизвестно, но Лорин нажала на кнопку громкоговорителя, и все восемь девчонок подались вперёд, услышав телефонный гудок.

— Алло? — голос на другом конце трубки безошибочно принадлежал Райли, и Эмма облегчённо вздохнула.

— Эй, Райли. Это Лорин.

Она заправила прядь волос за ухо, словно думала, что он мог её видеть и что его заботила её внешность. Если бы Райли когда-либо проявил интерес к Лорин, Эмма избила бы его собственными руками.

Райли фыркнул от смеха, как будто тоже ждал её звонка, или представил Эмму на пижамной вечеринке с её заклятыми врагами.

— Как вечеринка? — спросил он.

— Великолепно, — ответили сквозь смех несколько девчонок.

«Я бы назвала это по-другому», — подумала Эмма.

— Итак, — сказала Лорин. — У нас к тебе есть один вопрос.

— Океей, — Эмма услышала в его голосе колебание.

— Как бы ты определил свои отношения с Эммой?

На другом конце линии зазвенело молчание. На минуту Эмма подумала, что их разъединили.

— Эм, ты тут? — спросил он, наконец.

— Как я тебе сказала, это лучшее время моей жизни, — ответила Эмма, зная, что он услышит сарказм.

— Ты не устала, тебя не тошнит или ещё что-нибудь, нет?

Она улыбнулась. Если бы он только знал.

— Пока нет, но ночь длинная.

Эмма немного расслабилась, услышав, как прозвучал смех Райли, но Лорин вскоре прокашлялась и восстановила контроль.

— Так, вернёмся к вопросу.

— Ах да, насчёт этого, — сказал он, растягивая слова. — Я пас.

— Не говори мне, что такой парень, как ты, боится одного простого вопроса, — что

было с манипулятивным подходом Лорин?

— Что я могу сказать? — несмотря на расслабленный тон, Эмма услышала в его голосе твёрдость. Даже он не был глупо одурачен попыткой Лорин. — Я никогда не был фанатом игры «Вопрос-ответ».

С хитрой улыбкой, играющей на губах, Лорин хлопнула в ладони, соединив их вместе.

— Мне кажется, что тебе есть, что скрывать.

И на этот раз, когда Райли говорил, твёрдость возобладала.

— Мне нечего скрывать и нечем делиться.

— Окей, тогда как насчёт вопроса легче, — взор Лорин блуждал по девчонкам, сидевшим в кругу, пока не остановился на Эмме. Эмма застыла, зная, что ей не понравится то, что произойдёт дальше. — Ты знал, что Эмма влюблена в тебя?

— Что?! — воскликнули одновременно Райли и Эмма. Вся эта идея была абсурдной. Эмме следовало знать, что Лорин могла пойти на убийство. Она наверняка неделями планировала этот момент.

— Ох, пожалуйста, — сказала Лорин, закатив глаза. — Как будто совсем не очевидно, что она всегда была без ума от тебя. Это грустно. Я имею в виду, как может такой парень, как ты, быть даже другом для такой девчонки, как она? Это мне непонятно, если только, конечно, ты не получаешь от этого что-то вроде, — Лорин сделала эффектную паузу, — выгоды.

Эмме следовало засмеяться. Ей следовало сокрушить всё это обвинение Лорин в дружбе с бонусами и даже не думать об этом, но это были не просто слова. Это была провокация. Единственная причина, по которой Райли опустил бы до дружбы с Эммой — воплощением нищеты, позора и отвращения, — было приятное времяпровождение с ней. Как Лорин могла испортить единственную хорошую и чистую вещь в жизни Эммы?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Тело Эммы напряглось, ладони сжались в кулаки, внутри всё закипело от ненависти.

Однако Райли засмеялся. По крайней мере, он не терял чувство юмора в трудных жизненных ситуациях.

— Мне кажется, что некоторые люди недооценивают настоящую мощь дружбы.

— Дружба, — Лорин засмеялась злобным смехом. — Помогая неудачникам, ты, должно быть, чувствуешь себя довольно хорошим, Райли. Ты не мог выбрать убогого лучше. Эмма настолько жалкая, что ты должен был купить ей баскетбольные кроссовки, чтобы она смогла играть в команде. Она донашивает одежду своих братьев, и у неё рядом нет мамы, которая научила бы её, как быть настоящей девушкой. — Лорин остановилась, её верхняя губа скривилась от отвращения, когда она встретила свирепый взгляд Эммы. — Она самый жалкий человек, которого я когда-либо встречала.

Сотни возражений боролись у Эммы на языке, чтобы кинжалами метнуться в Лорин. Эмма знала, как только они вырвутся — их не сдержать, и она боялась того, что могло произойти, если она потеряет контроль. Обычно она бы не обратила внимания на замечания Лорин, тогда почему на этот раз это было так тяжело? Потому что настолько же, насколько она хотела это отрицать, ей было больно видеть себя глазами другого человека.

Она почувствовала, как девчонки смотрели на неё широко раскрытыми от страха глазами. Даже Райли ничего не ответил.

С трясущимся телом и всё ещё сжатыми руками Эмма заставила себя спокойно произнести слова.

— Мне нужно немного воздуха.

— Эмма? — она услышала в голосе Райли тревогу, но даже он не смог удержать её. Эмма вышла из комнаты в поисках уединения. Если бы она осталась дольше, хотя бы на минуту, она бы не смогла гарантировать безопасность присутствующих.

Сидя на заднем дворике, окружённая темнотой, Эмма изучала звёзды в поисках ответов. Она знала, что ей не следовало приходить на эту дурацкую пижамную вечеринку. Девчонки, как она, не ладили с такими девчонками, как Лорин, сколько бы времени не прошло и сколько бы матчей они не сыграли вместе. Всё, чего Эмма хотела, — это уйти, но она отказывалась дать Лорин удовлетворение. Она посмотрела на бассейн, ухоженный газон и баскетбольное кольцо, чувствуя себя не на месте, как никогда. Каково это — жить в мире, где ты можешь купить всё, что тебе нужно, и у тебя ещё остаётся достаточно денег, чтобы купить то, что ты хочешь?

Она прижала колени к груди и обняла ноги руками. Ничего из того, что сказала Лорин, не было ложью, но, возможно, правда могла причинить большую боль, чем ложь. Эмма попыталась представить, какой была бы её жизнь, если бы мама ещё была с ней рядом. Разве её семья боролась бы каждый день только за выживание? Разве все бы её ненавидели? Разве она была бы больше похожа на себя, а не на девушку? Разве гараж заменял бы ей спальню? Наверное, было лучше не знать ответы на эти вопросы. Возможно, у неё всего этого быть не должно.

Может, она этого не заслужила.

— Эй!

Эмма посмотрела наверх и увидела Эшли. Детка плюхнулась рядом и вручила ей чашку с мороженым, густо покрытым шоколадным соусом, маршмэллоу и арахисом.

— Я так понимаю, десерт не против правил.

— Спасибо, — Эмма грациозно приняла десерт. Бесплатная еда всегда была плюсом.

Они, молча ели каждая свой сандей, глядя на бассейн и слушая пронзительный смех, доносившийся из дома. Пижамная вечеринка, посвящённая годовщине создания команды, ожиданий не оправдала. Никто из веселившихся в доме девчонок не волновался, что двое из участников команды сидели за пределами их небольшой клики; никто не беспокоился, что команда распалась.

— Ты в порядке? — спросила Эшли, нарушив молчание.

— Прекрасно.

Их взгляды встретились и они засмеялись.

— По крайней мере, я теперь знаю, почему ты так сильно нас ненавидишь.

Эмма посмотрела на первокурсницу, её лоб в смущении сморщился. Даже если бы Эмма девяносто девять процентов времени кричала на товарищей по команде и говорила им мобилизовать свои возможности, Эшли по-прежнему бы исключала её крайнее отвращение к женскому населению.

— Кто тебе сказал, что я тебя ненавижу?

Эшли пожала плечами.

— Я видела, как ты играешь с парнями и как с девчонками. Рядом с парнями ты наслаждаешься собой. Среди девчонок ты всегда выглядишь сумасшедшей. Я никогда не видела, чтобы кто-то так сильно хмурился и качал головой.

Парни и девчонки — два абсолютно разных мира. Если бы Эшли или кто-нибудь другой отступили бы на шаг, чтобы взглянуть на девчонок, они бы тоже свирепо смотрели и качали

головой. Эмма вздохнула.

— Не то чтобы я ненавижу команду. Просто у меня нехорошее отношение к девчонкам.

— У тебя нехорошее отношение к девчонкам, — повторила Эшли. Она посмотрела на Эмму, ища подтверждение. — Это самое жалкое извинение, которое я когда-либо слышала.

Эмма не смогла сдержать смех.

— А на что ты надеешься? У меня четыре брата, моя мать покинула меня, когда я была ещё совсем ребёнком, поэтому меня воспитывал отец и все мои друзья — парни. Девчонки просто кажутся мне слишком странными. Кроме того, как бы то ни было, они меня ненавидят.

Эшли покачала головой.

— Они тебя не ненавидят.

— Нет? — Эмма узнавала ненависть. Месяц свирепых взглядов, грубых замечаний и унижительных разборок говорил о полноте ненависти, особенно, конкретного человека. — А как же Лорин?

— Нет, — Эшли воткнула ложку в оставшиеся сгустки мороженого и помешала содержимое чашки. Шоколадный сироп завихрился, как лента, в ванильном мороженом. — Она просто завидует тебе.

Эмма повернула голову к Эшли. У неё не получалось посмотреть на всё с точки зрения зависти. И как могла завидовать девчонка, у которой было всё, девчонке, у которой не было ничего?

Эшли сидела, склонив голову над чашкой и помешивая её содержимое.

— Ну, во-первых, Райли.

— Мы просто друзья, — в энный раз заявила Эмма.

Эшли продолжила, не осознав ответ Эммы:

— Ты самый потрясающий в мире игрок в баскетбол и первый раз в скверной жизни Лорин её кто-то затмил, — это, во-вторых.

— Но это смешно.

— И большинство парней скорее предпочли бы тусоваться с тобой, чем быть с ней, — это факт.

— Но я уже сказала тебе, что мы просто.....

— Друзья? — Эшли закончила за неё, оторвав голову от завитков мороженого и встретила взгляд Эммы.

Эмма медленно кивнула, испытующе глядя Эшли в глаза.

— Вы можете быть просто друзьями, — сказала Эшли, — но любой из этих парней готов умереть за тебя.

Эмма ожидала увидеть у детки на лице намёк на юмор, но ничего не заметила. Она покачала головой, решив не позволить замечанию первокурсницы застать её врасплох. Конечно, она пожертвовала бы чем угодно, чтобы помочь парням, но для них она была лишь баскетбольным приятелем.

— Нет, они бы не сделали этого. Единственная причина, по которой они терпят меня, — потому что я приличный баскетбольный игрок и потому что они находят забавным, что девчонка может победить их на площадке.

Эмма сказала это в шутку, но Эшли не засмеялась. Эмма почувствовала, как улыбка соскользнула с её лица. Глаза Эшли наполнились грустью или симпатией, возможно, смесью того и другого, когда она посмотрела на Эмму. Когда детка говорила, её голос был мягким и

разбитым.

— Ты правда не знаешь, какая ты потрясающая, а?

Во взгляде Эшли было что-то такое, от чего у Эммы перехватило горло и загорелись глаза. Ей хватило секунды, чтобы понять, что от того, как Эшли на неё посмотрела, она почувствовала себя так же, как тогда, когда видела своего отца после ссоры с Лэнсем. Её сердце разрывалось, когда лицо отца падало в ладони, и она страстно хотела его утешить и сказать ему, что он не был самым худшим в мире отцом, но знала, что неважно, что она ему скажет, он всё равно ей не поверит.

Эмма не ответила и Эшли продолжила:

— Иначе, зачем бы баскетбольная команда приходила к тебе за советом? Отчего загорались бы лица парней всякий раз, когда они тебя видят? — Эшли отставила чашку в сторону и повернулась, чтобы взглянуть Эмме прямо в лицо. — Почему Райли смотрел бы на тебя так, словно ты самый красивый, сильный и замечательный человек, которого он когда-либо видел?

Слова Эшли были безошибочно искренны. Детка понимала, что говорила, но почему? Как могла первокурсница так верить в того, кто этого не заслуживал. Эмма выругалась. Её глаза наполняли слёзы, и она была бессильна сдержать одну, которая выбралась на свободу и скользнула вниз по щеке. Отвернувшись, она быстро смахнула её тыльной стороной ладони, надеясь, что детка ничего не заметила.

— Да, хорошо. Но я думаю, что ты не всё обо мне знаешь.

— Возможно, — просто сказала Эшли.

Эмма посмотрела на небо, повелевая своим нелепым слезам отступить и найти себе другую жертву. Слова первокурсницы не должны были оказать на неё такого рода эффект. Будучи первокурсницей, Эшли была слишком мала, наивна, и у неё не было понятия о правде, когда приходилось читать людей. Иначе, она бы видела Эмму под тем же углом зрения, что и другие: бедная, никудышная девчонка, которую все жалеют.

Пока они молчали, Эмма боролась за восстановление контроля над эмоциями. Залаяла собака — две другие ответили. Из дома донёсся вопль девчонки, за которым последовал дружный смех. Слова одной песни подхватил сначала один бас, потом второй. Несмотря на все трудности, Эшли осталась на стороне Эммы. Эмма задалась вопросом: почему? Может быть, потому что она тоже была аутсайдером, отвергнутым другими девчонками в команде. Или, возможно, она знала, когда кто-то нуждался в друге. Какой бы ни была причина, Эмма поняла: не так уж ужасно — иметь первокурсницу рядом. Для девчонки Эшли была не так уж плоха.

Эшли заметила, что Эмма на неё пристально смотрит и соблазнительная улыбка заиграла на её губах.

— Учитывая, что размер тела неважен, держу пари — я могла бы победить тебя в «Wiibasketball».

Мысль первокурсницы победить в чём-то Эмму была невозможной, особенно, когда речь шла о чём-то, связанном с баскетболом.

— Нет шансов.

— Готова поспорить? — Эшли протянула руку, чтобы закрепить сделку. — Если я выиграю, ты научишь меня одному из твоих причудливых движений, неважно насколько трудным тебе это покажется. Если ты выиграешь, ты получишь от меня выходной.

— Готова, — Эмма потрясла Эшли за руку, хотя часть её хотела пересмотреть условия

договора. Может, ей не хотелось получить от первокурсницы выходной.

Они встали, чтобы вернуться в дом, к удушливой атмосфере, неотделимой от богачей, но не к игре.

Тёмная фигура в капюшоне шагнула на крыльцо, встав напротив Эммы и Эшли, обвила рукой талию Эммы, зажав ей рот, чтобы помешать закричать. У Эшли, которая стояла рядом, против нападавшего не было ни единого шанса. Парень подобрал её, как газету, спрятал под мышку и зажал рукой рот. Эмма увидела в глазах Эшли страх и поняла, что должна защитить детку от любой беды. Она попыталась высвободиться от державших её рук, но они только сильнее сжали её.

— Для девчонки, которой нужно вырваться, ты, конечно, должна оказать сопротивление, — сказал ей в ухо натянутый голос.

Райли. Ей следовало знать. Её тело расслабилось в его руках, и он убрал ладонь от её рта.

Она развернулась, пока он стягивал с лица маску с игривой ухмылкой на лице.

— Ты всегда должен доходить до крайностей? — спросила она.

Эмма дотянулась, сорвала маску с парня, напавшего на Эшли, и узнала Тома. Джерри прыгнул с крыльца и присоединился к ним.

— Похоже, что мне нужно было явиться на вечеринку без приглашения, так что я последовал приказам и принёс сюда свою задницу, — Райли кивнул парням.

Эмма вопросительно приподняла брови. Только дай Райли повод принять её приказы всерьёз и действовать по ним.

— Кот и мышь? Ха!

Райли пожал плечами.

— Они были единственными неудачниками, свободными в пятницу вечером.

Эмма засмеялась.

— Ясно.

— Эй, — Том поставил Эшли на землю и выполнил свободный бросок через спину захватом руки и шеи Эммы. — У нас были планы, большие планы, но когда братану нужны наши задницы, — Том и Джерри стукнулись кулаками, — планы меняются.

Неважно через что девчонки заставляли её пройти, Эмма всегда могла рассчитывать на парней. Почему братство заключалось в преданности и доверии, а сестринские отношения в ударах ножом в спину и предательстве?

— Итак, какой план? — Джерри потёр ладони. Его расширенные зрачки перескакивали с Райли на Эмму, выражая готовность к выполнению миссии.

— Да, — сказал Том, протягивая руку вокруг её шеи. — Мы спасаем тебя и берём малышку в заложники?

Эшли захохотала. Ей, наверное, даже понравилось бы быть у них в заложниках.

Джерри сжал одну ладонь в кулак и ударил им по второй.

— Или, специально для тебя, мы можем принять вызов целой группы чванливых девчонок и научить их уважать великолепную Эмму Врангтон.

Он может действовать жёстко, но если ситуация обострится и девчонки атакуют, Джерри первый потерпит поражение. Эмма хотела напомнить ему о его ограниченной смелости, но девчачий голос прервал их короткую встречу.

— Привет, парни!

Компания повернулась на звук голоса Лорин и увидела остальных девчонок, вставших

клином за лидером, вытянув шею, чтобы получить наилучший обзор незваных гостей мужского пола.

— Привет, леди! — Том отпустил Эмму и поправил рубашку, больше не интересуясь захватом заложников. Предатель.

Том перевёл взгляд от девчонок на мяч, лежавший у основания кольца на баскетбольной площадке на заднем дворе и его рот исказился в хитрой улыбке.

— Леди, как насчёт дружеского состязания?

За две секунды Мэдисон и Пэйтон спрыгнули с крыльца и присоединились к Тому под корзиной. Говоря о мотивации, Эмма подумала, что эти две девчонки постараются лучше сдержать своё отчаяние из-за недостатка мужского внимания хотя бы ради своей репутации. Представьте, нет.

Том повернулся к Райли, раскинув руки, словно ему был подвластен весь мир.

— Вы двое, у вас есть столько времени, сколько вам нужно. Леди ждут.

Том снова переключил внимание на девчонок и потащил Джерри с собой, оставляя Райли и Эмму одних. Райли схватил Эмму за руку и повёл прочь от суматохи. Они сели потурецки напротив бассейна, наблюдая, как Том и Джерри играют с девчонками, двое против пяти.

Райли посмотрел на неё краем глаза.

— Ты в порядке?

Прямо посреди одной из худших ночей в её жизни Райли хотел знать в порядке ли она? Она вздохнула.

— У меня всё хорошо.

— Не лги мне, — он подтолкнул её плечом. — Если бы у тебя всё было хорошо, ты бы не сдвигала брови, будто пытаешься уплотнить в голове мысли, чтобы они не были такими обременительными.

Он изучал её профиль, пока она смотрела, как её пальцы играли со шнурком, свободно свисающим с её толстовки.

— Не позволяй тому, что говорит Лорин, задеть тебя. Девчонка не в себе.

Она сидела, наклонив голову, не в силах ни посмотреть на него, ни ответить. Довольно плохо, что он слышал слова Лорин по телефону, но сейчас, когда он был собственной персоной здесь, её смущение росло.

— Эм, — он потянулся и взял её за руку, отвлекая внимание от шнурка.

— Поговори со мной.

Она глубоко вздохнула и медленно выдохнула, понимая, что рано или поздно он вытянул бы из неё слова. Она всегда могла говорить с ним обо всём. Он знал об опустошённости, настигшей её, когда мама её покинула. Знал, как её тело тряслось после того, как она становилась свидетелем ссоры между отцом и братьями; как она доверяла ему, когда её собственные силы ослабевали. Он знал о ней всё, но даже он не осознавал всю глубину страхов, особенно, когда они были связаны с ним. Страхи, которые она держала внутри, потому что слишком сильно боялась, что они станут реальностью. Но, возможно, сейчас было время рассказать ему о них.

Не оправившись полностью от беседы с Эшли, Эмма закрыла глаза, надеясь, что на них не выступят слёзы.

— Может, Лорин права? — прошептала она.

— В чём?

— Такой парень, как ты, не может дружить с такой девчонкой, как я.

Она не могла удержаться, чтобы не посмотреть на его реакцию.

— Нет, — ответил он без колебаний. Его пристальный взгляд был уверенным и решительным.

Эмма хотела быть такой же уверенной. Хотела, чтобы сомнения и страхи, которые она ощущала, рассеялись. Хотела просто верить в их дружбу.

— Но что если она права? Мне нечего тебе предложить. Всё, что я собой представляю — это огромное бремя. Ты должен быть другом для людей, которые могут сами за себя платить в дешёвой городской закусочной и которые не надеются, что ты их подвезёшь. Для людей, которых ты не чувствовал бы себя обязанным постоянно защищать, — слова извергались потоком из её рта и она не могла остановиться. — Я не знаю, почему ты все эти годы оставался моим другом и невозможно подобрать слова, которые могли бы выразить, как я тебе благодарна, но я не могу не думать, что тебе было бы без меня лучше.

Что с ней было не так? Она без всяких сомнений могла обвинить девчонок во всей их льющейся потоком болтовне. Они всегда испытывали желание выразить свои чувства. Они были рабами своих иррациональных эмоций. Жалобы, нытьё, пронзительные возгласы, звучавшие, как пальцы, скребущие по классной доске или как рычание загнанной кошки. Смешное поведение могло быть заразным.

Он сжал её руку.

— А что если у меня другой взгляд на вещи? Что если мне нравится всё, что есть между нами?

Спокойствие в его голосе уравнивало её тревогу.

— И потом, я бы сказал, что ты впустую тратишь время.

Райли наклонил голову, чтобы спрятать улыбку.

— Почему ты не позволяешь позаботиться об этом мне?

Она открыла рот, чтобы ответить, но он поднёс палец к её губам, призывая помолчать.

— Я понимаю всё, что ты говоришь, Эм, но я никуда не уйду. Хорошо это или плохо, мы приклеены друг к другу, — на его лице возникла забавная улыбка. — Кроме того, учитывая, что ты влюблена в меня, ты правда хочешь, чтобы я оставил тебя одну?

Она застонала, закрыв лицо руками. Слова Лорин отдавались в её мыслях слишком отчётливым эхом.

— Я не влюблена в тебя.

— Разумеется, влюблена, — сказал он в стиле Тома, откинувшись назад, опершись на руки и вытянув ноги. — Я симпатичный парень.

Исходивший из бассейна свет придавал его коже молочно-белый оттенок и бросал тени на неподходящие места, не позволяя прочитать выражение на его лице. Она не могла понять: шутил он или нет.

Он подмигнул ей.

— Не беспокойся, чувства взаимны.

Она засмеялась и оттолкнула его. Только дай Райли повод подразнить её в такое время, как сейчас.

Пронзительный визг с баскетбольной площадки оторвал её внимание от Райли. Кристи и Стеф попытались перехватить у Тома мяч, но даже он оказался лучшим разыгрывающим игроком, чем они. Эмма сделала гримасу, увидев, что девчонки жалким образом вели с ним нечестную игру. Неужели они ничему не научились за прошлый месяц?

— Уф! Они доводят меня до безумия!

— Эй, — сказал Райли. — Забудь о них. Всё, что ты должна сделать, — выдержать ночь, и ты свободна. Ты будешь иметь с ними дело только на тренировке. Что такое одна ночь?

Она встретила его взгляд. Веря ему. Доверяя ему. Но даже Райли не мог предсказать будущее. Его утверждение оказалось только скверными словами парня, который не имел понятия, какое воздействие может оказать одна пижамная вечеринка со всеми присутствующими на ней девчонками.

* * *

Эмма не выспалась. Учитывая, что она была брошена на произвол семи девчонок, умело саботирующих пижамную вечеринку, мысль заснуть преследовала её, но она провела большую часть ночи, глаза в потолок, слушая глубокое дыхание девчонок возле неё и ожидая, когда солнце поднимется над горизонтом и прольёт свет на новый день. Когда это случилось, она упаковала свои вещи и побежала в парк, таща за собой первокурсницу.

Лекарством от безумия "после-девчачьей-пижамной-вечеринки" было несколько часов, проведённых с парнями, расслабляясь и выполняя броски в кольцо. Райли. Джерри. Сай. Карсон. Алекс. Бен. Даже Том. Не было зрелища более освежающего, чем парни на баскетбольной площадке. Никаких девчонок — за исключением Эшли — не допускалось. Эмма выдохнула, наполовину убеждённая, что прошлая ночь была просто кошмарным сном. Но потом она увидела, как Джерри кивнул Тому, Том, как идиот, улыбнулся Карсону, Карсон промахнулся, выполняя самый лёгкий бросок в мире, из-за которого Сай перестал разговаривать и уставился на место позади Эммы. Что-то пошло не так. Эмма медленно повернулась.

Нет! Этого не могло произойти. Никакие девчонки, — особенно, те — не собирались вторгаться в её субботнюю баскетбольную игру с парнями. Эмма потопала через поле, где стояли четыре девчонки с команды.

— Что вы здесь делаете? — спросила она.

Мэдисон подняла вверх руку, объявляя мир.

— Расслабься, Эмма. Мы здесь, чтобы просто посмотреть.

Эмму это не волновало. Именно сейчас она не хотела находиться где-то рядом с девчонками. Одна ночь — было уже достаточно плохо.

— Извините, но эта игра не для зрителей, — у Эммы сузились глаза. — Никаких зевак.

— Это свободная страна и общественный парк, — Кристи села на одно из мест на трибунах, афишируя своё нежелание уходить. — Мы можем делать всё, что захотим.

— В чём дело, бедный ребёнок? — Лорин с напыщенным видом прошла за Эммой и села рядом с Кристи. — Боишься небольшого... соревнования?

Мэдисон положила руку на плечо Эммы, остановив её прежде, чем та успела шагнуть вперёд и вклеить пощёчину, стерев ухмылку с лица Лорин.

— Лорин, перестань, — в голосе Мэдисон прозвучало пронзительное нытьё. Предостерегающего взгляда, брошенного на Лорин, было достаточно, чтобы заставить молчать даже Эмму. Что произошло за последний час после того, как Эмма покинула пижамную вечеринку? Мэдисон раньше никогда не противостояла Лорин, так почему она

делала это сейчас?

Мэдисон переключила внимание на Эмму:

— Мы здесь, чтобы просто посмотреть. Мы обещаем не вмешиваться.

Да, конечно. Само наличие их присутствия было вмешательством, особенно, когда Эмма так отчаянно нуждалась во времени, проведённом с парнями. Девчонки провели вместе последние восемнадцать часов. Разве пауза хотя бы в сорок восемь часов была не гарантирована, чтобы психика Эммы осталась целой и невредимой?

Потом всё встало на свои места. Эмма сделала шаг назад, чтобы испытующе посмотреть на стоявших перед ней девчонок.

— Это всё из-за того, что я сказала на этой дурацкой пижамной вечеринке, не так ли? — она покачала головой и засмеялась. — Вы, честное слово, думаете, что парни собираются о чём-нибудь здесь разговаривать со всеми вами?

Девчонки обменялись взглядами и пару раз пожали плечами. Невероятно!

— Они будут слишком заняты, рисуясь перед вами своей игрой в баскетбол. Не говоря уже о том, чтобы раскрыть ваши сокровенные секреты, — Эмма попыталась представить всё это в перспективе для них, попыталась заставить их уйти, но они стояли на земле, глаза на неё.

— Слушай, если пострелёнку можно смотреть, — Лорин сделала движение в сторону Эшли, — значит, и мы можем.

Эти четыре девчонки так жаждали привлечь внимание мужского населения?

— Извините, вы опоздали.

Эмма повернулась на звук другого девчачьего голоса и увидела Пэйтон и Стеф, присоединившихся к толпе. Она покачала головой. Её зубы были сжаты настолько сильно, что она не могла говорить.

— Эй, Эм, — сказал Том, шагнув и встав рядом с ней. Он положил руку ей на плечо. — Твои подружки пришли поиграть?

Эмма увидела, как Том послал одну из своих мимолётных я-слишком-сексапильный-чтобы-сопротивляться улыбок и девчонки засмеялись, словно были действительно им польщены. Омерзительно.

— Нет, — холодно сказала Эмма, свирепо глядя на своих товарищей по команде. — Они как раз собираются уходить.

Она убрала руку Тома и развернулась, чтобы присоединиться к ребятам на поле, закончив с девчонками беседу и не дав им времени оспорить её решение. Что если они ненавидели её ещё больше? Она отказывалась позволить своим двум мирам столкнуться.

Сосредоточенная на гневе, разливающимся по телу, Эмма чуть не налетела на Шайло, которая появилась из ниоткуда, преградив ей дорогу.

— Что? — твякнула Эмма.

Шайло, не задетая вспышкой Эммы, глянула через её плечо на остальных девчонок, словно всё, что ей было нужно, — это время. Она вздёрнула бровь и подняла бедро, встав в позу, показывающую, что у неё была плохая идея.

— Знаешь, если мы планируем победить Эвергрин, возможно, позволить нам остаться и посмотреть — неплохая идея, — она пожала плечами. — Кто знает? Мы можем кое-чему поучиться у тебя и твоих друзей.

Серьёзно? Эмма выразилась недостаточно ясно?

— Думаю, нет.

Эмма повернулась, чтобы уйти, но Шайло схватила её за руку, помешав ей.

— Эмма, подожди.

Вся манера поведения Шайло изменилась. Её уверенность улетучилась. Наклонив голову, она прокашлялась, словно пытаясь набраться храбрости.

— Всё, что я на самом деле собиралась сказать, — это... прости. За всё, что случилось прошлой ночью. Лорин перегибала палку, разговаривая о тебе и Райли.

Окей, это было... другое дело. Эмма не знала, что сказать. Её глаза сузились, глядя на Шайло. Она пыталась понять мотивы девушки. Эмма ждала подвоха, чего-то указывающего на то, что она подвергнется ещё большему унижению, но не заметила ничего подозрительного.

— Мне нужно было что-то сказать или сделать, — Шайло подняла на Эмму глаза. — Ты не заслужила этого.

В отличие от большинства девушек Шайло не занималась пустой болтовнёй, чтобы доказать своё мнение или отстоять действия. Она сказала то, что должна была сказать, и затем предоставила Эмме право ответить. Эмме в ней это понравилось, но она всё ещё не могла понять: почему за прошедшие пять минут две девчонки освободились от авторитета Лорин, чтобы, в действительности, перейти на её сторону. Неужели нелепая пижамная вечеринка имела такое большое значение?

— Не беспокойся об этом, — пробормотала Эмма.

— Так всё хорошо? — Шайло пихнула её кулаком в бок, предлагая мир.

Эмма вздохнула, и они стукнулись костяшками пальцев. Последнее, чего она хотела, — это ещё больше драмы.

— Да, всё хорошо, — что ещё она могла сказать?

Как бы сильно Эмма ни хотела, чтобы девчонки не вторгались в её с ребятами субботнее утро, она смягчилась, когда Шайло подарила ей искреннюю улыбку. Она посмотрела на товарищю по команде, затем снова на Шайло, прикусила язык и покачала головой, понимая, что пожалеет об этом.

— Я полагаю, что вы все можете остаться.

У Шайло расширились глаза от удивления и надежды.

Эмма шагнула ближе, показывая на Шайло пальцем, чтобы девушка приняла её слова всерьёз.

— Только убедись, что они не сделают глупостей и держи их подальше от меня. Один бойкот — и вы все уйдёте вон.

Шайло улыбнулась и стукнула Эмму кулаком по плечу.

— Понятно.

Всё только чтобы примириться с ними на тренировке. Шайло побежала, чтобы сообщить девчонкам хорошие новости, а Эмма пошла за Райли.

Он стоял в паре метров от неё, наблюдая за ситуацией.

— Похоже, что у тебя есть фанатки, — сказал он, уставившись через её плечо на непрошенных гостей.

— Не начинай.

Райли засмеялся.

— Наступит время, когда мои оба мира не столкнутся? — спросила она. Парни были парнями, только когда девчонок не было рядом. Она вытерпела пять дней с девчонками. Всё, чего она хотела, — это немного побыть с парнями. Один день. Разве это плохо?

Девчонки разбросались по алюминиевым сиденьям трибун, и Эмма заставила себя отвести взгляд прежде, чем тошнота её пересилила. Почему девчонки всегда всё рушили?

Как такая дисфункциональная команда, как Брэдшоу, могла удерживать беспроектную серию — для большинства людей было тайной. Новости распространялись, как пожар, после каждой из их побед. Они не были лучшими в лиге — этот титул по-прежнему принадлежал Эвергрин, — но они были известны как команда, которую непросто победить. Некоторые называли это удачей, некоторые говорили, что не хватало конкуренции, но для девчонок из Брэдшоу, которые прошли череду проигрышей, победить значило победить. После проигрыша команде Эвергрин команда Брэдшоу прекратила оправдываться и стала действительно хороша. Школа не могла поверить, что девчачья баскетбольная команда на самом деле выиграла игру, а тем более пять подряд. Толпа росла с каждым матчем, люди хотели непосредственно стать свидетелями их успеха и удостовериться, что слух не был вымыслом.

Учителя оставляли Эмму после уроков, чтобы поговорить о последней игре, о стратегии, о целях на сезон, о том, верить в них или нет, и как тренировка вдруг стала частью её полномочий. Дети, которые в основном игнорировали её семнадцать лет, вдруг выучили её имя, кивали ей и хлопали по спине, как друзья, чтобы поздравить с последней победой. От всего этого Эмма впала в бредовое состояние, особенно, когда во время собрания это выросло в стадию широкого признания всей школой.

Единственное, что было хорошего в школьных собраниях, — это короткие уроки. Если студент не был пропитан школьным духом и не обладал популярностью, школьные собрания для него не представляли никакой важности. Эмма обычно садилась на трибунах возле Райли и парней среди тысячи лиц. В действительности во время собрания она никогда не была в центре внимания, когда все глаза смотрели только на неё.

Эмма ненавидела толпу, особенно, пропитанную школьным духом. Теперь она стояла в спортзале вместе с остальными членами команды под пристальным вниманием всей школы, не будучи невидимой. Джерри, известный как президент школьного совета, взбудоражил толпу статистическими данными об их победном сезоне. Остальные члены команды, окружавшие Эмму, улыбались и махали друзьям на трибунах. Всё это было частью плана — причина, по которой она согласилась присоединиться к своим товарищам по команде, находившимся под светом софитов. Махать и улыбаться минутку или две, давая людям повод разразиться аплодисментами, а потом уйти со сцены. Время истекало.

Не успела она посмотреть на ближайший к ней выход, как услышала, что Джерри произнёс её имя — прямо в микрофон. Толпа аплодировала, и она съёжилась. Это не было частью плана.

— Каково это — чувствовать себя частью победившей команды? — Джерри сунул микрофон ей в лицо. Всё, что она могла сделать, — это снова в изумлении на него посмотреть, чувствуя на себе тысячу пар горящих глаз. Джерри знал, что она не была готова к этому. Он обещал не выделять её. Обещал, что она будет просто махать и улыбаться.

— Ты сказал мне, что я не должна буду ничего говорить, — хотя она тихо произнесла это Джерри, её слова попали в микрофон, и их услышала вся школа.

Джерри и все засмеялись. Великолепно.

— Мне кажется, что наш звёздный игрок немного боится сцены, — Джерри сказал в микрофон, адресуя слова всем присутствующим и давая им снова повод над ней

посмеяться. — Эмма Врангтон, — сказал он громко и чётко с большущей улыбкой на лице. — Скажи нам, каково это — быть суперзвездой?

Вокруг неё изрыгались крики. Всё это тоже не было частью плана. Эмма покачала головой. Её глаза сузились. Она надеялась, что Джерри поймёт намёк и закончит. Нет, он только улыбался ей и снова подставлял к лицу микрофон.

— Я не суперзвезда, — пробубнила она в микрофон, сгорая от унижения.

Лорин шагнула, встав рядом с ней, без колебаний схватила микрофон и закинула руку ей на плечи, словно они были подругами на всю жизнь. Это было неправдой, и их отношения даже не развивались в этом направлении.

— Я думаю, что наш бесстрашный капитан пытается сказать, — произнесла Лорин, сжимая плечо Эммы, — что мы команда. Мы выигрываем и проигрываем вместе и в пятницу собираемся победить!

Её речь закончилась раскатным шумом с трибун. Неужели крикнуть в микрофон несколько слов было достаточно, чтобы заставить тысячу студентов старшей школы вести себя, как фанаты на рок-концерте? Это не имело значения. Эмма была благодарна за то, что смогла, наконец, уйти со сцены и спрятаться в тени, пока собрание подходило к концу.

Как только они оказались в безопасности от всеобщего внимания, Эмма медленно подошла к Лорин. Как бы сильно она ни ненавидела мысль о приближении к своему заклятому врагу, она знала, что должна сказать ей спасибо. Глубоко вздохнув, она хлопнула Лорин по плечу.

— Спасибо, что спасла меня.

Лорин сердито посмотрела на неё.

— Кто-то должен был это сделать. Ты выставила всех нас в плохом свете, капитан, — она презрительно выплюнула последнее слово.

Когда студенты потоками направились к выходам, Лорин протаранила её плечом и исчезла в толпе. Как Лорин могла включать и выключать эмоции на глазах у публики, Эмма не представляла. Должно быть, девчачий секрет.

Эмма смотрела, как дети, разговаривая и смеясь, покидали спортивный зал. Лишь некоторые из них приветствовали её и кивали головой. Она игнорировала их, понимая, что они ценили не её, а надежду на победу.

Чьи-то руки сдавили ей плечи.

— Хорошая работа, Эм, — сказал Джерри, даже не пытаясь сдержать смех. — Ты правда не лезешь за словом в карман.

Она развернулась и ударила его кулаком.

Он потёр руку, пытаясь снискать расположение, сморщив от боли лицо. Не сработало.

— Спасибо за то, что подставил меня, — прорычала она. — Что это было? Ты знаешь, что я не умею говорить перед людьми.

— Теперь ты знаменитость, — сказал он, как будто это всё объясняло. — Лучше свыкнись с этой мыслью.

Никакой жалости! Не в силах больше выдержать ни секунды этой чепухи о суперзвезде, она прижала его к стене, сверля пылающим взглядом. Джерри был парнем, которого — она знала — могла одолеть в мгновение ока. Он стоял на пару сантиметров выше её, но мускулы ему изменяли. Кроме того, он не испытывал влечения ударить парня, тем более девчонку. Она никогда не ударила бы его нарочно, но ему не требовалось это знать.

— Послушай, Джерри, я ценю твою поддержку и всё такое, но я не суперзвезда. Я

просто баскетбольный игрок. Так что если ты не хочешь объяснять миру, как тебе поставила синяк под глазом девчонка, тебе лучше прекратить со всей этой ахинеей о суперзвезде, ты понял?

Наверное, она ждала, что он заставит её подавить ярость и охотно согласится назвать это расплатой за то, что подставил её под всеобщее внимание. Но она не ожидала, что он будет, как идиот, улыбаться и вести себя, словно её угрозы были бессильны.

— Это моя суперзвезда, — сказал подошедший к ней сзади Райли, обвив руками её талию прежде, чем она успела выразить протест. Он поднял её с пола, закружил по кругу и опустил на безопасном расстоянии от Джерри. Когда она развернулась к ним лицом, Райли и Джерри одинаково ухмыльнулись. Они не понимали, что это было совсем не весело?

Райли положил руку ей на талию, без сомнения, собираясь сказать, чтобы она расслабилась, но Эмма оттолкнула его.

— Нет.

Райли вместе со всеми наслаждался каждой секундой её унижения, когда она запиналась, как идиотка, перед всей школой. И люди удивлялись, почему она ненавидела всё в школьном спорте? Она не хотела специального обращения, не хотела признания на школьных собраниях, не хотела, чтобы её друзья вели себя с ней иначе. Она только хотела непрерываемых баскетбольных игр по субботам с парнями и приятного, дружеского времяпровождения наедине с Райли, пока он не упаковал чемодан в колледж и не оставил её позади. Разве она просила слишком много?

Да. Да, вот так. Но если бы она знала, к какому результату приведёт её желание, она никогда бы ничего не просила.

* * *

Райли держал Эмму за руку, ведя её вниз по тропинке к водам Пьюджет-Саунд. Под нависшими ветвями деревьев ночь казалась темнее, чем обычно. Над головой парили облака, заслоняя луну и угрожая дождём. Эмма любила ночной дождь. Она любила сидеть с Райли у воды, слушая, как капли дождя разбиваются об утёс, и делаясь историями о жизни, которая наступит, когда они повзрослеют. Теперь, когда до выпускного вечера осталось меньше семи месяцев, переход от детства к взрослой жизни прошёл слишком быстро, чтобы его оценить. Сегодня она получала удовольствие, слушая, как грязь хлюпает у них под ногами, и обмениваясь с Райли «если» и «может быть», применительным к их будущему. Райли был в настроении поболтать.

— Эм? — произнёс он мягко и осторожно. — Ты когда-нибудь думала... о нас?

В темноте Эмма могла различить только его тёмный силуэт, пока он шёл рядом с ней, сжимая в руке её руку. Она не могла видеть его лицо и не знала, какой ответ он хотел услышать. Напрягшись и думая об ограниченности времени и неизбежности перемен, она почувствовала на себе вес вопроса и споткнулась о корень дерева, которые она обычно избегала. Каким-то образом Райли её поймал, не дав упасть на землю лицом.

Он прижал её к себе.

— Ты в порядке?

— Да.

Облако сместилось, пролив лунный свет на ветви деревьев и осветив лицо Райли. Она посмотрела в его глаза, глаза единственного человека, который на самом деле её знал, и ощутила боль в сердце. Сколько раз они ещё будут выбираться из дома, чтобы погулять на пляже и посидеть на любимом местечке у леса, прибитого к берегу? Сколько раз он, держа за руку, будет вести её сквозь темноту? Только так измерялся год. Во многих отношениях баскетбольный сезон пролетел, что означало, что конец учебного года не за горами. А что потом?

Она наклонила голову, чтобы он не мог видеть её лицо.

— Да, я думаю о нас, — сказала она. — Я думаю, что в следующем году ты уедешь в колледж навстречу великому будущему меня.

Он направил рукой её лицо к своему.

— Ждёт большое будущее рядом со мной.

Она слабо улыбнулась, выскользнула из его объятий и пошла дальше по тропе. Он шёл с ней в ногу, снова взяв её за руку.

Ветви деревьев вытягивались, провожая их на пляж. Она посмотрела на воду. Под спокойной поверхностью кружились маленькие водовороты, переплетались течения, беспощадно разнося обломки в разных направлениях. Так же в конце учебного года её и Райли разлучит жизнь.

— Райли, я знаю, что ты желаешь мне только лучшего, но никто в моей семье никогда не поступал в колледж. Моих братьев едва не выперли из старшей школы, а моя мать бросила школу, учась в выпускном классе. Мой отец работает на двух работах, чтобы содержать семью, и этого ещё не достаточно. Основываясь на этом, шансов на колледж у меня практически нет.

— Не говори так, — сказал он твёрдо, отпустив её руку и разворачивая её к себе лицом, — ты даже не пыталась, — он испустил глубокий вздох. — Эм, на тебе нет ярлыка, обязывающего прожить жизнь, которую выбрали для себя сами члены твоей семьи. Ты достойна лучшего. Ты заслуживаешь поступить в колледж и быть счастливой так же, как я или кто-то другой.

— Почему? — крикнула она. — Потому что так хочешь ты? — она никогда не была одной из тех людей, которые после выпускного собирали вещи и отправлялись навстречу новому приключению; она была зажатой. — Прости, Райли, но в жизни так не бывает. В следующем году ты будешь в каком-нибудь модном колледже в окружении новых людей и новых возможностей, а я просто... не знаю, как смогу вписаться во всё это.

Его взгляд смягчился.

— Послушай, Эм, — он положил руки на её бедра и прижал ближе к себе. — Ты мой лучший друг, так будет всегда. Меня не волнует, будешь ли ты настолько бедной, чтобы жить в картонной коробке, провалишь ли ты выпускные экзамены или тысячи миль попытаются нас разлучить. Я всегда буду любить тебя так же, как сейчас.

Слово на букву «л» ввело её в замешательство. В горле у неё перехватило дыхание. Она не могла вспомнить, чтобы кто-то когда-либо ей говорил, что она любима. Ни мать, ни отец и, конечно, ни братья.

Любовь.

Эмма не могла определить её. Ведь её мать сбежала посреди ночи, и о ней не было ни слуху, ни духу. Её отец не был способен установить с ней зрительный контакт, а её братьев было коллективное чувство, что ей следовало исчезнуть и никогда не возвращаться. Что

вообще означало слово «любовь». Но потом она увидела стоявшего напротив неё Райли и подумала обо всех моментах, когда он клал свою надёжную руку ей на плечи, приносил еду, зная, что она не поела, и поддерживал её каждую секунду с того дня, как они встретились.

Эмма ждала, что он возьмёт своё слово обратно и признает, что допустил ошибку, сказав это, но он этого не сделал. Она попыталась отвести взгляд и оборвать связь между ними, но не могла.

Он потянулся, чтобы убрать прядь волос с её лица. Его пальцы задержались на её щеке дольше, чем это было необходимо.

— Если ты не веришь тому, что я говорю, — прошептал он, — поверь этому.

Он наклонился и прижал свои губы к её губам.

Ей, наверное, не следовало целовать его в ответ. Или, наверное, даже так. Ей следовало не целовать его в ответ. Они были друзьями. Лучшими друзьями. Друзьями, не целующими друг друга! Но, может быть, Эшли была права? Может, у Эммы не было иммунитета от любви, особенно, если дело касалось Райли? Этого она боялась больше всего.

После того, как их губы встретились, прежде чем бессвязная мысль окончательно вбила её в голову, Эмма оттолкнула его и подалась назад. Камни захрустели у неё под ногами.

Райли потянулся к ней:

— Эм.

Она подняла руки, призывая его держаться на расстоянии. Чем больше оно было, тем лучше.

— Мне нужно идти.

— Эмма, не уходи, — взмолился он, — пожалуйста.

Только боль, которую она услышала в последнем слове, помешала Эмме убежать в ночь и найти утешение среди теней.

— Прости, — сказал он. — Я просто подумал.

Он остановился, словно надеясь, что всё автоматически станет понятным.

— Ты просто подумал что? — задыхаясь, она отступила назад. — Ты и я, мы оба знаем, что между нами ничего не выйдет.

— Ничего не выйдет?

— Да.

— Откуда? — его глаза изучали её лицо. — Откуда мы знаем? Я не вижу причины, почему у нас ничего не получится. Мы были лучшими друзьями с четвёртого класса, и ты всегда была единственной для меня.

Она покачала головой, отказываясь в данный момент быть вовлечённой во всё это. Она не хотела ни удерживать его, ни погружать в жизнь, которую он не должен был прожить. Вокруг было столько других девчонок. Столько других девчонок лучше, чем она. Почему он этого не замечал?

Он воспользовался её нерешительностью, чтобы одолеть расстояние между ними, и дотронулся ладонями до её щёк, обращая на себя её взгляд.

— Скажи мне, разве ты не испытываешь ко мне тех же чувств, что я к тебе?

Она попыталась сформулировать мысль и открыла рот, чтобы ответить, но не могла солгать ему. Ни сейчас. Ни потом. Желание быть рядом с ним, страх потерять его, бабочки, порхающие в животе всякий раз, когда он дотрагивался до неё. Рядом с ним она чувствовала себя в безопасности, счастливой... любимой. Может быть, её чувства к нему были не просто

дружбой?

Она не ответила, и на его лице появилась улыбка облегчения.

— Так я и думал.

Она была не в силах ни солгать, ни точно объяснить всё, что чувствовала к нему, но это не означало, что между ними что-то изменилось.

— Мы не можем, — прошептала она.

— Почему?

— Потому что ты заслуживаешь лучшего.

— Лучшего?

Она подняла на него глаза. Её взор затуманили слёзы.

— Да, девушку лучше, чем я.

Эмма взбиралась вверх по тропинке, время от времени падая в спешке, но каждый раз поднимаясь, чтобы продолжить свой путь. Она слышала, как Райли звал её по имени и бежал за ней, но не оборачивалась назад. С её преимуществом ему было трудно догнать её прежде, чем она доберётся до дома. Ветки хлестали её по лицу, корни деревьев и грязь пытались заставить её споткнуться, но она не снижала скорость. Она летела вперёд, пробивая себе путь назад к безопасности.

По тропинке Эмма добралась до улицы и, вырвавшись из грязи и корней, теперь, когда никакие препятствия не стояли у неё на пути, стала двигать руками и ногами быстрее. Капли дождя падали с неба и разбивались о её лицо, смешиваясь со слезами, скользившими по щекам. Её ступни шлёпали по мостовой, грудь горела, подавляя всхлипы, но она по-прежнему бежала. Бежала до тех пор, пока гравий подъездной дороги не захрустел у неё под ногами. До тех пор, пока её не окутали тени, окружавшие дом.

Эмма, споткнувшись о порог, влетела в гараж-косая-черта-спальня, захлопнула за собой входную дверь и прислонилась к ней, пытаясь восстановить дыхание. «Этого не произошло», — подумала она. Её глаза лихорадочно осматривали гараж. Она не знала, в поисках чего. Может быть, места, куда можно было спрятаться, или знака, показывающего, что делать дальше. Это был лишь вопрос времени, когда Райли ворвётся в дверь, чтобы её найти. Она не знала ответов на кучу вопросов, но точно знала, что была не готова вновь оказаться с ним лицом к лицу.

Она схватила одеяло и подушку с кровати и, в первый раз за пять лет, пробралась в дом, чтобы спать на тахте, зная, что Райли не последует за ней внутрь. Остальные члены семьи спали или, по крайней мере, закрыли на ночь двери в свои спальни, так что ей не нужно было формулировать причину своих действий. Она вытянулась на тахте и взглянула на тёмный потолок. Её пульс зашкаливал.

Райли поцеловал её.

Она поцеловала его в ответ!

Эмма закрыла лицо руками, пытаясь упорядочить мысли, но ничего не вышло. Она видела, как его лицо наклонялось всё ближе и ближе, чувствовала его губы на своих губах. И что теперь? Они не могли просто взять и вернуться к тому, что было вчера. Поцелуй был серьёзной брешью в их дружеских отношениях.

Было бы не так плохо, если бы они поцеловались и осознали, что между ними ничего не было. Но Эмма и без других понимала, что в их поцелуе было слишком много того, что невозможно забыть.

Эмма отказывалась позволить её векам сомкнуться. Утро наступит достаточно скоро, и ей не нужно было ускорять этот процесс сном. Она не знала, что принесёт ей завтрашний день. Если вообще хотела знать. Никакое из произошедших в этом году событий не было запланировано. В её жизни ничто не шло по плану. Райли был её другом. Он не должен был целовать её и пускать её жизнь под откос. Особенно сейчас, когда у них было ещё столько времени, чтобы провести его вместе, прежде чем он покинет её навсегда.

Райли.

Она не выживет без него. Конечно, он будет приезжать из колледжа домой на выходные и навещать её, но всё уже будет не так, как раньше. Она знала, что они вряд ли станут

преданными друзьями по переписке или по телефону, и последнее, что им было нужно, — это нависший между ними поцелуй. Он заслуживал жить своей жизнью, не чувствуя себя обязанным остаться её другом и не испытывая жалость к бедной девчонке, которую он оставит позади.

Она напряглась, её глаза горели. Как бы сильно она ни старалась сдержать слёзы, они только больше наводняли её очи. Огромные, объёмные, дурацкие девчачьи слёзы скользили по её щекам, и каждую она проклинала. Чем больше она их вытирала, тем быстрее они текли. У неё не было другого выбора, кроме как уткнуться в подушку и впервые за много лет заплакать.

* * * *

Короткий фрагмент сна с образами Райли и поцелуя был мучительным для Эммы, но всё исчезло, когда её пинками вернул к действительности Лэнс. Жестоко.

Дезориентированная, она выпрямилась, как стрела. Почему она спала на тахте?

— Шевелись, — зарычал Лэнс.

Она подняла глаза на брата, и воспоминания о событиях прошлой ночи вновь нахлынули на неё.

— Иди прочь, — сказала она еле слышно, плюхнувшись на подушку и спрятав голову под одеяло. Её привлекало не возвращение в сон, а возможность не двигаться и не дать Лэнсу удовлетворения выгнать её с тахты. Всё, чего она хотела, — свернуться клубком и позволить следующим десяти годам пройти мимо.

Эмма услышала ворчание и почувствовала, как тахта наклонилась вперёд. Следующее, что она осознала, — это то, что приземлилась с глухим стуком на пол. Лэнс перепрыгнул через спинку тахты и лёг, вытянувшись так, что для неё места не осталось. Он повернулся к телевизору и прислонил коробку с пончиками к животу.

Она хотела сказать ему многое, но прикусила язык и встала с пола, не в настроении конфликтовать. Схватив одеяло и подушку, она пошла в спальню, надеясь, что Райли её там не ждал. Эмма шла по извивающемуся проходу мимо коробок и сломанного оборудования, пока не увидела свой уголок. Никого не было. Она облегчённо вздохнула.

Но потом заметила на кровати записку.

ПОЗВОНИ МНЕ — Р.

Эмма упала на кровать, схватила обрывок бумаги и смяла его. Эту просьбу она выполнить не могла. По крайней мере, не сейчас. Райли поцеловал её. Она поцеловала его в ответ. Она закрыла лицо руками, не зная, что делать дальше. Мир перевернулся, всё было вверх дном. Эмма не имела понятия, как всё исправить.

Всё это было ей не нужно. Ей нужно было готовиться к матчам, которые наступят на следующей неделе, и тусоваться с парнями. Ей нужен был лучший друг.

* * *

Избегать Райли было трудно, учитывая, что он был настолько запутанной частью её жизни. За исключением ежегодных летних двухнедельных каникул, проводимых с семьёй, Эмма не могла вспомнить, когда последний раз они не разговаривали друг с другом в течение двадцати четырёх часов. Сейчас, когда прошло шестьдесят шесть часов, Эмма

начала думать, что, может быть, она всему придавала слишком большое значение. Итак, он ей поцеловал. Подумаешь! Иногда друзья целуются, не так ли?

Нет. Они целуются не так. Как могло всё это произойти?

— Ты в порядке? — спросила Шайло, почувствовав внутреннюю панику Эммы. — Ты кажешься растерянной.

Эмма закатила глаза.

— Всё хорошо.

Ежедневные тренировки с Шайло, Эшли и Пэйтон заключались в том, что она давала им несколько указаний, касающихся баскетбола, а не в том, что рассказывала им историю своей жизни. Она знала о девчонках достаточно много, чтобы понять, как происходило развитие их сплетни. Быстро и некорректно.

Не в силах сконцентрироваться, Эмма давала девчонкам одно упражнение за другим, чтобы занять их. Насколько ей было известно, каждый из выполненных ими бросков мог оказаться неудачным, и они могли миллион раз при ведении потерять мяч.

Эмма ничего не замечала. Это был лишь вопрос времени, когда она и Райли снова встретятся лицом к лицу. Что она скажет? Что он скажет? Что они будут делать? Она старалась избегать его все выходные, не отвечая на звонки и прячась в случайных местах так, что он не мог её найти. Она даже пропустила баскетбольную игру с парнями в субботу, чего раньше никогда не было. В школе их пути пересеклись только один раз, но звонок прервал их возможную встречу. Это был лишь вопрос времени. Она знала, что Райли не позволит ей постоянно его избегать.

Эмма расхаживала по боковой линии, устремив невидящий взгляд в пол и грызя ногти, пока девчонки упражнялись. Вдруг Эшли перестала вести мяч, заставив Эмму поднять глаза. Детка пристально смотрела на место позади Эммы. Её лицо освещала улыбка.

— Привет, Райли, — сказала она.

Эмма развернулась. Конечно же, Райли шёл через зал прямо к ней. Её сердце затрепетало и забилось быстрее. Не сейчас, не сейчас, не сейчас. Их встреча после поцелуя не должна была состояться при трёх свидетелях женского пола.

— Привет, Эш, — сказал Райли, не сводя с Эммы глаз. Их разделяли не больше десяти шагов, а казалось — больше тысячи миль. Он был вне себя. Зол на неё. Она ненавидела, когда он на неё злился.

Райли преодолел расстояние между ними, и она наклонила голову, не в силах на него посмотреть. Он, наверное, думал, что она поступала глупо, убежав и избегая его все выходные.

— Мы можем поговорить? — спокойно спросил он. Он стоял от неё в нескольких дюймах. Очень близко. Слишком близко.

Она очень хорошо осознавала, что Шайло, Эшли и Пэйтон слышали их.

— Я вроде как занята.

Сколько ещё это могло продолжаться? Он поместил руку под её подбородок и поднял его, обращая её взгляд на себя.

— Тогда я подожду.

Он пристально смотрел своими голубыми глазами в её глаза, показывая безоговорочно, что на этот раз увильнуть от него ей не удастся. Он подождёт, и не имеет значения, сколько ему придётся ждать.

Учитывая, что тренировка с девчонками только началась, Райли полтора часа будет

сверлить взглядом её спину. Эмма пыталась не смотреть на него, пыталась не обращать внимания на его присутствие и сконцентрироваться на обучении искусству предугадывания действий защитника, но её глаза продолжали скользить по нему, пока он сидел у противоположной стены и следил за ней.

Вместо того чтобы продолжать тренироваться, три девчонки окружили Эмму, заслонив её от взгляда Райли.

— У вас с Райли всё в порядке? — с беспокойством прошептала Эшли, приподняв брови.

— Всё нормально, а что?

Они все посмотрели на Райли, потом снова на Эмму. Все было очевидно. Ответила только Шайло.

— Просто вы оба выглядите так, словно потеряли лучшего друга.

Нужно взять на заметку: больше никогда не задавать вопрос «А что?» Глаза Эммы снова заскользили по Райли. Ей показалось, что Райли выглядел точь-в-точь так, как описала Шайло.

— Мы немного... — Эмма сделала паузу, подыскивая верное слово, — волнуемся.

— Нам уйти? — спросила Пэйтон.

— Нет, — быстро ответила Эмма. Последнее, чего она хотела, — это остаться наедине с Райли. Один поцелуй — это уже достаточно плохо, но кто знал, что произойдёт теперь? Он снова поцелует её? Закричит? Скажет, что их дружбе конец? Она не могла потерять его.

Эшли хихикнула.

— Скажи мне, а ты не используешь нас как оправдание за то, что избегаешь его?

— Конечно же нет, — сказала Эмма, закатив глаза.

Пэйтон приподняла брови, сомневаясь, правда ли это.

— Нет, — подчеркнула Эмма. — Я просто... ещё не готова поговорить с ним.

— Что случилось?

Эмма взглянула на Эшли, надеясь, что рост ещё придавал ей что-то вроде авторитета.

— Не твоё дело, первокурсница.

Шайло посмотрела на Райли и покачала головой.

— Отлично, от того, что ты его постоянно будешь откладывать, легче не станет. Да и судя по виду Райли, он без тебя никуда не уйдёт. Так что я ухожу, — Шайло посмотрела на Пэйтон и Эшли. — Вы двое идёте?

Пэйтон без колебаний последовала за Шайло через спортивный зал, бросила быстрый взгляд через плечо, и они исчезли, проскользнув в дверь. Эмма знала, что должна быть благодарной им за то, что они не проявляли настойчивость, слоняясь поблизости и наблюдая за происходящим, но в глубине её существа промелькнул страх при мысли о встрече с Райли наедине лицом к лицу.

Взгляд Эшли был полон сочувствия. Она пожала плечами и повернулась, чтобы последовать за девчонками. Но Эмма успела схватить её за руку, быстро подыскивая причину, чтобы заставить её остаться.

— Тренировка ещё не закончилась. Если ты уйдёшь раньше, я не могу гарантировать, что приду помочь тебе завтра.

Эшли покосилась на неё.

— Ты мне угрожаешь?

— Нет, — угрожать было не в стиле Эммы. — Я просто призываю тебя принять

правильное решение.

— Иными словами, угрожаешь.

Эмма закрыла рот на замок. Убедить первокурсницу было сложнее, чем она думала.

— Хорошо, сыграем один на один до десяти очков. Если выиграешь ты, то можешь уйти. А если выиграю я, то ты, не жалуясь, останешься ещё на час.

— Я сыграю с тобой один на один, — осторожно сказала Эшли, взвешивая каждое слово. — Кто первый попадёт в корзину, тот выиграет. Если выиграю я, то я уйду. А если выиграешь ты, то я останусь на пять минут.

Она скрестила руки, объявив условия сделки.

— Что это за компромисс? Я в любом случае останусь ни с чем.

Эшли улыбнулась.

— В этом и смысл.

С каких это пор детка владела навыками переговоров? Первокурсники должны бояться старшеклассников. Они должны следовать правилам, установленным старшими, а не составлять свои. Возможно, Эмма была старше. Возможно, у неё было преимущество в росте. Возможно, она была умнее, мудрее и лучше играла в баскетбол, но один взгляд на первокурсницу дал ей понять, что она ничем не заправляла.

— Хорошо, — проворчала она. У неё будет, по крайней мере, пять минут.

Бросив мимолётный взгляд в направлении Райли, Эмма кинула мяч Эшли. Она могла, по крайней мере, дать детке шанс, прежде чем провозгласить победу. Эмма угадала козырь Эшли, первое движение направо, но первокурсница не огорчилась. Она отбила мяч направо, выполнила резкое вращательное движение, которое Эмма уже видела раньше, и направилась к корзине. Неплохо для первокурсницы, но разве она не знала, что бесполезно вести мяч через центр трапеции рядом с противником, который был вдвое больше её? Эмма приготовилась к блоку, но детка была хороша. Крепко держа мяч в руках, Эшли сделала выпад правой ногой по направлению к корзине, обманув, что собирается выполнить бросок. Эмма согнула ноги, готовясь к прыжку, но вместо того, чтобы продолжить путь к корзине, детка поменяла направление. Эшли сделала огромный шаг в сторону, прошмыгнув мимо Эммы, и оттолкнулась левой ногой от пола. Эмма была заставлена врасплох. Её ноги застыли, прикованные к полу. Всё, что она могла сделать, — это протянуть ладонь к лицу Эшли, чтобы её отвлечь. Не сработало. Освободившись от защитника, первокурсница подняла руку по направлению к корзине и бросила мяч в баскетбольный щит. Мяч прошёл через сетку, завершив блистательный бросок преисполненной гордости Эшли.

Первокурсница победила её с помощью пресловутой остановки в два шага. Эмма хорошо знала этот ход. Она постоянно использовала его, когда играла с парнями, и они ни разу не могли её остановить. Но как вообще удалось первокурснице выполнить его безупречно, играя против Эммы?

У Эммы отвисла челюсть.

— Где ты этому научилась?

Они это точно не проходили, и Эшли никогда не пыталась сделать эти движения во время командных тренировок. Этот ход широко использовался в баскетболе, и тысячи людей могли его выполнить, но не стоящая перед ней первокурсница.

Эшли пожалала плечами.

— Ты сделала этот ход, играя некоторое время назад в парке с парнями, и это была самая прикольная вещь, которую я когда-либо видела. Я тренировалась.

— Ясно, — сказала Эмма, не сумев скрыть удивление в голосе. Прежде Эшли никогда никого не поражала своими баскетбольными навыками.

Улыбка всё же исчезла с лица Эшли, когда она бросила Эмме мяч.

— Повеселись.

Эмме оставалось только молча смотреть, как детка вприпрыжку покидала спортивный зал. Эшли словно знала, что выпускница всё ещё пыталась понять: как вообще она смогла проиграть первокурснице?

Кажется, твои старания приносят плоды, — сказал Райли, неожиданно оказавшись рядом.

— Да, — проворчала она, не сводя глаз с детки, которая, исчезая за дверью, подняла в прощании свою костлявую руку. — Даже слишком.

Райли повернулся к ней лицом.

— Теперь мы можем поговорить?

— На самом деле я..., — невнятно пробормотала она.

Он схватил её ладонь и повёл к стене. Потом опустил на пол и потянул её вниз за собой. Она попыталась вырвать руку, но он сжал её крепче, и она не смогла ускользнуть.

Они молча глядели на баскетбольную площадку. Это было своего рода молчание, возникавшее между друзьями, когда они подыскивали слова, чтобы устранить напряжение, витавшее в воздухе. Обычно она могла предугадать, что Райли скажет, как поступит и сколько ей придётся унижаться, чтобы выбраться из неприятностей. Но в этой ситуации она не знала, о чем он думает. Их дружба перешла в нечто другое, нечто чуждое Эмме одновременно как другу и как девушке, поэтому она молча ждала, когда Райли начнёт говорить. Он не хотел позволить их отношениям кипеть на медленном огне, пока они не выцветли, не умерли и не скрылись в тени проходящего времени. Но что именно повлечёт за собой беседа о бреши в их дружеских отношениях. Возможно, вопли, споры или...

— Я скучал по тебе.

Или простое признание парня, который скучал по своему лучшему другу. И вот. Защиты Эммы рухнули.

— Я тоже, — прошептала она, но, почувствовав вес признания, испугалась. Испугалась, потому что поняла, как надеялась, что он будет рядом. Что она будет делать, когда он уедет в колледж?

Она взглянула на их руки, сложенные на коленях у Райли, и поняла, что не могла больше его избегать.

Он глубоко вздохнул, прежде чем продолжить.

— Я не прошу прощения за то, что поцеловал тебя, Эм. Мне лишь жаль, что я не сделал этого раньше.

Вот и думай, что он провёл выходные, сожалея о поцелуе.

— Райли, я..., — начала, было, она, точно не зная, как закончить предложение.

Прежде чем она смогла что-то добавить — что-то, что, без сомнения, будет еле внятным лепетом, — Райли сказал:

— Я боюсь, Эм.

Слова, произносимые тихим и тревожным голосом, покидали его рот, увлекая её за собой.

— В следующем году я оставлю всё, что мне знакомо, и отправлюсь в какой-нибудь колледж. Можешь называть меня сумасшедшим, но мне нравится старшая школа, мои друзья,

и, да, я люблю своих родителей. В следующем году всё будет по-другому. Я имею в виду, что если баскетбол в колледже не оправдает моих ожиданий? Что если я недостаточно хорош, чтобы набрать баскетбольную команду? Что если я провалю все экзамены? Или навсегда застряну в колледже, потому что не выберу специализацию? Я не имею ни малейшего понятия, кем хочу стать, когда повзрелею.

Она могла только представить, каково это — оставить всё, что было знакомо, и начать всё с нуля, когда никто не знал всю её биографию и не шпынял. Она полагала, что у Райли было всё по-другому, ведь его жизнь была совершенной. У него всё получится. Так было всегда.

Эмма сжала его руку.

— У тебя всё будет хорошо, где бы ты ни окажешься. Ты будешь играть в баскетбол, у тебя будут новые друзья и....

Его взгляд был прикован к ней.

— Но у меня не будет тебя.

У неё перехватило дыхание. Что вообще она должна была на это ответить?

Он покачал головой и беспомощно засмеялся.

— Я чувствую, как время ускользает от нас, и я не хочу потерять тебя после окончания школы. Я знаю, ты думаешь, что у нас односторонние дружеские отношения, но ты ошибаешься. Эм, ты значишь для меня больше всего на свете. Я не могу без тебя. Ещё с того дня, как я тебя встретил, я мечтал, что мы поступим в колледж, будем играть в баскетбол и встречаться с парнями во время праздничных каникул, обмениваясь историями о том, куда забросила нас жизнь. Вместе, — его взгляд ни разу не дрогнул. — Я не хочу оставить тебя позади. Я не могу.

Она не знала, что делать. Ей следовало обнять его и никуда не отпускать? Или уйти и заставить начать жить без неё? Не имеет значения, что они сейчас говорили. Никто из них не мог дать гарантий на будущее. Глубоко вздохнув, она заставила себя улыбнуться.

— Райли, со мной всё будет хорошо.

Он покачал головой.

— Нет, не будет. Ты втянешься в образ жизни своей семьи. Я возненавижу себя, если оставлю тебя здесь, уеду в колледж и, вернувшись, увижу, как ты впустую тратишь свою жизнь. Ты заслуживаешь намного большего, — его голос звучал неистово и жалобно. Она никогда не видела его таким раньше. — Я знаю, тебе тяжело тренировать команду девчонок, но это того стоит. Как только представители колледжа увидят тебя, они постучат в твою дверь и заберут с собой.

Конечно, теоретически это звучало великолепно. Учиться в колледже, покинуть дом, а не остаться позади, когда другие начнут новую главу своей жизни. Но в реальности не всё шло по плану. Эмма не хотела себя обнадёживать, зная, что, в конце концов, ей будет больно.

— Что если я не хочу всего этого?

Он вопросительно приподнял брови.

— Не хочешь или не считаешь, что это возможно?

Она отвела взгляд.

— Какая разница?

— Огромная, — то, как Райли выразительно произнёс это слово и сжал её руку, подтвердило его пребывание в состоянии фрустрации. — Эм, рано или поздно тебе придётся

разобраться в своих желаниях. Подумать не о том, что ты должна делать или чего ты не заслуживаешь, а о том, чего ты на самом деле хочешь.

— Я..., — на этом слове Эмма остановилась. Честно говоря, она хотела ту жизнь, которую он ей представлял. Хотела уехать в колледж, играть в баскетбол, познавать мир и тому подобное. Хотела проводить праздничные каникулы с Райли и парнями, смеясь над тем, каково это — почувствовать себя заново первокурсниками. Но она не хотела обрекать себя на провал, оставить семью и предоставить отцу ещё одну причину ненавидеть её. Минусы перевешивали плюсы. Но Райли бы её не понял, поэтому Эмма произнесла следующие неоспоримые слова. — Я не хочу удерживать тебя. Не хочу, чтобы ты постоянно беспокоился обо мне. Ты заслуживаешь учиться в колледже, стать богатым и выдающимся. Я буду только тянуть тебя вниз.

Она ждала, что он выразит протест и скажет ей, что она ошибается, но он этого не сделал. Он оставался тихим и спокойным и едва дышал. Она подумала, что молчание снова поглотит их, но Райли не закончил. Он бросил мимолётный взгляд в её направлении и уронил его на их сплетённые пальцы.

— Я думаю о тебе, — признался он. — Я ночами не сплю, спрашивая себя, достаточно ли тебе тепло, сыта ли ты на текущий день, не тяжело ли тебе с братьями. Я боюсь, что наступит время, когда с тобой что-нибудь случится, а меня не будет рядом, чтобы тебя защитить.

Роль защиты дочери от жестокостей внешнего мира должны были выполнять отец или мать, так почему пустоту в её жизни заполнял Райли?

Потому что никого другого у неё не было.

— Ты не спасёшь меня от всего, — сказала она более серьёзным тоном, чем предполагала.

Он кивнул.

— Я знаю, но второй пилот нужен каждому, верно?

Вспомнив, как в последнее время Райли провозгласил себя её вторым пилотом и позволил девчонкам похитить её, Эмма не смогла сдержать смех.

— Да ладно. Я думаю, что тебе нужно поработать над навыками второго пилота.

Он засмеялся вместе с ней, и на мгновение показалось, что между ними ничего не произошло. Её не волновало, сколько времени у них осталось. Они проведут его вместе, и, возможно, всё будет не так уж и плохо.

— Могу я задать тебе вопрос? — спросил он, когда смех затих.

— Конечно, — сказала она, надеясь, что это был вопрос, на который она сможет ответить.

Он посмотрел на неё обеспокоенным взглядом.

— Ты меня поцеловала не так, как одного из своих братьев, ведь правда?

— Фу, мерзость, — она вновь рассмеялась. Из всех вопросов он задал именно этот. — Нет, целоваться с тобой было определённо не то же самое, что целовать кого-нибудь из своих братьев. Далеко не то.

Его лицо растянулось в улыбке. Он отпустил её руку и стиснул в объятиях.

— Хорошо.

Эмма уповала на то, что её ответ не вселил в него ложную надежду на совместное будущее, в котором они будут больше, чем друзья.

Два дня спустя во время завтрака в дверь раздался звонок. Ленни встал, чтобы ответить. Врангтоны были точно не из тех людей, к которым ходили гости. Обычно звонок в дверь объявлял приход друга Лэнса или Логана или человека, который пытался что-то продать. Эмма была не готова услышать голос Райли во время утренней трапезы.

Какой бы ни была причина, по которой Райли пришёл так рано утром без предупреждения, ему не терпелось, как следует поприветствовать Эмму и всю её семью. Поздоровавшись с Ленни и перешагнув порог их дома, он прокричал Эмме из гостиной:

— Ты уже видела это?

— Райли, что ты здесь делаешь? — спросила она, отодвигая стул от стола и вставая ему навстречу.

Из-под мышки у него торчала свёрнутая газета. Он взял её и ударил ею по кухонному столу.

— Это потрясающая статья о тебе и обо всей команде. Ну, в основном о тебе.

— Что? — робко спросила Эмма, смутно осознав, что всё в кухне застыло на месте: чашка отца на полпути ко рту, Логан с полным ртом еды, хмурый вид Лэнса, кулак Ленни в воздухе, нависший над головой Лукаса. Трясущимися руками она схватила газету и внимательно посмотрела на уставившееся, на неё чёрно-белое лицо.

Это было её лицо. Её фотография.

Фото запечатлело Эмму, одетую в спортивную форму и улыбающуюся на камеру, которую, должно быть, стратегически поместили на трибунах рядом с Райли во время одной из игр на их поле. Другое фото изображало Эмму, повисшую в воздухе в окружении защитников, с протянутой к кольцу рукой и мячом на кончиках пальцев. Без сомнения, её финальный бросок против Эвергрин. Чувства Эммы было невозможно передать словами. Её лицо, её имя в подписях под фотографиями. Всё это было ошибкой. Это должно было быть ошибкой. О ней раньше никогда не писали в газетах. Заголовок был напечатан жирными чёрными буквами:

HS Выпускница подаёт надежду отстающей команде.

Эмма приступила к изучению чёрного шрифта. В газете были описаны история проигрышей Брэдшоу, смены тренеров, упорство команды в поиске игроков. Авторы представляли её как энергичного лидера в лиге и кого-то вроде баскетбольного супергероя, который спас Брэдшоу от очередного года позора. К слову о давлении, тренер называла её нитью, связывающей команду вместе, а возможность тренировать такого талантливую спортсмена — привилегией.

Эмма продолжала изучать статью, покачивая головой в состоянии шока. Во время интервью с репортёром она ни разу не упомянула о парнях и о том, что её с малолетства тренировал мистер Лэджер. Читая статью, она не могла понять, с какой стати в ней чёрным по белому описывались детали её личной жизни. До тех пор, пока её глаза не остановились на цитате единственного и неповторимого Райли Лэджера: «Когда дело касается баскетбола, Эмма — суперзвезда».

— Как это произошло? — простонала она. Неужели люди не понимали, что баскетбол был командным спортом? Эмма не хотела и не заслуживала всеобщего внимания.

Райли засмеялся.

— Когда репортёр газеты задаёт тебе кучу вопросов, обычно это означает, что о тебе пишут статью.

— У Эммы брали интервью для газеты? — спросил Ленни. Это был первый раз, когда он проявил к ней интерес.

Отец опёрся на её плечо, чтобы взглянуть на статью.

— Когда это произошло?

Она открыла рот, но слова не шли с языка. Что она могла сказать? Две недели назад, после одного из матчей, тренер спросила её, не будет ли она против, если один репортёр задаст ей пару вопросов. Две недели. Достаточно, чтобы ответить на них и благополучно обо всём забыть. До текущего дня.

— Почему ты ничего нам не сказала? — спросил Ленни.

— Я... не знаю, — неуверенно сказала она, по-прежнему пребывая в состоянии шока. С каких пор члены её семьи хотели, чтобы она им что-нибудь рассказывала. — То есть я знала, что они пишут статью, но я думала, что она о команде. Я не думала, что она эксклюзивно про меня.

— А почему бы нет? — воскликнул Райли, хлопнув её по спине. — Ты звезда команды и лиги, и, исходя из услышанного, ты недооцениваешь своё влияние на исход матча против Эвергрин. Подруга, я бы хотел оказаться в газете.

Эмма не желала разговаривать о матче против Эвергрин. Она хотела понять: почему репортёр выделил её, опубликовал фото, которое наверняка поднимет внутригородское соперничество с Эвергрин на новый уровень, и использовал цитаты людей, которым она доверяла, чтобы её уничтожить.

— Я вижу, здесь есть и твоя цитата, — сказала она, свирепо на него взглянув.

— Что? — Райли пожал плечами и развёл руки в стороны ладонями вверх, изображая невинность. — Они спросили меня, что я думаю о своём лучшем друге, который мчится по площадке. Я должен был ответить честно.

— Ага, — ответила она. Ни в коем случае она его не простит за то, что он не поставил её в известность о своём участии в этом заговоре. Она была просто рада, что ничего не сказала о своём сожалении, когда они задавали ей вопросы о команде. Слава богу, они не извратили её слова так, что они звучали просто ужасно.

Лэнс бросил свою газету на стол. Его стул стонал, пока он, вставая, отодвигал его от стола. Бросив на Эмму и Райли хмурый взгляд, он вышел из комнаты, разрывая возникшую между членами семьи связь.

Эмма взглянула на часы и поняла, что если она сейчас не уйдёт, ей запишут ещё одно опоздание. Она схватила газету, взяла Райли за руку и попрощалась с семьёй.

По пути в школу Райли пытался убедить её, как благоприятна для её будущего известность, какое внимание на такого рода вещи обращают представители колледжа, как их боятся другие команды и любят лучшие друзья. Эмма почти ничего не сказала. Она разрешала Райли молотить вздор, пока сама смотрела в окошко. Конечно, одна её часть была в восторге, увидев в газете своё фото, но другая страшилась того, что это означало. Люди будут ожидать от неё большего? Её величественный образ рассеется, когда они поймут, что она из неблагополучной семьи? Могла она просто играть в баскетбол, не беспокоясь о славе и известности, искажающих сезон?

Не в силах больше смотреть на статью, она бросила газету на заднее сиденье. Эмма уповала на то, что никто из школьников её не видел. Серьёзно, сколько на самом деле

студентов старшей школы в будний день встаёт достаточно рано, чтобы почитать газету? Она вздохнула. Ещё два квартала — и она узнает. По крайней мере, поцелуй с Райли оказался в прошлом и не оставил после себя следов неловкого молчания. Рядом с Райли она могла вынести что угодно.

Эмма, по крайней мере, так считала.

Появление Райли во время завтрака было уже достаточно плохо, но потом она застала Тома и Джерри, размещающих копии статьи по всей раздевалке, с кучкой зевак, читающих поверх их плеч. Вот и надейся, что никто не читает газету.

Она протолкнулась между ними и сорвала страницы газет со стены.

— Да что вы, в самом деле? — огрызнулась она.

Том беспечно прислонился к стене и скрестил руки, а Джерри ухмылялся.

— Теперь ты мне веришь?

— В смысле?

Он схватил её за плечи и начал трясти.

— Что ты суперзвезда.

Она закрыла глаза, заставив себя сосчитать до пяти, прежде чем взорваться.

— Я даю тебе десять секунд, чтобы скрыться с моих глаз.

Джерри отпустил её плечи, нанёс по руке два коротких боксёрских удара, одарил улыбкой и исчез следом за Томом с кипой газет под мышками.

— Не злись на них сильно, — сказал, защищая их, Райли. — Это один из лучших моментов в году — увидеть нашу Эмму в газете.

— Лучших моментов в году? — спросила она. Он с ума сошёл? Возможно, Эмма не была экспертом в лучших моментах, но о худших она знала всё. И статья в газете с её фотографией не была поводом для радости. Она помещала её в самый центр внимания, чего Эмма так отчаянно пыталась избегать. Она чувствовала, как кирпичик за кирпичиком на неё наваливался вес ожиданий, давя на неё и опуская вниз. Эмма не относилась к типу людей, которые могли нести ответственность. Она понимала, что рано или поздно кирпичики рухнут, и она окажется в ещё более затруднительном положении, чем тогда, когда всё началось.

— Эмма, ты видела это?

Лицо Райли ещё секунду оставалось у неё в поле зрения, потом перед её носом снова появилась газета с чёрно-белыми фотографиями. Эмма где угодно узнала бы голос Эшли. Она вырвала газету у неё из рук и свирепо взглянула на стоящую рядом первокурсницу.

— Разве это не здорово? — спросила Эшли.

Эшли больше не обращала внимания на гнев и раздражительность Эммы. Детка просто смотрела на неё сияющими и широко раскрытыми глазами, радуясь её славе.

— Нет, не здорово, — огрызнулась Эмма.

Райли положил руки на плечи Эшли, как старший брат, чтобы защитить её от ярости Эммы.

— Не обращай внимания, она не привыкла быть знаменитой.

Эшли захихикала. Первокурсница и парни породили в Эмме желание нанести удар, почему угодно.

Раздался первый звонок, и дети побежали в классы. Эшли помахала на прощанье, и её поглотил поток студентов, идущих в противоположном направлении. Райли вместе с Эммой пошёл на первый урок, не убирая с её плеч руку. Дети, которых она едва знала, проходя

мимо, махали ей, выражая своё восхищение по поводу статьи. Каждый раз она ёжилась.

— С каких пор студенты старшей школы стали читать газеты? — она точно знала, что девяносто процентов детей её класса, полного недоучек и пополняющего список глобальных проблем, не смотрели новости и не читали газеты. Не будучи в курсе текущих событий, они терпели неудачу во время каждого из еженедельных тестов. Последние два года ситуация в старшей школе оставалась стабильной.

— Это рубрика о спорте, — пожал плечами Райли. — Её читает каждый.

Они подошли к классу и увидели Тома и Джерри, размещавших очередную копию статьи на внешней стороне двери. Заметив Эмму, оба парня помчались прочь, прежде чем она успела сделать им выговор, и на бегу дали друг другу пять.

Сорвав со стены статью, она направила свою энергию на Райли. Сжав кулак, она сунула скомканную статью ему в лицо.

— Это ты их на это надоумил?

— Конечно же нет, — сказал он, невинно подняв руки. — Но я с ними. Скоро с тобой произойдёт что-то хорошее. Это лишь вопрос времени, — он схватил её за плечи и с улыбкой на губах начал трясти. — Эм, ты в газете. Расслабься и наслаждайся. Джерри прав. Ты суперзвезда и ничего изменить не сможешь, так что смиришься, — он стиснул её в объятиях, прижал губы ко лбу и попятился по направлению к своему классу. Петляя большими пальцами по лямкам рюкзака, он подарил ей улыбку. — Пока.

Она смотрела, как он уходил, ощущая на лбу след его поцелуя. Ситуация с поцелуями выходила из-под контроля. Куда исчезли дни, когда они, прощаясь, в шутку били и толкали друг друга?

Она вздохнула и вошла в класс. Большинство людей испытали бы кайф, увидев в газете про себя статью, но Эмма ощущала лишь раздражение. Почему? Потому что определение чего-то хорошего для неё было спорным вопросом. Если всё было так, как сказал Райли, и статья — то хорошее, что случилось с ней, она понимала, что это ненадолго. Она знала, что это лишь вопрос времени, когда мир для неё рухнет... снова.

Неделю спустя Райли волочился за Эммой, пока она прокладывала себе путь на кухню, чтобы выпить воды. Много воды. Иногда после баскетбольных игр по субботам воды требовалась не одна бутылка. Логан, сидевший на тахте и читавший очередную книгу, едва взглянул на них, когда они проходили мимо.

— Разве это было бы не потрясающе, если бы вы, ребята, прошли в плей-офф? — Райли оперся о кухонный стол и стал смотреть, как она доставала из буфета два стакана. С тех пор, как женская сборная по баскетболу вступила в полосу везения, попав в верхнюю половину таблицы лиги и одержав лишь четыре поражения, Райли с увлечением наблюдал их путь до конца.

Она подняла руки, держа по стакану в каждой.

— Эй, эй! Давайте просто сосредоточимся на оставшейся части сезона, а? — было преждевременно радоваться тому, что возможно могло произойти, учитывая, что впереди у них осталось ещё несколько матчей, включая ещё одну встречу лицом к лицу со старшей школой Эвергрин. Даже если Брэдшоу одержали победу над несколькими сильными командами в лиге, она знала, что их вторая игра против Эвергрин не будет такой же, как первая.

— Ты прекрасно знаешь, что без тебя это не возможно.

Он скрестил руки и улыбнулся ей, словно надеялся на спасибо за то, что присвоил ей главную роль среди членов команды.

— Это неправда, — она повернулась к водопроводному крану и наполнила стакан водой. Он мог надеяться на спасибо, но никогда его не получит.

— Это правда, — сказал он. — Как ещё ты объяснишь, что женская сборная по баскетболу после десяти лет проигрышей первый год одерживает победы, если её единственное большое изменение — это ты? Девяносто пять процентов каждого матча, во время которого ты набираешь в среднем двадцать пять очков, — твоя игра. Нет игроков лучше тебя.

Она поставила стаканы на стол и открыла рот, чтобы ответить, сказать ему, что она была лишь частью целого, но её опередили.

— А ты кто? Личный черлидер Эммы? — сказал Лэнс, войдя на кухню и направившись прямо к холодильнику. — Где твоя юбочка и помпоны?

Важно было не то, что сказал её брат, а как он это сказал. Как его глаза сузились, как в голосе послышалось отвращение, как его губа скривилась в презрительной усмешке, когда он говорил это Райли. Райли не заслуживал этого.

Щёки Эммы вспыхнули, руки на боках сжались в кулаки. Она знала, что ей не следовало реагировать на заносчивость Лэнса, но её терпение лопнуло.

— В чём проблема?

Райли отошёл от кухонного стола и схватил её за руку, чтобы удержать, но она увернулась и шагнула к Лэнсу.

— Ни в чём, — Лэнс изучающе рассматривал полки для еды. — Я просто думаю, что это весело, когда все считают, что ты Божий дар миру, а ты лузер и ничего больше. Ты впустую тратишь своё время, играя в эту дурацкую игру.

Может, он был прав, может, она тратила время впустую, играя в баскетбол, и ничего из

этого не выйдет, но кто он такой, чтобы делать подобное утверждение?

— Откуда ты знаешь? Ты даже никогда не видел, как я играю.

— Мне не нужно видеть твою игру, — он прокашлялся через плечо. — Со мной это уже было, помнишь?

Да она вспомнила. Она вспомнила, как его лицо мелькало в газетах с заголовками, кричащими о его великолепии и о его большом будущем в баскетболе. Он подверг всё это риску, когда начал плохо учиться и перестал появляться на тренировках.

— Да, — сказала она. — Я помню. Я помню, каким великолепным ты был, но ты выбрал путь тупого качка.

Лэнс захлопнул буфетную дверку и повернулся к ней лицом.

— Ты не понимаешь, нет? — прорычал он. — Неважно, что ты себе говоришь, ты не лучше меня. Ты ступила на долгий путь в никуда.

Райли спокойно шагнул ближе к ней. Он знал, что вмешиваться нельзя, но он не был глуп. Если Лэнс разозлится на неё и захочет ударить, Райли не останется смотреть в стороне.

Эмма посмотрела на брата и увидела глубину его ненависти к ней и весь мир в его глазах. Она не хотела поверить, что единственная дорога, открывшаяся перед ней, вела туда, где находился Лэнс. Возможно, она была лузером, и баскетбол не приведёт её в колледж, но, может, Райли прав? Может, впереди у неё было нечто большее, чем пребывание в гараже и поглощённость многолетними сожалениями и гневом, которые испытывали остальные члены её семьи.

— Только это не значит, что история моей жизни должна быть такой же, как твоя.

Лэнс засмеялся злобным смехом.

— Не говори мне, что ты поверила словам своего богатого бойфренда, — он указал на Райли. — Единственная причина, по которой он с тобой дружит, — это сочувствие к тебе. Зачем ещё такому парню, как он, тратить время на такого лузера, как ты, — Лэнс покачал головой. — Все твои надежды и мечты делают тебя жалкой. Райли может не признаваться, но он знает это не хуже меня.

Ей говорила подобное Лорин, но слышать эти слова от собственного брата было совсем другое. Из его уст они звучали реалистичнее, правдивее. Как бы сильно она не хотела взглянуть на Райли, чтобы узнать, была ли в обвинениях Лэнса доля правды, она не могла. Она умрёт, если заметит в его глазах чувство вины.

— Ты такая же, как она, — выплюнул Лэнс.

— Как кто? — вопрос вылетел из её рта прежде, чем она успела решить, задавать его или нет.

— А как ты думаешь? — закричал Лэнс. — Ты такая же, как она. Ты такая же, как мама. Она всегда спрашивала, сколько ещё ей придётся жить здесь и мечтала уехать в колледж, и получить чудесную работу. Она ушла, потому что хотела чего-то большего и лучшего. Лучшего, чем отец и мы.

Его слова повисли в воздухе, как туман, который лишил чувств и дезориентировал ум. За последние пять лет их мама никогда не служила темой их семейных бесед. Они не делились старыми воспоминаниями о ней и не спрашивали, чем она занималась сейчас. Она была фантомом. Пока Лэнс не крикнул о её существовании так, что в душе у Эммы заскребли кошки.

— Это неправда, — спокойно сказала она. Её слова едва прорвались сквозь туман. Она не знала, почему чувствовала на себе обязательство защитить женщину, которая ушла от них,

но отказывалась верить в то, что её мать покинула семью ради лучшей жизни.

— Правда, — закричал на неё Лэнс. — Ты когда-нибудь интересовалась, почему отец едва ли может на тебя смотреть или почему ты спишь в вонючем гараже?

Да, она задавала себе эти вопросы, но всегда считала, что всё это из-за того, что она единственная девочка в семье и отец хотел, чтобы у неё было личное пространство, в котором она нуждалась. Но когда она услышала слова своего брата, всё встало на свои места.

— Всё это потому, что ты слишком напоминаешь отцу о матери, и он знает, что ты раздавишь его так же, как это сделала она, своими детскими мечтами и надеждами на лучшую жизнь! — Лэнс кричал с красным лицом, и каждый раз, когда он, набрасываясь на неё, выплёвывал жгучую правду, она ощущала его удовлетворение. Словно он ждал годы, чтобы сломать её. — Отец ненавидит тебя. Он ненавидит, когда ты рядом, потому что ты постоянно напоминаешь ему о ней. Лишь то, что ты умеешь водить дурацкий мяч и выполнять несколько удачных бросков, не делает тебя особенной.

Эмма не хотела больше его слушать. Она не хотела смотреть Лэнсу в глаза и понять значение сказанных им слов, но её ноги оставались на месте, глаза же уставились в одну точку. Она словно переживала очередной кошмар. Уход матери. Равнодушие отца. Негодование брата.

Лэнс наклонился, сузив глаза. Следующие слова, произнесённые шёпотом, ранили её сильнее своей искренностью и отвращением.

— Ты ничего не стоишь.

Райли обвил рукой её талию, приблизил спиной к себе и, сделав шаг, встал перед ней, загораживая её от брата.

— Достаточно, — сказал Райли угрожающим тоном, парируя ухмыляющемуся Лэнсу.

Они стояли всего в нескольких дюймах друг от друга. Никто не хотел отступить. Эмма знала, что ей следовало разнять их и вытащить Райли за пределы взрывоопасной зоны, порождаемой её братом, но не могла пошевелиться. Райли смотрел Лэнсу прямо в глаза, казалось, целую вечность. Наконец он слегка провёл рукой по её запястью, взял её ладонь и сказал:

— Идём.

Эмме хватило сил только на то, чтобы последовать за Райли прочь от Лэнса, покидая кухню, но внезапно её ноги остановились у входа в гостиную. Логан по-прежнему сидел на тахте, отбросив в сторону книгу, и, судя по всему, подслушивал её ссору с Лэнсом. Он всё слышал, но ничего не предпринял, чтобы её защитить или заткнуть ему рот прежде, чем он наговорил лишнего. Но остановиться Эмму заставил не Логан, встретивший её взгляд.

А её отец.

Он стоял от неё всего в десяти шагах, прислонившись к стене и наклонив голову. Как давно он здесь находился? Что он успел услышать?

Не поднимая головы, он в первый раз за многие годы посмотрел ей в глаза. Тогда она поняла, что он слышал всё. Она стояла на месте, нуждаясь в его ответах, надеясь, что он развенчает обвинения Лэнса и скажет ей не принимать всё близко к сердцу. Она хотела, чтобы он сказал ей, что любит её отеческой любовью.

Она ждала.

Ждала чего-то большего, чем чувство вины, отражённое в его глазах. Ждала, что он одолеет расстояние между ними и поведёт себя как отец, в котором она нуждалась. Именно в тот момент, когда она подумала, что не сможет больше этого выносить, её отец отвёл

взгляд и опустил его в пол. Возможно, ему нужна была минута, чтобы собраться с мыслями, воплотить правду в словах и сказать ей, что всё это было лишь большое недоразумение. Эмма ждала, ощущая проблеск надежды, но почувствовала, как рука Райли в её руке напряглась. Молчание её отца имело для него другое значение. Как бы сильно она не хотела это отрицать, она знала, что Райли был прав. Её сердце разбилось на части. Она подавила всхлип, когда почувствовала, как на неё обрушился вес сказанных Лэнсом слов. Судя по молчанию отца, она поняла, что они были правдой.

Отец ненавидел её.

Она не сопротивлялась, когда Райли протолкнул её через входную дверь прочь от так называемой семьи. Её глаза смотрели невидящим взглядом на землю. Слова Лэнса и лицо отца вспыхивали в её памяти. Она не могла ни о чём думать. Ей было трудно дышать.

— Эм? — Райли смотрел на неё. Подошвы их ботинок с шумом опускались на тротуар. — Ты в порядке?

Его голос был напряжённым, взвешенным. Словно он сам себе не верил, что заговорил.

— В порядке, — автоматически сказала она, не в силах оторвать взгляд от земли. Она чувствовала себя ошеломлённой. Сломленной. Опустошённой.

Всё было неправильно. Даже то, как они шли рука об руку вниз по улице к дому Райли. Он держал её ладонь слишком крепко. Его рука была слишком напряжена. Она не знала, относиться спокойно или бояться привязанности Райли к ней? Что если обвинения Лэнса в его адрес были верными? Что если последние восемь лет дружбы сводились к восьми годам жалости? Эмма понимала, что в их дружбе не было никакого смысла — такого парня, как он, не должна была волновать такая девушка, как она, — но означало ли это, что всё было ложью?

Пока они шли к дому, она ощущала на себе непрерывный взгляд Райли. Он словно пытался понять, насколько разбитой она была. Эмма смотрела в одном направлении, шагая по улице и слушая, как слова брата повторялись в её голове снова и снова.

Отец ненавидит тебя... Ты никогда ничего не достигнешь... Ты ничего не стоишь.

Оказавшись в безопасности на подъездной дороге к своему дому, Райли остановился и посмотрел на неё. Он не смотрел ей в глаза. Эмме хватило секунды, чтобы понять, что он не мог этого сделать. Мускул его подбородка судорожно дрогнул, его ноздри в гневе расширились при каждом вдохе. Он выглядел так, словно что-то хотел сказать, но не мог найти слов. Это было неважно. Она знала, что сказать больше ничего не осталось. Её брат сказал всё.

Эмма чувствовала себя виноватой перед Райли. За многие годы он был свидетелем отдельных случаев, когда она ловила повисший в воздухе кулак одного из своих братьев, и одного, когда она отразила удар наотмашь от своего отца, но он видел только синяки, а реальную ссору никогда. Он слышал только её отредактированную версию правды, но не живые комментарии.

Райли обнял руками её лицо и, наконец, посмотрел ей в глаза. Она не знала, что он в них увидел. Возможно, шок от того, что произошло, или печаль от того, что это значило. Или, может, пустоту, оставшуюся после того, как она потеряла всякую надежду завоевать любовь отца. Всё, что он увидел, заставило его хмурый вид смениться болью, а его плечи ссутулиться, выражая чувство поражения. Он прислонился лбом к её лбу и закрыл глаза.

— Мне жаль, — прошептал он. — Мне очень жаль.

Эмма не знала, просил ли он прощения за её брата, отца или за себя, но от боли в его

словах её глаза затуманились слезами, которые она отчаянно пыталась сдержать. Её веки сомкнулись, и она попыталась собраться с духом, чтобы Райли не заметил её слабость. Момент спустя он отстранился от неё, убрал волосы с её лица, поцеловал в лоб и взял руку, провожая в дом.

Оба родителя находились в гостиной и смотрели на входящих Эмму и Райли. Увидев их лица, они встали с дивана.

— Может ли Эмма у нас сегодня переночевать? — спросил Райли прежде, чем они успели засыпать его вопросами.

Эмма заметила, каким отстранённым и холодным был его голос. Она бросила взгляд на профиль Райли и увидела его напряжённую челюсть и твёрдую позу.

Он обменялся взглядом с отцом, и мистер Лэджер кивнул.

— Конечно.

— А, может, на несколько дней? — спросил Райли, глядя на Эмму.

— Всё что угодно, — сказал отец, понимая достаточно, что не нужно вдаваться в подробности.

Миссис Лэджер обняла Эмму и развернула её по направлению к кухне. Райли держал её за руку, пока их не разделило расстояние. Эмма хотела, чтобы он остался с ней, но его мама взяла инициативу на себя и повела её к задней части дома, оттолкнув Райли к отцу.

Миссис Лэджер похлопала Эмму по плечу.

— Не знаю, как ты, а я думаю, что «горячее печенье с молоком» именно сейчас звучит неплохо.

Горячее печенье и молоко — материнский дар. Эмма села за кухонный стол и стала рассматривать рисунок древесины. Она хотела спросить миссис Лэджер. Маму Райли, единственную маму, которую она знала. О том из-за чего женщина могла уйти из семьи, от детей, не вспоминая о них, но не могла сформулировать мысль. К тому же миссис Лэджер не относилась к категории мам, которые могли ответить на вопрос подобного рода.

Миссис Лэджер открыла и закрыла буфетную дверцу, пытаясь завести разговор о мелочах, но Эмма не поднимала головы. Она сидела, наклонив голову и с закрытым ртом, не пытаясь ни заплакать, ни привлечь к себе внимание, но в доме Лэджеров она никогда не оставалась незамеченной. Даже сейчас.

Почувствовав, что стратегия разговора о мелочах не работает, миссис Лэджер села рядом с Эммой и, дотянувшись до её ладони, накрыла её своей рукой.

— Дорогая, — сказала она. — Ты для нас как дочь. Ты можешь оставаться здесь столько, сколько тебе нужно. Всё, что тебе понадобится, будет твоим. Окей?

Эмма кивнула, по-прежнему не доверяя себе и испытывая страх, что, встретив взгляд миссис Лэджер, она будет не в силах держать свои эмоции под контролем.

Миссис Лэджер заключила Эмму в объятия.

— Всё будет хорошо, — прошептала она с такой нежностью и уверенностью, что Эмма почти поверила ей.

Как бы сильно она не любила миссис Лэджер, сейчас она была не в настроении для материнского разговора. Наконец мама Райли отпустила её и вернулась к печению, позволив Эмме ускользнуть.

Всё, что ей было нужно, — это побыть одной, но случайно она наткнулась на голоса.

Эмма застыла у двери в кабинет мистера Лэджера. Она была приоткрытой, и это позволило ей отчётливо слышать низкие, глубокие голоса отца и сына, погружённых в

беседу.

— Он... — мистер Лэджер остановился, словно не желая договорить вопрос, — ударил её, нет?

Эмма прижалась к стене возле дверной рамы, боясь дышать, боясь слушать, но не в силах уйти. Ей следовало знать, что Райли хотел сказать своему отцу о том, что произошло. Райли и его отец были близки. Между ними не было никаких секретов, лжи и выяснения отношений.

— Нет, — ответил Райли, — но всё было очень плохо. Брат наговорил ей столько ужасающих слов, а её отец там просто стоял. Всё намного хуже, чем я думал.

Она услышала выдох одного из них, словно слова не могли всего объяснить.

— Что я должен был сделать, отец? — спросил Райли. Его голос был уже не таким сильным, как раньше. — Эмма выглядела такой... разбитой.

Его голос треснул на последнем слове, и она ощутила в своих глазах слёзы. Он не должен был страдать из-за неё.

— Послушай меня, — сказал ласково, но твёрдо его отец. Эмма представила, как мистер Лэджер наклонился, положил своему сыну руку на плечо и задержал на его глазах пристальный взгляд. — Ты лучшее, что есть в жизни Эммы. Ты должен быть сильным ради неё. Быть её другом. Быть рядом. Но если с её братьями, отцом или кем бы то ни было что-то произойдёт, ты сразу пойдёшь ко мне или к матери. Я не хочу, чтобы ты был втянут во всё это, понимаешь?

— Да, — сказал Райли.

Настало молчание. В определённый момент Эмма подумала, что их беседа закончилась, но в последний раз Райли вполголоса произнёс:

— Отец, как он может не любить свою собственную дочь, когда в ней столько хорошего и это так легко?

Эмма прислонилась головой к стене и посмотрела в потолок, не в силах больше сопротивляться слезам, молча льющимся рекой по её щекам. Возможно, она была разбитой, но Райли причинил ей боль.

* * *

Оказавшись в приёмной комнате на первом этаже, Эмма уставилась на тёмный потолок и стала прокручивать у себя в голове слова своего брата, время от времени прерывая мысли и возвращаясь к мелькающему прошлому, чтобы подтвердить их. Она думала о Лэнсе. Раньше у него были мечты. Мечты, которые ускользнули, сделав его обидчивым и печальным.

Ненависть была сильным словом. Каждый ребёнок это знал. Но именно ненависть она видела в глазах Лэнса. Именно ненависть не опровергал её отец, когда она проходила мимо него, уходя из дома. Как вообще могла она вернуться домой и посмотреть им в лицо?

Эмма услышала, как ступени закричали под весом того, кто спускался вниз, и увидела на другом конце комнаты движущийся силуэт. Она не знала, притвориться ей спящей или нет. Фигура приближалась к ней ближе и ближе, споткнулась о её ногу и упала на неё мешком. Райли заворчал вместе с ней.

— Райли? — пропыхтела она.

— Боже, Эм, — сказал он. — Ты пытаешься убить меня?

— Я? Что ты делаешь?

Он перевернулся, располагаясь рядом с ней.

— Я подумал, что тебе нужен друг.

— Ох, — произнесла она просто.

— Почему ты не спишь в кровати, как нормальный человек?

Как могла она объяснить, что предпочитала спать на полу, нуждаясь в чём-то твёрдом и жёстком. Она не ответила, а он не стал лоббировать вопрос. Он разложил спальный мешок и залез внутрь, взбил подушку, начал ворочаться и переворачиваться с боку на бок, ворчать и вздыхать, пока, наконец, не стих.

— Тебе удобно? — спросила она.

— Нет, — ответил он, — а тебе?

— На самом деле да, — впервые за всю зиму ей было тепло, в комнате с ковром, в чужом доме.

Они молчали довольно долго, пока ползущие по небу тучи не расщепились, обнажив луну. Лунный свет робко заглянул в окно, осветив в комнате потолок, на который она смотрела, выключив свет несколько часов назад.

— Эм? — прошептал Райли. — Ты не спишь?

Она подумала, что не стоит отвечать, но был ли в этом смысл? В любом случае он наверняка видел её открытые глаза.

— Да, — прошептала она в ответ.

— О чём ты думаешь?

О чём она думала? Она думала о том, что её мать хотела чего-то лучшего, чем она. Её отец и братья презирали её по не зависящим от неё причинам. Как вообще могла она надеяться, что баскетбол спасёт её и вытащит из этого места? Её лучший друг, наверное, видел в ней лишь убогую девчонку. Было плохо любить женщину, которую она даже не знала? Ненавидеть ту, которая оставила её, но всё же желать её поддержки больше всего? Хотеть простить отца за всё, если он хотя бы пытался любить её как дочь больше, чем ненавидеть за ошибки своей жены? Притворяться, что их дружба с Райли была настоящей?

— Ни о чём, — она надеялась, что он не услышал в её голосе глубокую печаль и тревогу.

Райли повернул голову на бок и посмотрел на неё. Из уголка глаза Эммы на висок скользнула слеза. Она почувствовала, как его рука приблизилась на дюйм к её руке. Его пальцы коснулись задней части её запястья, скользнули вниз, взяв ладонь и не позволив ей потеряться в темноте.

Неделю спустя Эмме ещё нужно было вернуться в привычное русло жизни. Даже баскетбол не мог притупить её боль в груди и приглушить голос брата в её голове. Кое-что в том, как Лэнс описал их мать, казалось неправильным, словно он говорил о чужачке. Очевидно, его гнев исказил воспоминания о ней. Их мать вовсе не была той эгоистичной и бессердечной женщиной, которую он помнил. Эмма хранила воспоминания о матери последние пять лет, укрепляя уверенность в том, что она не окажется со временем потерянной и забытой. Но порой на прошлой неделе, слушая слова брата, отдававшиеся эхом в её голове, Эмме было трудно воскресить воспоминания о матери, которые обычно всплывали так легко. Воспоминания о прекрасной женщине, любящей матери, добром и милым человеке. Теперь они были расплывчатыми, иногда бледными, как отражение в воде, подёргивающееся рябью и исчезающее после того, как в неё бросили камень. Чем сильнее она пыталась вызвать в воображении образы прошлого, тем быстрее они ускользали за пределы досягаемости.

Ничто больше не имело значения. На прошлой неделе Брэдшоу сыграли два матча и оба проиграли, но Эмму это не волновало. Даже если бы они завершили оставшуюся часть сезона чередой поражений, она не думала, что была бы способна проявить хотя бы малую толику разочарования. Баскетбол потерял свой привлекающий свет. Она лишь хотела сбежать из спортивного зала и оставить всё позади, но ей больше некуда было идти. Она до сих пор не вернулась домой и не хотела злоупотреблять гостеприимством семьи Райли. Ей приходилось либо терпеть занятия баскетболом с девочками, либо бродить по улицам перед возвращением в дом Лэджеров. В зале, по крайней мере, было тепло.

Девочки из команды заметили у Эммы перемену в поведении и недостаток в мотивации руководить ими на поле. Капля уважения, которую она добилась от них за последние два месяца, испарилась. Она видела, как они на неё смотрели, слышала их шёпот у себя за спиной, но её это не беспокоило. Конфликт с Лэнсом всё изменил. Каждую минуту она ощущала в груди тяжесть от его слов и страх расплакаться. Она чувствовала себя девочкой, эмоциональной, хныкающей, жалобной девочкой, и ненавидела себя за это. Её индивидуальные тренировки с Эшли, Шайло и Пэйтон прекратились. Она отменила их в понедельник, не в настроении учить девочек играть в такую дурацкую игру в развлекательных целях, и не возобновила их. Какой в этом был смысл? Баскетбол ничего не менял в этом мире. Неважно, какой талантливой была Эмма, у неё по-прежнему не было матери, практически отца и она ничего не стоила.

Тренер дунула в свисток, завершая очередную тренировку, и Эмма поволокла ноги к боковой линии. Может, она набросит на плечо сумку, выйдет из зала, пойдёт бродить по тёмным улицам и, обессилив, свернётся калачиком и уснёт где-нибудь в подворотне. Выпускница продолжит вести такой образ жизни, пока между нею и её семьёй не установится безопасное расстояние. А может, она пойдёт в парк и будет смотреть, как тьма покидает бескрайнее небо, уступая место свету, и сгорать от желания, чтобы с её жизнью произошло то же самое.

— Эмма, — тренер поймала её взгляд и интенсивно помахала ей.

А может, Эмма пожертвует своим драгоценным временем на занятия ничем, кроме терпеливого выслушивания нотаций тренера. Это был лишь вопрос времени. Она удивилась,

что до сих пор между ними не возникло конфронтации. Эмма всерьёз думала выйти за дверь, не обращая внимания на приглашение тренера к беседе один на один. Для Эммы было достаточно взгляда в лицо тренера, частично злобное, частично обеспокоенное, чтобы сбежать, но она этого не сделала. Она заставила свои ноги поменять направление и подошла к тренеру, не слыша остальных членов команды.

Тренер скрестила на груди руки. Наклонив голову и приподняв брови, она исподлобья смотрела на Эмму, словно пыталась обнаружить вне зоны видимости и прочитать полную версию её проблем.

— Всё в порядке? — спросила она.

Эмма вздохнула.

— Да, — как бы то ни было, она не хотела откровенничать.

Тренер заполнила пустоту между ними кивком головы.

— Ты всю неделю словно не с нами.

Не те слова, которые нужно говорить прямо девушке, находящейся в кризисе.

— Что вы имеете в виду? — огрызнулась Эмма.

Даже в худшие дни выпускница по-прежнему была лучше, чем остальные члены команды вместе взятые, поэтому она приглушила свой энтузиазм и перестала контролировать каждую секунду на поле. Разве не время кому-то другому принять на себя удар?

Тренер подняла руку.

— Не обижайся. Я просто беспокоюсь о тебе.

Скорее о том, что черед командных побед прервётся.

— Хорошо, не беспокойтесь, — холодно произнесла Эмма. — Я в порядке.

— Знаешь, если тебе нужно с кем-то поговорить, ты можешь поговорить со мной.

— Нет уж, спасибо, — Эмма даже не подумала над предложением. В последнее время выполнять обязанности советника и посвятить себя спасению Эммы от её образа жизни хотели все. Они бы сказали ей, как сильно осознают, через что она сейчас проходит. Что она не должна себя чувствовать загнанной в угол ограничениями своей семьи. Что она может выполнить всё что угодно. Ничто из этого не было правдой. Никто из тех, кого она знала, не понимал, каково это — иметь в гараже свой угол и там жить.

Тренер изучала её. Эмма встретила её пристальный взгляд и ответила своим.

— В тебе больше таланта и потенциала, чем в любом из тех, кого я когда-либо видела, — сказала она. — Но ты не сделаешь ничего потрясающего, если не будешь верить в себя.

Эмма фыркнула. Великолепная мотивирующая речь. Поверь в то, что ты звезда, и ты ею станешь! Жаль, что она жила в реальном мире.

— Лишь то, что я могу вести мяч и выполнить несколько удачных бросков, не делает меня лучше других членов команды, — слова Лэнса слишком легко сорвались с её губ.

Тренер с грустью улыбнулась ей.

— А кто сказал, что я говорю о баскетболе?

Эмма свирепо смотрела на тренера, пока она, уходя, собирала вещи и следовала за беспорядочной толпой девчонок к двери. Что происходило с этими людьми? Лишь то, что их вдохновляющие слова звучали мило, не означало, что они что-то изменят. Разве они не знали, откуда она была, или не замечали, что весь мир отвернулся от неё? Она даже не могла позволить себе купить кроссовки, чтобы играть в баскетбол. Ей нечего было дать. На поле

или вне поля.

Эмма видела, как тренер наклонилась и подобрала с пола мяч. Развернувшись, она бросила ей пас из-за головы. Выпускница поймала мяч после того, как он два раза отскочил от пола, как раз тогда, когда дверь захлопнулась. Она оказалась в спортивном зале одна. С того момента, как она начала тренировать Эшли, такого никогда не было. Много изменилось с тех пор. У Эммы перехватило дыхание. Одиночество давило на неё. Помещение казалось слишком большим.

Молчание было слишком громким. Эмма отбила мяч от пола и прислушалась к звуку, раздававшемуся по залу эхом и угасшему в оглушительной тишине. В голове у неё всплыли воспоминания о матери, старые воспоминания, погребённые под пеплом многолетней боли и разорванные в клочья за годы скорби так, что их почти не осталось. Единственным воспоминанием, сохранившимся в её памяти, был образ матери двенадцатилетней Эммы. Первый раз за неделю расплывчатые образы прояснились, но они уже были не такими, как раньше.

Вместо терпеливой, любящей матери Эмма помнила женщину, которая постоянно ссорилась с мужем из-за денег, из-за того, что у них было слишком много детей, из-за всего, что жизнь должна была преподнести и чего ей не хватало. Она помнила женщину, которой всегда нужно было время на себя, и которая жертвовала моментами объятий с детьми, потому что её одежда могла помяться. Женщину, которая слишком много разговаривала о внешнем мире и мало о мире внутри дома. Эмме не нужно было подтверждение Лэнса, чтобы понять, что новые воспоминания были настоящими, а те, которые она так долго хранила, были просто её попытками заполнить пустоту образом желаемой матери. Это было легче, чем помнить правду.

Эмма зажмурила глаза. В конце концов, Лэнс был прав. Если он был прав насчёт матери, может, он был прав во всём?

Она начала вести мяч правой рукой, затем левой, пытаясь отогнать мысли, которые она знала, что не сможет остановить. Она отбила мяч ещё несколько раз. Бросалась вперёд и поворачивала назад, кружась в потоке вопросов, которые роились вокруг неё. Где была их мать? Думала ли она когда-нибудь об Эмме и её братьях или, покинув их, она начала жизнь с чистого листа и никогда не оглядывалась назад. Узнала бы она Эмму, если бы они пересеклись на улице? Лэнс действительно ненавидел её или он по-прежнему имел дело с демонами из прошлого? Отец, правда, хотел, чтобы она ушла? Дружба Райли была просто актом жалости? Это были вопросы, которые она никогда не задала бы, даже если бы выпала такая возможность, в страхе услышать ответы, которые ей не понравятся.

Весь страх, страдания и лишения, которые она переживала, превратились в невидимого противника. Эмма вела мяч. Её печаль переросла в гнев. Мячом она выбивала мысли с матери, баскетболом заполняя пустоту внутри себя. Одна на поле, с мячом в руках, Эмма чувствовала запах свободы. Свободы от ограничений и сомнений, напоминающих ей о том, что она была недостаточно сильной, хорошей или умной. На поле она была безупречной.

Она играла против невидимых защитников, предаваясь мечте о плей-офф и слабой надежде, что Брэдшоу будет участвовать в конкурсе. Было плохо, что она этого хотела?

Покачав головой, она отвернулась от корзины. Конечно, она могла мечтать и вызывать у себя в воображении картины невозможного, но что будет, когда реальность вытеснит ложные представления. Жизнь, в которой происходили хорошие вещи, не предназначалась ей. Она это знала, её семья это знала, это знал весь мир. Тогда почему она продолжала

надеяться и хотеть проскользнуть через щели в новую жизнь, другую жизнь. Жизнь, которой у неё никогда не будет. Баскетбольная стипендия, без которой бедные дети не могли посещать колледж, наверняка выдавалась далеко не всем. Эмма не знала, была ли она достаточно хороша, чтобы её получать, или даже хотела ли этого. Лэнс был прав. Она ничего не стоила. Но по какой-то непонятной причине она по-прежнему надеялась. Ради этой надежды она играла.

По её лицу лился пот. Эмма неровно и прерывисто дышала, пропихиваясь, петляя, ведя мяч и выполняя броски. Она играла против противника намного серьёзнее, чем внутригородской соперник. Она рывками бегала по полю, меняя направление, изворачиваясь с мячом и оставляя защитников позади. Ей нравилось вести мяч к корзине, раскалывать защиту и держать его, обхватив руками и сражаясь за бросок. Было нечто особенное в том, как она остановилась у трёхочковой линии, бросила мяч и смотрела, как он следовал по пути к корзине и прошёл через сетку.

Она заработала три очка.

Мяч со свистом пролетел через кольцо, затем отскочил от пола один раз, два раза, потом, отскакивая, быстро покатился и остановился. Она ждала, что наступит молчание.

— Мне действительно нравится смотреть, как ты играешь.

Эмма повернулась в том направлении, откуда раздался голос. Райли стоял, прислонившись к стене, и смотрел на неё, небрежно скрестив руки и ноги.

Она провела рукой по лбу, убирая с глаз капли пота.

— Что ты здесь делаешь?

Несмотря на тон предостережения в её голосе, он казался невозмутимым. Всю прошлую неделю она жила в его доме, но они почти не проводили время вместе, переваривая её конфликт с Лэнсом и разрабатывая план того, что нужно делать дальше. Большую часть времени она была тихой. И хотя они молчали, он всегда оставался старым добрым Райли. Всегда был рядом, всегда защищал, всегда беспокоился о ней.

— Ищу тебя.

Эмма не ответила. Она не знала, как долго он оставался вне поля зрения и на неё смотрел, но ей следовало догадаться, что рано или поздно он пришёл бы.

— Ты была очень тихой в последнее время, — сказал он.

Сейчас было не время для таких разговоров. Она была ещё не готова и по-прежнему жила событиями прошлой недели, пытаясь прийти в себя. Эмма снова взяла мяч и повела его по полю в обратном направлении к корзине.

— Разве?

— Да, — сказал он, когда она бросила мяч в воздух. Они увидели, как он упал в кольцо. — Даже со мной.

Эмма не хотела оправдываться. Не хотела признать, что слова Лэнса по-прежнему играли в её голове, как заезженная пластинка, что, закрыв глаза, она представляла горящий взгляд отца или что она продолжала подвергать сомнению искренность дружбы Райли.

Он смотрел на неё, наклонив голову набок и приподняв брови.

— Не хочешь сказать почему?

Настойчивость. Когда она появлялась, терпение становилось не самым сильным его качеством.

— Здесь не о чем разговаривать, — ответила она. — Мне просто нечего было сказать.

Это было правдой. Хотя миллион мыслей роился в её голове, она отказывалась пытаться

подыскать слова, чтобы выразить их.

Он оттолкнулся от стены и подошёл к ней.

— Давай, Эм. Поговори со мной.

— О чём?

— О том, что с тобой происходит, — он повышал голос, словно пытаясь побороть возникающее чувство фрустрации.

Она бросила мяч на пол.

— Ничего со мной не происходит.

— Правда? — Райли что-то знал. Его тон указывал на то, что он давал ей возможность сказать правду и быть с ним честной. Он знал, что она что-то скрывает, но она не хотела уступать. Она не хотела ничем с ним делиться. Ей было нечем с ним поделиться.

— Да, правда, — подтвердила она.

Он кивнул, не соглашаясь с ней.

— Тогда объясни мне, почему ты отменила занятия с Эшли, Шайло и Пэйтон.

Эмма напряглась.

— Как ты об этом узнал? — она сделала всё, чтобы скрыть это от него, зная, что он не одобрит. Учить девочек играть в баскетбол, не было номером один в списке её приоритетов в данный момент.

— Эшли подошла ко мне и спросила, что с тобой не так. Она сообщила, что на тренировках ты просто делаешь вид, что играешь. И совершенно не проводишь времени с ними, — он положил руки на пояс, словно пытаясь сказать, что ждал ответов. — Так как ты мне ни о чём не поведала, я не знал, что сказать. Я сказал, что тебе нужно побыть одной.

Почему Эмме казалось, что весь мир лез в её дела? Сначала тренер, потом Эшли и теперь Райли. Где была черта, отделяющая её от других?

— Пустяки.

Он стоял напротив неё, скрестив руки и сверля её горящими глазами.

— Если бы это были пустяки, ты не прогуливала бы уроки.

— Ты шпионишь за мной? — твёрдо спросила она, парируя ему в тон. Пропуск занятий был совершенно нормальным и здоровым поведением для выпускника старшей школы, особенно для такого, у которого не было будущего.

— Если хочешь, можешь назвать и так, — ответил он. — Или можешь считать это моим беспокойством о тебе.

— Мне не нужно твоё беспокойство. Я в порядке.

Она отвернулась, страстно желая лишь снова оказаться в плену молчания. Было лучше погрузиться в плохие воспоминания о прошлой жизни, чем накопить новые с единственным человеком, потерю которого она не смогла бы пережить. Она не хотела ни его сострадания, ни его заботы. Она хотела его дружбу, не связанную обязательствами.

— В порядке, — повторил он.

— Да, в порядке, — подчеркнула она.

— Нет, не в порядке. Ты работала слишком упорно и зашла слишком далеко, чтобы сейчас сдать лишь из-за глупостей, которые наговорил тебе брат.

Она развернулась к нему лицом, сжав руки в кулаки. Её лицо горело, пока вылетали слова.

— Скажи мне, хоть что-то из того, что он наговорил, было неправдой? Не имеет значения, что я делаю. Я всегда останусь ни на что не годной.

Райли сделал два шага по направлению к ней и обхватил её голову руками, чтобы она не смогла отвести взгляд.

— Неправда, — твёрдо сказал он. — Ты умная, красивая, сильная и...

Её грудь сжималась с каждым сказанным им словом. Она освободилась от его хватки. Слезы лились рекой из её глаз.

— Тогда из-за чего ушла моя мама? — она задыхалась. — Почему мой собственный отец ненавидит меня?

— Это не так.

— Наоборот, — сказала она, качая головой и глотая слёзы. Ей не нужна была его ложь и приукрашенная картина её жалкой жизни, шадящие её чувства. Она больше не была ребёнком.

— Ты слышал, что сказал Лэнс, и видел взгляд моего отца. Ты не знаешь, каково это — смотреть на их лица каждый день и знать, что они презирают тебя. Ты не знаешь, каково это — чувствовать себя покинутой матерью, единственным человеком, который должен любить тебя безо всяких условий. Ты не знаешь, каково это, когда тебя защищает твой лучший друг, потому что о тебе больше никто не заботится, — она неуверенно испустила вздох поражения. Ещё две секунды и её тело бы рухнуло. — Я устала быть твоей убогой подругой.

— Когда ты это поймёшь? — сказал он спокойно и твёрдо. — Неважно, что говорят люди. Это не так. Я не жалею тебя. Я о тебе забочусь. Есть разница.

Она хотела верить ему, хотела понять, что их дружба была настоящей, но почему он был единственным человеком, который её не презирал?

— Откуда мне знать, что ты не говоришь это лишь потому, что ты славный парень.

Его взгляд смягчился.

— Ведь что бы ни произошло, я всегда был с тобой.

— Но ты оставишь меня, — сказала она, не в силах скрыть звучавшую в голосе боль и слёзы в глазах. Она хотела только лучшего для Райли, но не могла не думать о том, какая настанет жизнь, когда он её покинет. — В конце года ты уедешь в колледж и оставишь меня, как моя мать.

Райли покачал головой.

— Нет, — произнёс он мягко. — Даже тогда.

Дело было не в том, что он сказал, а как он это сказал. Он не оставил никаких сомнений. От искренности его слов из её глаз потекли новые слёзы. Отец и братья могли физически находиться рядом, но они игнорировали Эмму всеми возможными способами с того дня, как ушла мать. А Райли никогда её не покидал. У неё не было повода не верить ему на этот раз.

— Я не хочу быть такой же, как она, — сказала Эмма слабым и умоляющим голосом. — Я не хочу уехать в колледж и оставить семью из-за того, что мне кажется, что я заслуживаю лучшего, чем они. Я не могу..., — её слова заглушили всхлипы.

Райли смотрел на неё. Его лицо исказилось от боли. На этот раз у него не было готового ответа, чтобы устранить всю несправедливость. Он потянулся к ней. У неё не было сил противостоять ему, поэтому она упала на него, нуждаясь в его стойкости и дружбе, чтобы устоять на ногах. Она спрятала лицо у него на груди и заплакала. Все её мечты отыскать мать, снова завоевать любовь отца и разорвать цепи, связывающие её жизнь ограничениями, рухнули. Она отказывалась идти по стопам своей матери и причинить семье большую боль, даже если это значило, что ей придётся жить в гараже всю оставшуюся жизнь.

Райли держал Эмму, позволяя лить слёзы, накопленные за многие годы. Он сжимал её в своих объятиях, разделяя её участь. Он был с ней заодно всегда: когда ушла её мать, когда в школе её дразнили дети, когда братья изливали на неё свой гнев. Райли всегда был рядом.

Даже после того, как рыдания Эммы стихли, он держал её в своих крепких объятиях. Никогда в жизни она не представляла себя выпускающей пар и рыдающей, как девчонка, на груди у Райли или у кого-нибудь другого. Если бы на месте Райли был Том, он бы подразнил её. Джерри пошутил бы над ней, не веря в то, что его суперзвезда способна плакать. А отец и братья игнорировали бы её, не зная и не заботясь о том, чем они могли бы помочь.

Спустя некоторое время Райли выскользнул из куртки и надел её ей на плечи. Вытерев слёзы с её щёк, он прижался губами к её лбу.

— Идём.

Он схватил со скамьи её сумку и, обняв рукой за талию, пошёл с ней рядом по спортивному залу к выходу. За несколько секунд до того, как они подошли к двери, она открылась, и перед ними появилась Эшли.

— Привет, ребята, — запыхавшись, произнесла она. — Я просто забыла свой...

Увидев опухшие глаза Эммы и следы от слёз на щеках, она остановилась.

Её зрачки расширились, а лоб сморщился.

— Ты в порядке?

— Она в порядке, — заверил её Райли, крепче обняв Эмму. — Она просто ненавидит, когда я выигрываю её в баскетбол.

Какой бы несчастной Эмма себя ни чувствовала, она улыбнулась.

— Размечтался.

Он захихикал и поцеловал её в макушку.

— Увидимся позже, детка.

Слабое «пока» Эшли проскользнуло через приоткрытую дверь прежде, чем они закрыли её за собой.

Эмма глазела в окно, пока Райли сидел за рулём и вёл машину по тёмным улицам к дому. Всю прошлую неделю Эмма делала всё, что могла, только чтобы держать себя в руках. Сейчас она устала. Райли почти ничего не говорил. Он смотрел через лобовое стекло на расстилающуюся перед ним дорогу, одной рукой держа руль, другой сжимая её ладонь. Время от времени он бросал на неё взгляд, чтобы удостовериться, что она не выпрыгнула из джипа и не улетела прочь.

Они проезжали мимо её дома, и она не могла удержаться, чтобы не взглянуть. Через переднее окно она увидела, как её отец и братья вместе смотрели телевизор, чем они занимались почти каждый вечер. Они смеялись над каким-то шоу. На этот раз так, словно в мире всё было как надо. У Эммы перехватило дыхание. Она отвернулась, осознав, что семья по ней не скучала. Им нравилось её отсутствие.

Она почувствовала, как Райли сжал её руку, и, взглянув на него, увидела его улыбку, обращённую к ней.

— Всё будет хорошо, — произнёс он. — Я обещаю.

На Эмму кто-то смотрел. В коридоре, где было полно студентов старшей школы, это осознание пришло не из-за зрительного контакта, установленного с виновником, а из-за чувства тревоги в душе. Без всякого сомнения, с неё кто-то не сводил глаз. Это было не то ощущение, когда на неё краем глаза смотрел Райли, думая, что она ничего не замечает. Это было ощущение, что на неё смотрели в упор. Учитывая, что Райли шёл на пятый урок, Эмма поняла, что это был не он, но чувство, что она была объектом чьёго-то внимания, её не отпускало. В поисках виновника она посмотрела вокруг.

Эшли.

Эмма попыталась игнорировать взгляд, сверлящий её затылок и следивший за каждым её движением, но не могла.

— Прекрати, — крикнула она через плечо первокурснице. — Я серьёзно.

Оказавшись рядом и по-прежнему глядя на неё, Эшли спросила:

— Ты в порядке?

Эмма проворчала:

— В миллионный раз повторяю. Да.

С того момента, как Эмма перешагнула порог школы, и до текущей минуты Эшли заявляла о своём присутствии, уставившись на неё. Пока что усилия Эммы заставить детку забыть о незначительном происшествии прошлого вечера были напрасны.

— Вчера у меня, должно быть, было что-то вроде нервного срыва, но всё прошло. Так что перестань, пожалуйста, смотреть на меня так, словно я сейчас разлечусь на миллион осколков.

— Прости, — сказала Эшли. — Просто я раньше никогда не видела, как ты плачешь.

Эмма закатила глаза.

— Да, мысль о том, что у такого человека, как я, на самом деле есть чувства, удивительна, не правда ли?

Эмма, в отличие от всего остального женского населения, не заливалась слезами каждую вторую секунду, чтобы привлечь внимание, но это не означало, что она была чудом природы.

— Я не это имела в виду, — запротестовала детка. — Я просто хочу помочь.

— Да, ты и любой другой на планете, — в своём голосе Эмма услышала больше сарказма, чем ожидала, но серьёзно, почему все проявляли к ней внезапный интерес? Что за надоедливая, удушающая и ужасающая грубость?

Эшли наклонила голову. Несмотря на каштановые волосы, отбрасывающие тень на её лицо, Эмма увидела, как у детки задрожал подбородок. Неужели с точки зрения первокурсницы выглядеть такой разбитой было незаконно? У Эммы сжалось в груди. Если бы у Эшли из глаз скользнула хоть одна слеза, Эмма возненавидела бы себя навеки.

Она никогда не хотела причинить детке боль. Взглянув Эшли в лицо, Эмма поняла, что речь дело-не-в-тебе-дело-во-мне не улучшит положение, поэтому она попыталась найти другой подход.

— Видишь ли, моя жизнь уж точно не... — как можно было выразить это неоскорбительными девчачьими словечками? — не бабочки и не розы.

Она не смогла не допустить в словах некоего подбострастия.

— Мне просто нужно было побыть одной.

— Нужно было. Предикатив употреблён в прошедшем времени, — официально заявила Эшли. — Это означает, что мы можем возобновить тренировки? Сегодня?

Эмма знала, что если бы ответила «нет», то пожалела бы об этом. Не говоря уже о чувстве вины перед Райли и Эшли, которого она не вынесет.

— Конечно, почему нет?

Эшли бросилась к Эмме и обвила худыми руками её талию.

— Спасибо, тренер.

— Я говорила тебе, — произнесла Эмма, выкручиваясь из объятий Эшли. — Я не твой тренер. Никогда не называй меня больше так.

— Хорошо, тренер, — сказала Эшли. — Я сообщу Шайло и Пэйтон.

— Теперь исчезни, — приказала Эмма, слегка подталкивая её вперёд через холл. Школе следовало проводить политику первокурсники-должны-быть-увиденными-а-не-услышанными. Выпускники не обязаны их терпеть.

Эмма не смогла удержаться, чтобы не покачать головой и не засмеяться, когда Эшли столкнулась с одним человеком, потом с другим, пытаясь добраться до класса. Вероятно, ей не пришлось бы так туго, если бы она не оборачивалась настойчиво каждые пять секунд, чтобы помахать Эмме.

Вот так Эмма пыталась перешагнуть через случившееся и вернуться к нормальной жизни. Какой бы она ни была.

* * *

«Монополия». Когда в неё играли два человека, один выходил главным победителем, другой — большим неудачником. «Монополия» была любимой игрой Райли. Не потому, что он всегда проигрывал. Нет. Скорее всего, это относилось к Эмме. Что бы она ни пыталась делать или не делать, она никак не могла одержать победу в этой глупой игре. Она могла начать с двумя тысячами дополнительных долларов и половиной всего имущества, но, несмотря на это, каким-то образом умудрилась бы всё потерять, отдав в загребущие руки Райли. Это было печально. Но время от времени она уступала его мольбам и давала согласие разложить на полу «Монополию». Дозволенное ей продолжительное вторжение в частную жизнь семьи Лэджеров считалось одним из таких случаев.

Разложив игру на полу в гостиной, они оба, развалившись, сели возле неё. Эмма пристально смотрела, как Райли считал свои деньги. Возможно, он был лучшим другом во всём мире, но, играя в «Монополию», он не проявлял милосердия. Райли играл до полного уничтожения.

— Я покупаю четыре отеля, — с усмешкой сказал он.

Щелчком пальца он разрушил дома на Парк-Плейс и Бордвок, освободив пространство для своих недавно приобретённых отелей, которые, без сомнения, оставят её банкротом после следующего хода. Эмма, в отличие от большинства людей, всегда приземлялась на Парк-Плейс или Бордвок, особенно после того, как Райли начинал возводить там недвижимость.

— Как ты всегда ухитряешься купить отели прежде, чем я могу позволить себе первый

дом? — это был вопрос, который она задавала каждый раз, когда они играли в эту глупую игру. Она не могла смириться.

— Стратегия, мой друг, — у него не было никаких проблем с возведением отелей на участках, на которые она наверняка приземлилась бы, бросив кубик в следующий раз.

— Стратегия. Вздор.

Давным-давно он лишил её всяких прав быть банкиром или настоящим менеджером по недвижимости, обвинив в мошенничестве. Извините, но когда с вами жестоко расправляются во время каждой игры в «Монополию», любой пойдёт на крайние меры, чтобы сделать игру хотя бы частично конкурентной. Со временем она переключила своё внимание от попыток на самом деле выиграть игру — понимая, что это была невозможная цель, — к выяснению того, сколько она могла хитрить, чтобы улизнуть прежде, чем он поймает её. К тому же она знала один-два стратегических приёмчика.

Раздался стук в парадную дверь.

Райли показал на неё пальцем, поднимаясь с пола, чтобы ответить.

— Тебе лучше не жульничать, когда я повернусь спиной.

— Да, разумеется.

Стук в парадную дверь, отвлекающий его от игры. Разве это не лучшая возможность, чтобы схитрить?

— Я и не думала об этом, — сказала Эмма, пытаюсь понять, могла ли она украсть деньги из банка, чтобы оплатить проживание в его отеле. Или бросить кубик и перевернуть цифры, чтобы избежать опасной зоны. А может, и то и другое? Она ждала подходящего момента, чтобы сделать ход, но он смотрел одним глазом на неё, другим — на дверь, что означало, что она должна была действовать быстро.

Райли открыл дверь, и она увидела, как его улыбка исчезла. Он нахмурился, когда его внимание полностью переключилось на гостя.

— Привет, Райли. Моя сестра у тебя?

Её сердце замерло при звуке голоса Логана.

Райли не ответил. Он схватил дверную ручку, загородив телом дверной проём и не проявляя никаких признаков движения, чтобы позволить Логану пройти.

— Пожалуйста, — сказал Логан.

Эмма, забыв о своей хитрой стратегии, встала.

— Райли, — произнесла она с предостережением в голосе, — всё в порядке.

Тело Райли было неподвижно. Он бросил взгляд по направлению к ней, прежде чем отойти в сторону и пропустить Логана в дом.

Логан сделал шаг вперёд и закрыл за собой дверь. Он сунул руки в карманы и покачался на пятках, прежде чем на полсекунды задержать на ней взгляд.

— Привет, сестрёнка.

— Привет, — она не поняла, был ли он здесь как брат или как посланник отца. Если кого-то и послали сообщить, что ей больше не рады дома, так это Логана.

Райли встал рядом с ней, не сводя с Логана глаз. Она знала, что он будет действовать без колебаний, если Логан, что-то сказав, переступит грань дозволенного.

— Как дела? — спросил Логан.

— Она в порядке, — выплюнул Райли. — Не благодаря тебе.

Эмма шлёпнула его по животу. Обычно Райли никогда не вмешивался в дела её семьи, но после последнего инцидента она поняла, что не сможет его удержать.

— Я в порядке, — повторила Эмма, зная, что пустой разговор не так уж и важен.

— О том, что произошло между тобой и Лэнсом, — сказал Логан. — Прости. Ты же знаешь, как порой он ведёт себя.

Из всех братьев Логан был единственным, кто не старался изо всех сил сделать её жизнь несчастной или заставить почувствовать себя полной идиоткой, но у него была раздражающая привычка пытаться приукрасить вещи или решить проблемы, прося прощения. Она могла брать сахар лишь до тех пор, пока у неё не появлялась рвота.

— Да, — произнесла она, скрестив руки. — Я знаю, как порой он себя ведёт, но ты не видел его лица. На этот раз он не просто выпускал пар. Он взвешивал каждое слово, прежде чем сказать.

Обычно она могла отпустить свою ненависть к семье, и она исчезала прочь без непоправимых последствий, но на этот раз всё было по-другому. На этот раз она не хотела закрывать чувства на замок, надеясь, что со временем всё рассеется само собой.

— Эмма, — сказал Логан. — Отец хочет, чтобы ты вернулась домой.

Она глубоко вдохнула и медленно выдохнула, пытаясь сохранить спокойствие.

— Он так сказал?

Логан засунул руки глубже в карманы и пожал плечами.

— Ты же знаешь отца.

Какой бы слабой ни была её надежда на папу, она исчезла.

— Да, я знаю отца.

Их отец был немногословным человеком. Вероятность того, что он о ней что-то говорил, была сомнительной. Кроме того, даже такой срок, как неделя, не смог стереть в её памяти взгляд, который она в последний раз видела на его лице.

— Он хочет видеть меня в доме не больше, чем остальные из вас.

Логан вытащил руки из карманов и подошёл на шаг ближе к ней. Райли сделал то же самое. Брат схватил её рукой за предплечье.

— Ты не можешь надеяться на то, что наша семья станет идеальной...

— Кто-нибудь что-то говорил о совершенстве? — прокричала она. — Мне хватило бы и подобия. Ты всегда сидишь, уткнувшись носом в книгу и закрываешь глаза на всё, что происходит. Лэнс набрасывается на меня при любом удобном случае. Отец ненавидит меня из-за того, что ушла мать. Лукас и Ленни обращаются со мной скорее как с призраком, чем сестрой. Ты пришёл сюда сказать мне, что отец хочет, чтобы я вернулась домой. Но судя по его взгляду, который я видела в последний раз, я последний человек, которого он хотел бы видеть.

Логан посмотрел на Райли, потом снова на неё. Эмма чувствовала, как его волнение росло. Он не любил конфликты, но она была не в настроении их избегать.

— Решение за тобой, — Логан бросил ещё один твёрдый взгляд на Райли. — Но твоё место не здесь.

Эмма вздрогнула, словно он ударил её. Впервые она слышала, как Логан говорил тоном Лэнса. Впервые она увидела, как сам он хмурился по-братски. Неважно, послал отец его забрать её или нет, она знала настоящую причину визита. Хотя Райли всегда был постоянной частью её жизни, никто из её братьев не подружился с ним. После обвинений Лэнса Эмма, наконец, поняла почему. Райли был символом всего, что они ненавидели: деньги, идеальные семьи и безграничные возможности. Как бы сильно они ни презирали её, Райли и его семью они презирали больше. Может, они и не хотели видеть её дома, но чтобы она жила с Райли и

его родителями они не хотели точно. Логан пришёл напомнить им обоим, Райли и Эмме, что она не была членом семьи Лэджеров. Для них она была недостаточно хороша.

Поведение Логана убедило Эмму, что он, как и Лэнс, был на неё в обиде. Только Логан лучше это скрывал. Она хотела, чтобы брат ушёл сам, оставив её и Райли смотреть ему вслед.

— Какая наглость с его стороны прийти сюда и сказать, чтобы ты отправлялась домой, — Райли почти кричал. Его пальцы сжимали её талию. — Он не лучше всех остальных членов твоей семьи.

— Расслабься, Райли. Он просто...

— Я не могу расслабиться! — крикнул он. — Эм, Логан сидел рядом, пока Лэнс рвал тебя на куски и ничего не сделал. Он никогда тебя не защищал. Он никогда и ни на что не выражал своего мнения. Тем не менее, он пришёл сюда после того, как твоя семья тебя отвергла, и говорит, что тебе здесь не место и что тебе надо идти домой, — Райли покачал головой. — Я не буду это терпеть.

Она открыла рот, чтобы так или иначе заступиться за свою семью, но он её опередил:

— Не вздумай защищать их. Они этого не заслуживают.

Может, Райли был прав, но Эмма не могла этого не сделать. Она освободила руку от его хватки.

— Тогда перестань ставить меня в положение, в котором я чувствую себя обязанной их защитить.

— Прости, — неуверенно сказал он, — но когда кто-то имеет дело с тобой, он имеет дело и со мной.

— Как доблестно с твоей стороны! — с сарказмом сказала она. — Ты настоящий рыцарь в сияющих доспехах.

Без предупреждения Райли схватил Эмму за талию и прижал к стене. Она не знала, как реагировать на то, что оказалась в ловушке, поэтому просто посмотрела на него, а он на неё.

— Ты же знаешь, я сделаю что угодно, чтобы защитить тебя, тем более от твоих братьев. Если это означает, что я должен быть твоим рыцарем в сияющих доспехах, тогда так и будет.

Он завершил заявление надменной улыбкой, и она засмеялась, понимая, что он отказывался позволить её семье вбить клин между ними.

— А белая лошадь тебе для этого не нужна?

Райли пожал плечами.

— Формальности.

Их лица были всего в нескольких дюймах друг от друга, и если бы Райли захотел, он мог снова её поцеловать. Судя по его виду, он хотел, но вместо этого отпустил её.

— Твоё место здесь, — сказал он, сделав шаг назад. — Лэджеры — фанаты Эммы Врангтон номер один.

Ей следовало засмеяться над его банальным замечанием, закатить глаза или игриво толкнуть его, но она знала, что он прав. Лэджеры всегда были готовы прийти ей на выручку. Хотя в семье ей приходилось несладко, Эмма знала, что она всегда могла прийти в дом Лэджеров. Возможно, поэтому она нашла в себе силы вернуться к семье, не боясь того, что произойдёт дальше, а не пряталась в страхе снова испытать боль. Два дня спустя, не смотря на протесты Райли, она стала собирать вещи.

— Ты уверена, что это хорошая идея? — спросил Райли, пока Эмма брала свои вещи и засовывала их в рюкзак. Он сел на диван, держа в руках её толстовку, как плюшевого медвежонка, которого он не хотел отдавать.

— Хорошая идея? — она пожала плечами. — Но я не могу остаться здесь навсегда, Райли.

— Почему нет?

— Потому что я не могу прятаться от своей семьи. Ты имеешь право на личную жизнь, и твоим родителям не нужен ещё один подросток в доме, — она показала на себя. — Особенно этот.

— Тебе здесь всегда рады, ты это знаешь.

Эмма протянула руку, чтобы взять свою толстовку, но вместо того, чтобы её отдать, Райли схватил её за руку и встал.

— Ты обещаешь вернуться, если дела пойдут плохо?

— Я ничего не обещаю, — последнее, чего она хотела, — это стать для Лэджеров обузой. Ведь они уже столько сделали для неё за все эти годы. — К тому же они моя семья. Они не причинят мне боль.

— Они уже это сделали, — произнёс он низким и свирепым голосом.

— Я имею в виду физическую.

— Порой самые глубокие раны наносятся не физически.

Эмма не смогла опровергнуть замечание Райли. Тем более он так на неё смотрел, словно видел сквозь её внешнюю невозмутимость всю боль и страх, которые она всегда старалась от него скрыть.

Райли положил руки на её щёки.

— Хочешь, я пойду с тобой? Только чтобы убедиться, что всё будет в порядке.

Эмма покачала головой. Как бы сильно ей ни хотелось быть рядом с ним, она не могла позволить ему пойти вместе с ней. Предсказать реакцию, которую вызовет её приход домой, было невозможно. Она не хотела, чтобы он стал свидетелем скандала, если что-то пойдёт не так, и каким-то образом должна была оградить его и не подвергать воздействию своей семьи.

— Всё будет хорошо.

Он прижал её к себе, словно ни в коем случае не хотел отпускать.

* * *

Логан сказал, что отец ждал Эмму дома, но продемонстрировал тот это образом весьма смешным. За двенадцать часов, которые, вернувшись, она провела дома, ничего не изменилось. Не было ни извинений, ни напряжённых бесед, ни семейного времяпровождения, ни попыток обращаться друг с другом лучше. Лишь молчание и холод встретили её.

Следующим утром после своего возвращения она вошла в кухню. С тех пор, как неделю назад Райли вытащил её из дома, она в первый раз была в одной комнате с отцом и всеми четырьмя братьями. Как только Эмма вошла, их разговор прервался. Она не обольщала себя надеждой, что они говорили о ней. Эмма села за стол и насыпала себе в тарелку хлопья. Отец стоял у столешницы с нетронутой чашкой кофе в руках. Лэнс согнулся над едой и даже не смотрел в её сторону. Не то чтобы он был способен на сожаление или что-то в этом роде. Логан посмотрел на неё поверх книги, словно говоря: «Что ж? А чего ты ждала?» Даже

Лукас и Ленни были необычайно спокойны.

Она отодвинулась от стола и подошла к отцу. Она не была идиоткой и не собиралась конфликтовать с ним или что-то в этом роде. Ни в коем случае она не хотела посмотреть ему в глаза и снова увидеть всю правду. Она подошла к нему с одной целью — в последний раз попросить его прийти и посмотреть на её игру. Даже если бы он остался лишь на пять минут, этого было бы достаточно, чтобы убедить её, что с её семьёй было не всё безнадежно.

— Отец, я...

Он прокашлялся, поставил чашку на столешницу и отошёл от неё на шаг.

— Хм, мне нужно рано на работу. Логан, проследи, пожалуйста, чтобы твои братья сегодня не натворили глупостей.

Больше ничего не сказав, отец её оставил. Ушёл из дома, словно чтобы оказаться подальше от неё. Она была неподвижна.

Из-за отторжения отца глаза Эммы обожгли слёзы, и она тяжело опустилась, прислонившись к шкафу, не в силах стоять без опоры. Неужели с этого момента так будет всегда? Отец не может находиться с ней в одной комнате? Она посмотрела на братьев, будучи убеждённой, что увидит их ухмылки, но Ленни и Лукас молча смотрели в свои тарелки, а Логан не сводил глаз с Лэнса, который уставился на неё. Уже довольно долго она не видела в глазах Лэнса ничего, кроме ненависти, но теперь в них появился страх. Возможно, потому что он осознал, что его вспышка нанесла больше вреда, чем он ожидал.

Лэнс отвёл взгляд, и в этот момент у неё внутри что-то переменялось. Эмма целые годы толкла воду в ступе, надеясь, что семья полюбит, примет её и проявит хоть какой-нибудь признак заботы о ней. Лишь сейчас она осознала, что искра надежды, так долго вынашиваемая ею, не держала её на плаву, а топила. Сколько бы она ни пыталась отрицать это, вся семья уже очень давно отказалась от неё. Исчезновение матери в разгар ночи, неспособность отца посмотреть ей в глаза, братья, предпочитающие её отсутствие. Она потеряла их без возврата. Всё это время она была одинока, обделённая любовью и не принятая семьёй. Эмма вытерпела годы их насмешек и холода, но осталась жива.

Возможно, Райли был прав, и она была достаточно сильной. Достаточно сильной, чтобы не повторять судьбу своей семьи. Достаточно сильной, чтобы идти своим путём.

Крепко схватившись руками за край столешницы, она глубоко вздохнула и, не зная, что делать, сделала единственное, что могла.

Ушла.

Эмма пошла той же дорогой, по которой неделю назад вёл её Райли, забирая из семьи. Вприпрыжку она спустилась по ступенькам крыльца, рывком одолела двор и свернула направо на тротуар, на этот раз, зная о своём предназначении.

Да, в ней что-то изменилось — что-то, что она не могла объяснить, — но она поняла, что время действовать. Она устала жить жизнью, основанной на ограничениях, которые устанавливали для неё другие. Устала чувствовать себя загнанной в ловушку членами семьи, которые, казалось, решительно подавляли её. Устала находиться в стороне от жизни, которую должна была прожить.

Она была готова.

Готова осветить свой мир огнями и смотреть, как он оживает, а не ждать и надеяться, что всё изменится к лучшему.

Зная, что Лэджеры даже по субботам встают рано, Эмма не побоялась их разбудить, спустя несколько мгновений постучав в их парадную дверь.

Она улыбнулась, как девчонка, когда услышала по ту сторону двери голос Райли.

— Я поняла.

Он открыл дверь, натягивая через голову свитер и улыбаясь в ответ.

— Привет, Эм. Что нового?

Если Райли и удивился, увидев её живой и невредимой после встречи с семьёй, он этого не показал.

— Мне нужна твоя помощь, — выпалила Эмма, всё ещё пытаюсь восстановить дыхание после бега.

Он смущённо сдвинул вместе брови.

— Помощь в чём?

Она возбуждённо заламывала руки, готовая продемонстрировать силу, об обладании которой никогда не подозревала.

— Настало время для столкновения моих двух миров.

Мальчики.

Девочки.

Лучшей частью прошедших двух месяцев для Эммы стала борьба за существование между отдельными мирами, но сейчас, когда матч-реванш против Эвергрин маячит в ближайшем будущем, она решила изменить тактику игры. Баскетбол может уже и не был самой важной вещью в мире, но он единственное, что было у неё. Она могла вечность ждать каких-нибудь изменений в её семье, надеясь, взглянув на годы боли, пролить свет на будущее, но знала, что тогда она будет ждать напрасно. Баскетбол был здесь и сейчас, и настало время, что она перестала ненавидеть девчонок и обняла их как товарищей по команде — не в буквальном смысле, конечно.

Выносливость Эммы на площадке не появилась в одночасье, как и не была результатом игры один на один с мальчиком на улице. Неприязнь, уступающая уважению от кучки соседских мальчишек, которые были полны решимости сделать или сломать её, вот что сформировало Эмму как баскетбольного игрока. Каждый раз, когда ребята ставили подножку, толкали её, играли нечестно или унижали её, она брала себя в руки и возвращалась обратно, полная решимости не дать им победить. Если ребята помогли ей, то и девочкам могли тоже помочь.

Команда девочек Брэдшоу была хороша, но если они хотели победить у Эвергрин, то им нужно было повысить уровень игры. Пришло время, превратить девчонок в настоящих игроков. Конечно, они никогда не слушали её. По крайней мере, не без небольшого стимула.

С той глупой пижамной вечеринки, девушки стали в обязательном порядке появляться по субботам на площадке и смотреть, как Эмма и парни играют в баскетбол. Сбиваясь в кучку на металлических скамейках, они шептались и хихикали, при этом их глаза и уши были направлены на парней, несомненно, пытаясь поднять болтовню на уровень мужской дружбы. Эмма никогда не давала возможности присоединиться. Они всегда были зрителями, а не игроками.

До сих пор.

Они сидели на трибунах, как птицы на телефонных проводах, и глазели на поле и на парней в течение многих недель. Эмма обычно игнорировала их, и делала вид, что их не существует, но не сегодня. Сегодня она подошла, чтобы встать перед девушками и заговорила достаточно громко, чтобы услышали все.

— Девчонки, вы готовы сыграть?

Мэдисон вздрогнула, как будто случилась боевая тревога, в то время как Лорен и остальные девочки замерли.

— Если мы хотим, чтобы у нас был шанс против Эвергрин, то нам необходимо научиться играть по-умному, неважно, какие грубые вещи будут происходить на площадке, — сказала Эмма. — Ребята готовы нам помочь, так что вы скажете?

— Это какая-то шутка? — спрашивает Лорен.

— Нет, не шутка. Я обещаю. — Если бы она была бойскаутом, то изобразила бы священное обещание, но поскольку она не была, то её слова должны были сделать это. — Я хочу разгромить Эвергрин так же, как и остальные, и я готова сделать для этого всё, что угодно.

— Мы ждём вас, милые девушки, — прокричал Том с поля.

Мэдисон встала и прыгнула с трибун.

— Я согласна.

— Подожди, — Лорен протянула руку и схватила Мэдисон, прежде чем перевести ненавидящий взгляд на Эмму. — В чём подвох? Ты игнорировала нас с того дня, как мы появились здесь, а теперь ты вдруг захотела включить нас? Почему нас это должно волновать?

Мэдисон резко развернулась к своей лучшей подруге.

— Заткнись, Лорен. Эмма лучшая баскетболистка, которую я видела, и если она хочет помочь нам победить Эвергрин, тогда ладно. — Мэдисон вырвалась из рук Лорен и положила руку Эмме на плечо. — Я в деле.

Мэдисон присоединилась к парням на поле, и каждый дал ей "пять". Не заняло и минуты для остальной части команды, чтобы присоединиться к ней. С девчонками всегда проще. Единственное, что нужно, чтобы мотивировать девочек, это поманить их парнем. Эмма не могла не улыбнуться и покачала головой. Лорен увидев, что друзья покинули её и присоединились к парням на поле, наконец-то тоже сдалась.

— Вот в чём дело, — сказала Эмма, привлекая парней и девчонок, разбросанных по всей площадке. — Мы играем в настоящий баскетбол. Девочки против парней. Девчонки, надеюсь, что мы победим. Ребята, покажите всё, на что способны.

Эмма забрала мяч, надеясь, что план по столкновению обоих миров не провалиться. Последнее, что она хотела, чтобы ребята устроили показуху, а девчонки изображали девиц в беде. Райли встал напротив Эммы. Она начала протестовать, зная, что он мог много чего предложить другим девочкам, но он покачал головой.

— Ты самая большая угроза в команде девочек. Я не оставлю тебя без защиты, — он подмигнул ей. — Кроме того, я всё ещё могу тебя чему-нибудь научить.

Её улыбка была под стать его. Ооо, это будет круто, подумала она.

Эмма ударила мячом, чтобы начать игру и увидела, как все девушки замерли, как будто забыли всё, чему научились за последние два месяца. Она подумала, что придется ждать вечность, прежде чем они выйдут из своего транса, но потом она увидела силуэт фигуры, проникающий через защитников. Бросая мяч в штрафную, Эмма заметила, как Эшли схватила его из воздуха, повернулась к корзине и сделала бросок в прыжке, прежде чем любой из парней смог среагировать. Райли взглянул на Эмму, как будто спрашивая "Что это было?", но она просто улыбнулась и сказала — Это моя девочка.

Девушки выпали из своего бессознательного состояния, и ребята получили возможность проверить утверждение о том, что новичкам везёт. С девчонками, опережающими на два очка и парнями, желающими закинуть мяч в кольцо, произошло столкновение двух миров Эммы в игре в баскетбол. Ни грубость, ни показуха, ни гордость не разделили команды. Эмма выкрикивала инструкции своей команде, говоря им куда двигаться, когда пасовать или делать бросок, и чего остерегаться, чтобы предотвратить контроль парней на площадке. Она останавливала игру несколько раз, чтобы показать девушкам, как закрепить защитника за ними, как заслониться или как читать оборону, но в остальном они играли. Эмма слышала, как ребята подсказывают девушкам на разных позициях, и она замечала, что девушки слушаются. Иногда. В другой раз они просто запоминают их советы, чтобы использовать в дальнейшем, и совершают другое действие, чтобы показать, что на самом деле, у них есть собственные навыки.

В течение многих лет Эмма играла в баскетбол с парнями. Они научили её силе, стратегии, и как выстоять. Они научили её работе в команде, лояльности и доверию. Но когда она оказалась в противоположной команде — команде девушек — Эмма заметила какую-то разницу. Может быть, девушки играли с меньшей агрессией и с большей грацией, или, может быть, их уверенность в том, что нужно играть больше в команде, чем в одиночку. Неважно, что это было, но играть в женской команде было по-другому. Не всегда с девочками играть было лучше, но не обязательно... плохо.

Игра продолжалась в течение нескольких часов. К тому времени как Мэдисон отдала последний пас Шайле, которая шла на равных с Беном и обманула его же движением, они все потеряли счёт очков, но это было и неважно. Эмма наблюдала, как её товарищи по команде двигались по полю, и она знала, что они готовы — готовы к матчу-реваншу против Эвергрин и для второй попытки доказать всем, что они вовсе не неудачники.

Эмма отвернулась от парней и девчонок, не в силах остановить улыбку, расплывающуюся на губах. Кто бы мог подумать, что эти девочки — эти ноющие, плачущие, устраивающие истерики девочки — смогут, на самом деле, сыграть в хороший баскетбол.

Она устроилась на трибунах, ожидая, что девушки уйдут, но они удивили её, столпившись вокруг. На этот раз, более заинтересованные баскетболом, чем мальчиками.

Посмотрев на поле, она увидела, как Том даёт указания Лорен о том, как изобразить фол в нападение, Бен показывал Шайле, как осуществить слепой пасс, а Джерри учил Эшли нескольким трюкам, как обороняться от того, кто в два раза больше неё, и чтобы тебя при этом не отдубасили. Райли забрался на трибуны и сел рядом с ней.

— Привет.

— И тебе привет.

Он положил ноги на скамейку перед ними и упёрся локтями в колени, повернув голову, чтобы посмотреть на неё.

— Ты знаешь, что ты гений, правда?

Эмма пожала плечами.

Столкновение двух её миров оказалось лучше, чем ожидалось. Она наблюдала за парнями и девочками, общающимися на поле. Два месяца назад она не думала, что кто-либо из девчонок сможет сделать приличный бросок в прыжке, гораздо меньше бросок в кольцо и набрать очки каким-нибудь фантастическим движением в игре против парня. Больше всех её удивила Эшли. Джерри вытащил Сая поиграть два-в-одного против Эшли, чтобы она могла больше попрактиковаться встречать противника под кольцом.

Райли проследил за её взглядом и кивнул в сторону поля.

— Ты проделала потрясающую работу с первокурсницей. Она выглядит так, как будто играла в течение многих лет.

Она засмеялась, ударив его по колену.

— Ты что сомневался во мне? — пошутила она.

Он покачал головой.

— Даже ни на секунду, — они наблюдали, как Эшли держалась против двух мальчиков, больше неё в два раза. Пару месяцев назад они съели бы её живьём, но сейчас она находила путь к кольцу каждый раз, без намека на страх, удерживающий её.

Райли кивнул в сторону Эшли.

— Эта новенькая напоминает мне тебя.

— О, правда? — Эмма повернула голову в её сторону, ожидая язвительного ответа. —

Как так?

— Люди, только взглянув на неё, думают, что разобрались в ней. Она неуклюжая, маленькая, неопытная и никто не ожидает многого от неё, но через некоторое время, они понимают, как много она может предложить. — Он повернулся, чтобы посмотреть на Эмму, и она замерла от интенсивности его взгляда. — Прямо как ты. С первого взгляда люди могут увидеть сорванца, бедного ребёнка, девушку, которая мало чего может предложить миру, но потом, когда присмотришься, и всё в тебе меняется. Они видят то, что я всегда вижу.

Дыхание Эммы застряло в горле, и она не могла ничего сделать, кроме как пялиться на него, а сердце переполнялось чувствами в груди. Он удерживал её взгляд в течение долгой минуты, прежде чем переключить внимание на парней и девушек на баскетбольной площадке.

— Большинству людей не хватает достаточно времени, чтобы пройти одного защитника, но ты можешь обойти двоих, иногда и троих, без страха. Ты обводишь игроков, как будто они деревянные столбы, ты ведёшь мяч, словно он часть тебя, а каждый бросок, который ты делаешь, само проявление изящества и грации. Твоя решимость и сила, твоя любовь к игре — когда ты играешь, ты показываешь всё лучшее, что есть в баскетболе. — Он замолкает и снова смотрит ей в глаза. — Ты делаешь игру достойной, чтобы смотреть.

Его слова шокировали её до глубины души. Как она должна была реагировать на это? Она видела много баскетбольных матчей и игроков, чтобы знать о чём он говорит. Баскетбол связан с проходами, бросками, прорывами, невозможными ударами, сделанными за секунду до окончания матча, и с другими моментами, которые заставляют людей вскакивать со своих мест, чтобы подбодрить команду. Однако, иногда не сам баскетбол, а игрок делает всё стоящим просмотра. Игрок, чья проницательность и мастерство игры, заставляют зрителей качать головой в изумлении. Игрок, привлекающий интерес людей, нелюбящих этот вид спорта. Для кого-то как Эмма, нет лучшего комплимента, чем тот, который сделал Райли, особенно, учитывая, что такие игроки не часто приходят сюда. Это была не та похвала, которую он мог сказать, если бы действительно не думал так. Эмма не знала, доросла ли она до такого утверждения, но было приятно осознавать, что он думает о ней таким образом.

Их внимание снова вернулось на площадку. Эмма не могла оторвать глаз от новенькой. Эшли обвела Джерри, уйдя влево, увидела небольшую задержку в движении Сая и проскользнула между ними, чтобы сделать открытый бросок.

— Она научилась этому у тебя, — сказал Райли.

Эмма посмотрела на него. Если она не остановит поток комплиментов Райли, то, возможно, начнет реветь как идиотка.

— Если бы я не знала тебя лучше, то подумала, что ты завидуешь.

— Завидую, — повторил он, поднимая брови.

Она кивнула.

— Завидуешь моим сумасшедшим навыкам.

— О, я покажу тебе сумасшедшие навыки, — он обнял её, нашёл пальцами рёбра и начал щекотать. Она засмеялась, пытаясь освободиться от его хватки. Но не тут-то было. Её тактика побега не могла сравниться с его силой и умением щекотать.

— Ок, — выдохнула она. — Я прошу пощады.

— Так я и думал, — сказал он самодовольно, сажая её спиной к себе, прислонившись к краю трибуны и положив ноги на сиденье ниже.

Она устроилась на сгибе его руки — единственное место, где, она чувствовала себя в

безопасности, защищенной, любимой — и склонила голову на его плечо. Впервые за годы она чувствовала себя полностью удовлетворённой.

— Хэй, Эм? — она подняла голову, чтобы посмотреть на него. — Для протокола, — он посмотрел вниз, чтобы встретиться с её взглядом, — нет никого лучше тебя.

На секунду она не знала, что сказать. Она не понимала, почему вера Райли в неё никогда не угасала, почему он выбрал её в качестве лучшего друга или почему он не ушёл, когда она пыталась освободить его от себя, но возможно, она не должна была понимать. Наверное, она должна быть благодарной за него.

Позволяя своей внутренней девочке взять верх, Эмма поцеловала его в щёку, не жалея ни о чём.

— Тоже относится и к тебе.

* * *

Небольшой перерыв между концом обеда и началом уроков был потрачен не на домашнюю работу или занятия с учителями. Речь шла о том, чтобы побольше провести время с друзьями, чтобы подготовиться ко второй части учебного дня. Коридор гудел от болтовни и хлопанья дверей шкафчиков. Эмма любила это время дня.

Том рассказал какую-то шутку. Эмма и ребята рассмеялись. Это не сильно отличалось от обычного дня, за исключением части, когда Мэдисон влезла в их разговор.

— Мы должны завтра выиграть. — Никакого приветствия. Никакого извинения за то, что прервала их разговор. Просто лицо Мэдисон, в дюймах от лица Эммы, констатирующее факт, о котором все уже знали.

— Ладно, — медленно сказала Эмма. Она не имела понятия, с чего начался разговор или какова была его цель, но она сделала шаг назад и позволила девушке продолжить говорить.

— Школа Эвергрин побеждала нашу команду на протяжении последних трёх лет. Мы не можем позволить им выиграть и в этот раз. — Руки Мэдисон сжали Эмму, её пальцы впились ей в плечи, заставляя Эмму поморщиться. — Мы должны выиграть. Мы должны сокрушить их и втоптать их в землю и -

Эмма бы посмеялась, если бы девушка не была столь серьёзной. Мэдисон и насилие? Не очень удачное сочетание.

— С такой агрессией нас выкинут из лиги и отстранят от спорта навсегда, — сказала Эмма.

— Но -

— Мэдисон! — Эмма почти кричала. Она разжала пальцы Мэдисон и отошла от сумасшедшей девушки. — Расслабься. Всё будет в порядке.

— В порядке? — Мэдисон посмотрела на Эмму ошалевшими глазами и раздувающимися ноздрями. — На какой из вопросов ответ "в порядке"?

Серьёзно. Что Мэдисон ожидала от неё услышать? Она посмотрела на парней, ища поддержки, но они продолжали пялиться на Мэдисон, как будто они хотели клонировать её и выпустить на футбольное поле.

— Хорошо, как насчёт этого. — Эмма выпрямилась во весь свой рост и встретила

напряжённый взгляд Мэдисон своим. — Ты хочешь выиграть? Тогда оставляй всю свою девчачью драму дома и будь готова играть, будь готова бороться за нашу победу. Эвергрин может быть и хороши, но они понятия не имеют, какой командой мы стали. Мы собираемся наброситься на них с самого начала и не отпускать вплоть до финального свистка. И когда это произойдет, победа будет у нас в руках. — Эмма не оставила места для страха и сомнений. Она не для того работала так усердно, терпела девушек, страдала от унижения в течение двух месяцев, чтобы дважды проиграть заклятым конкурентам. Ни за что.

Райли схватил её сзади за плечи и потряс её в восхищении, в то время как остальные ребята улюлюкали, кричали, давая друг другу пять.

Выйдя из состояния обезумевшего маньяка, Мэдисон отдернула перед своей рубашки, подняла подбородок, а затем положила руку на бедро.

— Ладно, — сказала она, возвращаясь к своему обычному высокомерному состоянию. — Отлично. Я думаю, мы закончили, — больше не сказав ни слова, Мэдисон развернулась и ушла.

— Ты думаешь, у девушек есть реальный шанс завтра победить? — спросил Сай.

— Бьюсь об заклад, что они победят, — сказал Том, подняв руку, чтобы дать Эмме пять. Эмма шлёпнула его рукой и посмотрела на своих друзей, нуждаясь в их поддержке в самой важной игре сезона.

— Я не присоединюсь к тупой команде, чтобы проиграть.

* * *

Внутри раздевалки все молчали. Конечно, вчера Эмма имела в виду каждое слово, когда сказала Мэдисон о том, что они выиграют эту игру, но сейчас, столкнувшись с реальной задачей играть с Эвергрин, сомнения закрались в мысли Эммы. Все что угодно может произойти. Она знала слишком хорошо, как в неудачный день идеальные броски летят в воздух и случаются потери. Матч — реванш против Эвергрин не просто какая-то игра. Это был решающий момент сезона и в их жизни. Два месяца назад никто ничего не ожидал от женской баскетбольной команды Брэдшоу, но теперь, когда они показали людям, что они могут, а за плечами значительное число побед, всё по-другому. По-другому, потому что впервые за более чем десятилетие у Брэдшоу есть шанс победить Эвергрин.

Каждый чувствовал давление.

Эмма старалась оставаться спокойной, зная, что как только она ступит на площадку, то сможет просто играть в баскетбол и оставит сомнения позади, но до тех пор она не могла ничего поделать, кроме как составить список, и всё проверить.

Косички. Проверить.

Красная повязка. Проверить.

Сосредоточенное лицо. Проверить.

Рядом с ней Эшли сжала руки в смертельной хватке, а ноги тряслись со скоростью миля в минуту, в то время как она сама смотрела в пол безумным взглядом. Ребёнок до смерти испуган. Эмма протянула руку и коснулась её колена, чтобы прекратить тряску, и Эшли посмотрела на неё. Эмма улыбнулась ей. Эшли пыталась улыбнуться в ответ, но безуспешно.

Даже тренер, с планшетом на бедре не была освобождена от страха. Она пыталась

сказать речь перед матчем, но её голос дрожал на каждом слове, и она говорила туманно и мудрёно, так что никто ни на грамм не прибавил мотивации, которая нужна была на площадке. Наверное, именно поэтому первая половина игры прошла не так, как спланировали. Эвергрин пытались отомстить, тренер Ноулз подхватывала каждое решение, которое она сделала, и Брэдшоу провалились в попытках добыть победу.

Сирена оповестила об окончании первого тайма. Отставая на двадцать очков, Львы Брэдшоу были мрачными на пути от площадки. После половины игры Эмме стало интересно, какие же трюки спрятаны у тренера в рукаве, чтобы вытащить команду. Они неплохо играли, просто всё идёт не в их пользу. Их броски не влетали в кольцо, они не могли пробиться внутрь на добивание, а судья не засчитал половину фолов.

Тренер завела их в раздевалку, и в это время у неё зазвонил телефон.

— Алло? — тренер подперла ногой дверь, чтобы позволить девушкам зайти, и подняла палец, чтобы сказать Эмме, что она должна ответить на звонок. — Да, это она. Что я могу- Её слова оборвались, так как двери раздевалки закрылись, оставляя тренера на одной стороне, а команду на другой. Глядя на хмурые лица девушек по команде, Эмма не думала, что у них был шанс на победу. Было заманчиво, запрыгнуть на скамейку, возвышаясь над ними, и накричать на них, чтобы они включили голову на игре. Да, этот образ заставил её улыбнуться, но она знала, что это не то, в чём нуждается команда. Они сидели в тишине, ждали появления тренера, ждали слова мудрости и силы, чтобы вдохновить их вернуться на игру и бороться за победу.

Ожидание.

Никто не говорил. Впервые, в окружении семи девушек была тишина. Никакого нытья, никаких жалоб, никаких обвинений друг друга. Просто тишина. Эмма посмотрела на каждую девушку. Плечи опущены, головы склонены, глаза закрыты. Команда уже сдалась. Они были готовы уступить давлению, которое было направлено на них, и вручить победу Эвергрин. Эмма не думала, что может быть ещё хуже.

Но она ошибалась.

Двери раздевалки распахнулись и восемь девушек обернулись посмотреть на своего тренера, но это была не её тонкая и бледная фигура, которая шагнула через дверной проём. Вместо этого отец Лорен занял центральное место. Его высокой долговязой фигуре с тёмными густыми волосами не место в женской раздевалке.

— Привет, девочки, — сказал он.

Его ложное чувство уверенности никого не обмануло.

Эммы вернулись к телефонному звонку, на который должна была ответить тренер, когда команда входила в раздевалку, и её сердце остановилось. Она встала, не отрывая взгляда от мистера Томпсона.

— Что случилось?

Глаза девчонок по команде переместились от Эммы к мистеру Томпсону.

— Ничего, ничего, — мистер Томпсон отмахнулся от её вопроса. — Просто изменились планы, вот и всё. Изменение планов после половины самой важной игры всей их жизни, когда они проигрывают? Серьёзно?

— Мисс Ноулз вызвали по семейным обстоятельствами, так что, похоже, буду я заменять её. — Его нетерпеливая улыбка показала, как сильно он преуменьшил должность, на которую его поставили. Эта игра не была предсезонной практикой, и это не было лишь как можно больше забить очков какому-то противнику. Это была школа Эвергрин! Девушки переглянулись.

— Вы шутите, верно? — Эмма не смогла устоять. Сейчас было не время для шуток.

— Эмма, — предупреждающий тон Эшли был похож на тон Райли.

— Что?

— Нет, Эмма права. — Лорен локтями растолкала себе путь вперёд. — Папа, ты ничего не знаешь о баскетболе.

В его смехе не было нервозности, что было плохо. Его смех должен был быть толщиной с нервозность.

— О, конечно, я знаю, — сказал он. — Разве это может быть трудно, правда? Разве это может быть трудно? Для команды, которая прошла путь от ничего к чему-то за два месяца, они всё знали о том, как трудно это может быть. Девушки уставились на мистера Томпсона. Он кивнул и продолжал кивать, пока обводил взглядом раздевалку, либо мысленно пытаясь себя приободрить, либо просто проявлял интерес к окружающей обстановке.

— Ладно, — сказал он, хлопая в ладоши. — Девочки, вы молодцы. Идите и продолжайте делать то, что вы делали. Теперь, кто хочет поиграть?

Никто не вызвался. Серьёзно, так игра и закончится? С мистером Томпсоном, стоящим у руля? Конечно, они сломаются.

— Э-э... как насчёт, — он посмотрел на их лица, и начал показывать, — ты, ты, ты и ты. Четыре вместо пяти. Отличная стратегия... для кровавой бойни.

— Папа! — взвизгнула Лорен. — Ты выбрал только четыре игрока, ни один из которых не защитник.

— Ну, конечно, я так сделал, — он похлопал свою дочь по плечу. — Я просто шучу, милая. Что совершенно никого не убедило. Мистер Томпсон посмотрел на пустой планшет в своих руках.

— Как насчёт того, чтобы мы начали с тех игроков, кто только что покинул поле? Поле? Серьёзно? Они поковыляли из раздевалки, их настроение с низкого упало до отметки самого дна.

— Что мы будем делать? — заныла Мэдисон.

— Проигрывать, — без сомнения сказала Эмма. — Крупно проигрывать, — они так тяжело работали только для того, чтобы быть раздавленными местными конкурентами... снова. Брэдшоу были хороши, но им нужны указания. Указания от того, кто на самом деле разбирается в игре, и на что им обратить внимание. От того, кто не был мистером Томпсоном. Как могла Тренер бросить их в такой момент?

Отказ. Воспоминания о её маме, которая сбежала ночью в поисках чего-то получше, вернулись с такой силой, что почти полностью выбили воздух из неё. Остальная часть команды побрела на площадку, чтобы побросать мяч, прежде чем возобновится игра, но ноги Эммы остановились на бровке. Пять лет. Пять лет с тех пор, как женщина, которую она любила и доверяла, исчезла без предупреждения. Также как и Тренер сделала несколько минут назад. Да, Тренеру Ноулз нужно много чему научиться в качестве тренера, но она превратила команду из ничего в нечто. Она завоевала доверие всех девушек, только чтобы отказаться от них, когда это действительно имело значение. Эмма не видела, как девочки по команде бросали в её сторону взгляды, интересуясь, почему она застыла на линии как идиотка. Она была глуха к хаосу, который творился в спортивном зале, пульсирующим звукам, которыми поддерживали болельщики команды на вторую четверть игры. Она чувствовала стук своего сердца, которое пыталось продвинуть её ноги вперёд. Это было одно, принять отказ своей семьи, но откажутся ли от неё остальные, которым она уже научилась доверять, тоже? Если так, то какой смысл доверять кому-то?

Она вспомнила первую игру сезона, и как она стояла на той же самой линии. Тогда было так легко сбежать, так же как и сейчас. Без тренера и неотвратимостью поражения, висящим над её головой, её присутствие мало чего изменит. В любом случае, как будто она могла много чего предложить.

Эмма сделала шаг назад — один шаг назад от линии площадки, один шаг в сторону выхода.

— Эм, ты в порядке? Голос Шайлы приморозил Эмму на месте и привлек её внимание назад к команде. Эшли и Шайла смотрели на неё и спрашивали. Сомнения и страх мелькали в их глазах, пока они ждали ответ на свой вопрос.

Она не знала, что сказать. Глядя на двух своих товарищей по команде, Эмма поняла, что тренер не просто оставила её, но и оставила всю команду.

Эшли протянула мяч Эмме, чтобы та взяла его.

— Ты идёшь, Тренер?

Эмма уставилась на ребёнка и поняла. Она поняла, что не могла отказаться от её девочек по команде. Она не могла — и не будет — следовать по тому же пути, как и другие люди, которые были в её жизни.

Сделав глубокий вдох, Эмма засунула мысли о тренере Ноулз и её кошмарах в жизни куда подальше и вышла на площадку, чтобы присоединиться к команде. Она взяла мяч у Эшли и, сделав пару ударов, изо всех сил пыталась настроиться на то, что возможно будет самой худшей в истории второй четвертью игры.

Один промазанный бросок, одна секунда, чтобы повернуться и поймать отскок мяча, и Эмма очутилась в окружении Лорен и остальных девушек. Отлично, подумала она. Не

только отец Лорен, но теперь и сама Лорен пыталась разорвать Эмму в клочья на глазах сотен людей. Но Эмма не собиралась сдаваться без боя.

— Это катастрофа, — говорит Лорен, так для галочки. — Мой отец? Серьёзно? Позвольте заверить вас, что очень мало атлетических способностей мне досталось от него. Не совсем то приветствие, которое ожидала Эмма, но ладно. Просто, чтобы быть в безопасности, Эмма отошла назад на пару шагов. Лорен кивнула в сторону Эммы.

— Тебя повысили.

Дыхание Эммы застряло в горле. Ей не понравился тон Лорен. Ни. На. Секунду.

— Что значит, меня повысили?

— Мы проголосовали. — Лорен указала на девушек, окружающих её, улыбка расплылась у неё на губах. — Ты тренер. — Что? — воскликнула Эмма. Девушки — все они — должно быть совершенно спятили. Все сразу. — Ты знаешь эту игру и команду изнутри и снаружи, — сказала Лорен. — Ты сделала эту команду из ничего. Если мы хотим получить шанс победить сегодня, то нам нужна ты, чтобы сделать это.

Эмма сказала первое, что пришло ей в голову.

— Нет.

Лорен скрестила руки на груди и подняла бровь.

— Нет, это не вариант. Кроме того, ты в меньшинстве.

— Меня не волнует, даже если за меня проголосовало миллион человек, — сказала Эмма сквозь зубы. — Я не буду делать это. Тренер оставила твоего отца за главного. Ни тебя, ни меня. Мы должны доверять её решению. — Не то чтобы Эмма считала решение тренера лучшим, но она не собиралась позволить команде поймать её в ловушку и принудить к тренерской роли. Ни за что.

— Тренер бросила нас, — сказала Лорен. — Так что, на мой взгляд, она не имеет права голоса в этом вопросе. Мы должны делать то, что лучше для команды, а это значит, что ты тренер.

Эмма помахала руками перед её лицом, пытаясь отогнать демонов. Лорен и остальная часть команды были согласны. Против неё. Эшли шагнула вперёд из круга.

— Эмма, это гениально.

Эмма указала на первокурсницу, её шок сменился на гнев.

— Ты, не лез, — она повернулась к Лорен. — Мой ответ — нет. Я ничего не знаю о тренерстве. Если твой папа не будет работать, тогда как насчёт...

— Как тогда назвать субботние тренировки? — сказала Мэдисон, перебивая её и становясь рядом с Лорен.

— Дурачество. И это ребята помогают, а не я.

— А как насчёт занятий после тренировок? Несмотря на уверенность в голосе Шайлы, Эмма также опровергла и её.

— Демонстрация и рассказ.

— Ты нужна нам, — сказала Лорен с таким убеждением, что Эмма поверила ей. Почти.

В Лорен исчезла ненависть к Эмме и нежелание занимать Эммой позицию, которая дала бы власть над ней.

— Никто не знает нашу команду, как ты, — убеждала Лорен. — Ты знаешь, как мы работаем, и когда нужно что-то поменять. Ты можешь сделать это. Ты уже это делала.

— Нет! — Эмма пыталась прорваться сквозь их баррикаду. Ни за что она не сможет сделать то, о чём они просили. Неважно, что они думали, она была недостаточно хороша,

недостаточно сильна и недостаточно умна, чтобы тренировать всю команду. Играть — это одно дело, а тренировать совсем другое. Особенно против Эвергрин.

— Эмма, — тихо сказала Эшли, появляясь рядом с ней.

— Не начинай, новичок, — Эмма схватила бутылку воды со скамейки. Она выпила воды ради того, чтобы хоть что-то сделать.

— Ты можешь сделать это, — Эшли всё равно продолжила. — Ты тренировала меня и других девчонок весь сезон, и ты знаешь, что сделала потрясающую работу. Лорен права. Если мы хотим получить шанс победить сегодня, то нам необходимо, что ты была нашим тренером.

Эмма перевела взгляд на Эшли. Даже Райли не смог бы вложить столько веры в неё, сколько было в её глазах.

Мистер Томпсон позвал их всех на скамейку, прежде чем Эмма смогла собраться с силами и снова отказать Эшли. Она бросила бутылку на пол и повернулась к своим девочкам по команде. Она чувствовала их взгляд, пока они собрались в кучку. С Мэдисон с одной стороны, и Эшли с другой, Эмма хотела, чтобы они могли закончить их командное обсуждение и начать играть. Но не повезло.

— Итак, тренер. — Лорен посмотрела прямо на Эмму. — Что же будем делать?

— Я же уже сказала, что нет, — замычала Эмма. — А теперь, на этом и закончим.

— Ладно, девочки, — сказал мистер Томпсон. — Давайте, смотрите сюда, — он держал планшет тренера Ноулз в одной руке и маркер в другой. Он закусил колпачок маркера и, держа его в зубах, пытался дать какое-то неразборчивое напутствие, пока рисовал как первоклассник на планшете. Когда он осознал, что его никто не понимал, он пытался вытащить колпачок изо рта, и каким-то образом в процессе уронил и планшет, и маркер. Все восемь девушек поморщились. Судьба их игры находится в руках отца Лорен, мистера Баскетбольного Неуча.

Эмма закрыла глаза и прикусила язык достаточно сильно, что пошла кровь. Давление со стороны девушек было чудовищным; но она не поддастся. Нет. Ни за что. Тренер оставила во главе мистера Томпсона, так что пускай мистер Томпсон за всё и отвечает. Они просто должны пережить последствия. Никакого "а что если бы", "всё-таки" или "возможно" насчёт этого. Открыв глаза, Эмма сделала глубокий вдох. Пока она не смотрела на Эшли, всё было хорошо. Из всей толпы Лорен поймала взгляд Эммы и подняла бровь, всё шутки кончились. Лорен просила Эмму о помощи.

Эмму.

Нищего ребёнка.

Неудачницу.

Бедняжку.

Сорванца.

Некоторые, возможно, посчитали, что это сближающие момент между врагами, но не Эмма. Она гневно посмотрела на Лорен и покачала головой, ругая себя.

— Лорен, Мэдисон, Шайла и Пейтон. Вы выходите на площадку! — рявкнула Эмма. Улыбки расплылись на их лицах, а Лорен и Мэдисон дали пять друг другу, что заставило Эмму нахмуриться. — Всё остальные, будьте готовы выйти на замену. Посмотрим, что они сделают с тотальным давлением сначала ниже на площадке, а потом вытащим их на середину площадки, и каждый возьмёт себе по игроку. Мы должны держать мяч под контролем и заставлять их нарушать. Заставьте их бороться за каждый отскок. Не отдавайте

им мяч просто так. Если я увижу, что кто-то тормозит, то он сразу оказывается на скамейке.

Она сунула руку в середину их толпы

— Насчёт три.

Лорен толкнула Эмму в плечо, когда они оказались на площадке и самодовольная улыбка растянулась по её лицу.

— Ты заплатишь за это, — сказала Эмма. Лорен рассмеялась.

— Ты была ни кем иным, как позёркой весь сезон. Сейчас настало время доказать себе и соответствовать своему потенциалу.

— И что же ты знаешь о моём потенциале?

Лорен закатила глаза.

- Я не идиотка.

Это что, комплимент, что ли? От Лорен? Эмма покачала головой.

— Только не вини меня, если мы проиграем.

— Никакого шанса, что мы проиграем, Тренер.

Эмма нахмурилась. Что происходило с девчонками? Сначала они терпеть её не могли, потом они унижали её, затем они ненавидели её ещё больше, а сейчас они доверяли ей. Эмма никак не могла поспевать за ними не то, чтобы она хотела приложить усилия, чтобы попробовать. Так или иначе, она должна разобраться, как провести матч — реванш против Эвергрин в качестве тренера и игрока. Она искала, где стоит Райли, зная, что он не сможет помочь ей справиться с этим беспорядком, но отчаянно на это надеясь. С тех пор, как она с ним познакомилась, Эмма впервые действовала в одиночку. Она подумала, что это должно быть интересно. Все девушки полагались на неё, ожидая, что она совершит чудо и приведет их к победе против лучшей команды лиги. Она надеялась, что они были готовы к разочарованию. Она нашла Райли и мечтала, чтобы он спустился с трибун и забрал её в безопасное место.

Её глаза умоляли его помочь ей, но он просто рассмеялся и показал два больших пальца. Эмма знала, что это был его способ придать ей мужества и встретиться лицом к лицу с задачей, но не помогло, а только подтвердило, что она к этому не готова. Площадка показалась меньше, чем была минуту назад. Не было места, чтобы спрятаться и не было альтернативного решения для девушки, которую поспешно принудили занять тренерскую должность. Эмма просматривала трибуны, площадку, пространство за боковой линией в поисках путей побега, но всё что нашла, так это сотни глаз направленных на неё.

Она оказалась в ловушке — в ловушке, внутри черного прямоугольника площадки с кучей девушек, чья ненависть к ней почему-то превратилась в доверие. Она закрыла глаза и покачала головой. Какой ещё выбор у неё был, кроме как быть тренером и надеяться, что их не уничтожат под её управлением?

* * *

Окружающим потребовалось около двух секунд, чтобы сообразить, что тренер Ноулз пропала без вести, и всем заправляет Эмма. Конечно, мистер Томпсон был взрослым, стоящим на боковой линии и держащим планшет, как если бы от этого зависела его жизнь в случае, если кто-нибудь решит возразить, что семнадцатилетняя девушка не являлась

квалифицированной для того, чтобы быть тренером у своих сверстников в самой важной игре сезона, но Эмма была единственной в кресле водителя. Она выкрикивала приказы и шептала указания девушкам во время игры, ожидая, что они будут пропускать её грубый тон и проглотят своё нытьё, слушая её. На этот раз они повиновались без возражений. Они уже приняли Эмму в качестве своего тренера. Переход не был таким мягким для Эммы.

Игра была жёсткой, быть тренером было пыткой, и делать всё это одновременно было мучительно. Для каждого дела необходим свой способ мышления, но когда оба были необходимы в одно и то же время, потребовалась вся сила Эммы, чтобы сосредоточиться. Как игрок, она могла отдать передачу открытому игроку и убежать в другую сторону без оглядки назад. Как тренер, она должна была передать пас открытому игроку, убежать в другую сторону, посмотреть, как смещаются остальные игроки и разработать стратегию для следующей атаки.

Каждое ведение, каждый бросок, каждый игрок имеет значение. Эвергрин не просто хотел победить Брэдшоу, они хотели оставить их сломленным и потрепанными. Преимущество домашней площадки не могло избавить от каждого удара локтем или стратегически подставленными ногами. Если Брэдшоу хотел победить — если они хотели выжить — они должны были сражаться. Спасибо Богу за ребят и субботние тренировки. Может быть, это было руководство Эммы, может быть новый прилив сил или может быть нежелание провести ещё один год в качестве худшей команды лиги, но Брэдшоу наконец-то нашла свою игру.

Их броски начали попадать в цель, им удалось заблокировать игроков под кольцом, получалось добраться до добиваний и они перестали проигрывать в обороне. Несмотря на давление, Эмма начала расслабляться. Возможно, у Брэдшоу был шанс выиграть во главе с Эммой. Неважно выигрывает или проигрывает Брэдшоу, Эмма должна была знать, что они не переживут сегодняшний вечер без потерь.

Брэдшоу прекрасно выполнил нападение. Лорен скользнула вниз к боковой стороне штрафной зоны, чтобы закрыть Шайлу. Эмма отдала передачу Шайле, стоящей на линии штрафного броска, и побежала, чтобы прикрыть Мэдисон, в то же время Лорен выскочила, чтобы принять пас от Шайлы. Мэдисон бросилась к верхней части штрафной зоны, чтобы поймать пас от Лорен, в то время как Шайла вновь заняла место под корзиной. Мэдисон сделала бросок и подбежала к кольцу, готовая поймать отскок. Эмма увидела, как Мэдисон подпрыгнула, зафиксировала мяч в руках и позволила гравитации вернуть её обратно на площадку. Вместо того чтобы готовиться к ещё одному броску, Мэдисон с криком упала на пол. Эмма поморщилась. Пронзительный свисток остановил время и игру.

Эмма не знала, что сделать, кроме как присесть рядом с Мэдисон, положить руку на её плечо, пока Мэдисон схватилась за ногу и плакала. Просто потому, что у Эммы была должность тренера, висящая над её головой, не означало, что она что-нибудь знала о травмах, комфорте и перематке времени назад. Массажист команды Брэдшоу протиснулся сквозь толпу и опустился на колени рядом с Эммой, чтобы оценить ситуацию.

— Что болит? — спросил он.

— Лодыжка, — прошептала Мэдисон, слёзы текли по её лицу.

— Ты можешь встать? — спросил массажист.

Мэдисон покачала головой.

— Я так не думаю.

Массажист обменялся взглядом с Эммой.

— Помоги мне довести её до скамейки.

Они унесли Мэдисон с площадки под звуки аплодисментов и посадили её на скамейку, чтобы массажист смог сделать свою работу. Эмма смотрела на ситуацию и не могла предотвратить чувство вины, растущее у неё внутри. Все тренеры чувствовали ответственность за игрока, который получил травму? Не желая останавливаться на травме Мэдисон, Эмма сделала шаг назад. У неё осталась команда, за которую она несла ответственность.

— Эмма, — захныкала Мэдисон, хватая её за запястье, когда та повернулась, чтобы уйти. — Эмма, мне так жаль. Я не знаю, что произошло.

— Ты отлично играла в баскетбол, вот что случилось, — Эмма сжала плечо Мэдисон. Эмма повернулась к площадке — повернулась к шести оставшимся девушкам по команде, глазеющие на неё и ждущие плана. Что вы скажете команде, которая только что увидела, как уносили с площадки их основного игрока? Они все знали, что Мэдисон не присоединится к ним сегодня, так что Эмма должна сказать, чтобы приободрить их? Так не должно было произойти. Джен Ноулз не должна была отказаться от них, Мэдисон не должна была оказаться на скамейке с травмой, а Эмма не должна была быть ответственной за судьбу всей команды.

— Что нам теперь делать? — спросила Стеф.

Эмма закрыла лицо руками и попыталась убрать страх из её глаз. Девушки ждали, поэтому она приступила к плану Б, который созрел, когда она подошла. Она отпустила руки от своего лица и сделала глубокий вдох.

— Эшли, ты выходишь.

Ребёнок посмотрел на неё, как будто она только что попросила отправиться на войну без оружия. В первой четверти Эшли сыграла всего две минуты. Возможно. У девочки были все причины бояться, поскольку у тренера Ноулз не было достаточно веры, чтобы выпускать её в игру в течение продолжительного периода времени весь сезон. Но Эмма не была Тренером Ноулз. Как тренеру — как игроку — ей нужна была Эшли на площадке, а не на скамейке. Эмма кивнула в сторону боковой линии.

— Всё будет в порядке. Давай.

Эшли убежала, чтобы размяться. Как только она была вне пределов слышимости, Лорен налетела на Эмму.

— Ты с ума сошла? Ты включаешь в игру эту катастрофу и мы проиграем, это точно. Остальная часть команды кивнула в согласии, готовая забросать её своими протестами. После всего, что произошло, Эмме не нужно было ещё больше драмы. Она проверила, как много сил она потратила, представляя, что их было больше, и встала лицом к лицу со своими товарищами по команде.

— Вы, ребята, поставили меня во главе команды, так что слушайте. Эшли готова. Она намного лучше, чем вы думаете и она нам нужна, если мы хотим иметь хоть какой-то шанс на победу сегодня. Она является частью этой команды, вероятно сражаясь с ещё большим страхом, чем все мы вместе взятые, и она нуждается в нашей поддержке, вы поняли? — Эмма посмотрела в лица всех девушек, готовая бросить вызов любому, кто выступит против неё. Одна за другой они кивали, наверное, идя против своих инстинктов, доверяя ей. Как бы в насмешку Эмме, Эшли споткнулась, когда присоединилась к их кучке. Несколько девушек закатили глаза, но Лорен поймала Эшли, прежде чем она упала лицом вниз, и поставила на ноги.

- Ты сможешь сделать это, новичок, — сказала Лорен, хлопая её по плечу. Арбитр дунул в свисток и обе команды закончили свои совещания и вернулись обратно на площадку.

Шайла приняла мяч от судьи, так как Брэдшоу должны были сделать вводный пас. Она ударила по мячу, и время пошло. Эмма вырвалась вперёд и поймала передачу Шайлы. Она повернулась лицом к кольцу и зафиксировала мяч на бедре в позиции тройной угрозы. Эмма сделала глубокий вдох, прежде чем вести мяч медленно по площадке, ожидая, что девушки настроились на нападение.

— Ты должно быть под большим давлением, как тренер, ну и за всё остальное, — сказал Эмме защитник, когда пересекла середину поля. Это была та же девушка, что защищала от неё в их первую игру против Эвергрин, Валери Хокас. — Надеюсь, ты не облажаешься и не будешь стоять вашей команде игру, особенно учитывая, что у вас уже есть один травмированный игрок в запасе.

Возможно, это обострённое чувство ответственности, что пришло вместе с ролью тренера или может быть запоздалое решение постоять за себя, но Эмма почувствовала, как улыбка растягивала губы.

— Я надеюсь, что ты и твои девушки готовы проиграть сегодня.

Лицо Валери ожесточилось.

— Без шансов.

Эмма повернула свои плечи в сторону кольца, удерживая взгляд на защитнике, и сделала бросок, не обращая внимания на обороняющегося игрока. Глубокий дикторский голос загремел в динамиках.

— Врангтооооооон три очка.

— Я не была бы так уверена. — Эмма отскочила назад к базовой линии соперника, зная, что игра далека от завершения.

Эвергрин может и была командой номер один в лиге, но они были далеки от совершенства. Тренер Эвергрин, возможно, ощутив желание Брэдшоу победить, стал более громким и оживлённым с каждой прошедшей секундой. Он метался по бровке, отслеживая мяч своим пронзительным взглядом, и безумно размахивал руками на своих игроков. Его крики были слышны по всему залу, как он орал на своих игроков, орал на судей, и вопил просто ради того, чтобы быть услышанным.

Эвергрин начали сдаваться.

Тридцать седьмой номер команды Эвергрин получила мяч в трёхочковой зоне. Она прекратила ведение мяча и остановилась, словно приклеенная к одной точке на полу. Она должна была отдать пас открытому игроку, но с руками Пейтон, размахивающими перед её лицом, девушка запаниковала. Она бросила мяч в воздух. Шайла схватила его и передала быстрый пас Эшли, стоящей в центре площадки. Эмма помчалась от внешней линии выше по площадке, и это была атака два в одного. Эшли вела мяч в сторону кольца, и защитник Эвергрин оставался между ней и Эммой, до тех пор, пока она не решила, кто будет делать бросок. Она, наверное, подумала, что Эмма получит мяч, чтобы сделать бросок, и не обратила внимание на Эшли, пока ребёнок не склонил голову и не атаковал кольцо. Малышка предприняла бросок из-под кольца, но вместо того, чтобы мяч отскочил от щита, как все ожидали, она передала пас Эмме. Не теряя ни секунды, Эмма поймала мяч и не высоко подпрыгнула.

Крики вспыхнули с трибун, когда мяч попал в кольцо, и Эвергрин настроились на нападение. Эмма показала на Эшли через всю площадку, и они обменялись улыбками. После

всех часов, проведенных в зале, Эмма должна была признать, что малышка хороша.

К концу третьей четверти, Эшли доказала, что является новой проблемой Эвергрин. Она отвязалась от защитников, прежде чем у них был шанс раздавить её, и бросилась в штрафную против девчонок в два раза больше неё, только для того чтобы выскочить с другой стороны целой и невредимой и готовой к мячу. Иногда требовалось одно движение и два, для малышки, чтобы найти дыры в обороне и сделать бросок или предать пас открытому игроку. Её размер позволял ей проскользнуть сквозь оборону, и с её скоростью она всегда была на шаг или два впереди своего защитника. Слава богу, что она больше не спотыкалась о свои ноги. Новоприобретенный талант у Эшли, а также отталкивающее безумие Шайлы, агрессивность Лорен и умение Эммы быть тренером в сочетании с игровыми способностями позволили Брэдшоу уменьшить разрыв очков и выйти вперёд на десять очков к концу третьей четверти. В оставшиеся восемь минут, мог, кто угодно выйти вперёд.

* * *

Тренер Эвергрин вероятно думал, что команда, выйдя в четвёртой четверти, отставая на десять очков, ворвётся на площадку, чтобы сравнять счёт как можно скорее. Эмма решила немного поменять положение вещей. Эвергрин хотели мяч, как ребёнок конфету. Они хотели забросить мяч; они хотели продлить своё лидерство, как можно дольше. Подлые фолы с намерением нанести как можно больше урона, вот в такую игру они играли, и Эмма решила воспользоваться их отчаянием. Она знала, что Брэдшоу сильны в игре в пас, поэтому в четвёртой четверти началась игра на удержание мяча. Это сработало.

Эвергрин, под воздействием своего разочарования, вынуждены были фолить, отправляя игроков Брэдшоу на штрафную линию, откуда они забрасывали мяч одним за другим. Очко за очком они продолжали сокращать разрыв.

Накал игры повысился, поскольку часы отсчитывали последние две минуты. Эмма не знала, что хуже, быть командой, которой необходимо завоевать лидерство или командой, которой необходимо сохранить лидерство. В любом случае обе команды нуждались в перерыве.

На часах оставалось тридцать секунд, и отставание в три очка, судья отдал мяч Эмме под кольцом у Эвергрин. Она сделала глубокий вдох, прежде чем ударить мячом об пол и отдать девушкам пас. Они сломали игровую схему, пытаясь открыться. Глаза Эммы поймали взгляд Лорен. Учитывая, что они практически враги, становилось страшно, сколько передач прошло между ними — как их план сформировался без слов. Лорен бросилась к базовой линии соперника, застав защитников врасплох, когда Эмма закинула руки за голову и отправила мяч как в бейсболе через всю длину площадки. Лорен поймала его на бегу на линии штрафной соперника и сделала бросок под кольцом.

Два очка, Брэдшоу.

Толпа безумствовала. Минус одно очко, Брэдшоу нужен один бросок, чтобы выиграть. Эвергрин взяли тайм-аут.

Вытирая пот со лба, Эмма посмотрела на табло, когда подходила к боковой линии. Игра, сезон, Эмма. Всё будет определено в ближайшие двадцать секунд.

Двадцать секунд.

Время, о котором мечтает и боится любой настоящий спортсмен, но большинство спортсменов не работали в одно и то же время в качестве тренера. Эмма бы соврала, если бы сказала, что ей не было страшно. Страшно, что вся команда и весь спортивный зал, полный людей полагаются на неё за исход этой игры. Где-то на трибунах, Райли и парни болели за неё. Выиграй или проиграй, они подбадривали её. Она не хотела разочаровать их, не хотела подвести их или девушек из команды, но она была полна сомнений. Она не была тренером. Она была едва ли игроком, а теперь на неё смотрели семь девушек и ждали, что она будет и игроком, и тренером.

Эмма не знала, была ли она достаточно сильна, достаточно хороша и достаточно умна, чтобы привести команду к победе в следующие двадцать секунд, но она должна попытаться. Так или иначе, она должна была задушить сомнения и страх, бушующие в ней и быть тренером и игроком в которых нуждалась их команда.

Ей нужен идеальный план.

Мистер Томпсон кивнул и хлопнул в ладоши, когда девочки подошли с площадки и сформировали кучку. Даже если бы он был ответственным, он не выжил бы. Пот блеснул на лбу, а широко открытые глаза смотрели со страхом. Единственное, что нужно было сделать Эвергрин, это удержать мяч. Но побеждать самую худшую команду в лиге всего на одно очко было неприемлемым для них — они будут искать моменты, чтобы сделать бросок.

— Нам необходимо получить мяч, — сказала Эмма, — давим на них по всей площадке и будьте готовы к длинной передаче. Не фолить, не трогать и не давать им сделать бросок. Получите мяч. Когда мы получим мяч, вот, что мы должны сделать.

Эмма почувствовала взгляд своих девочек по команде на ней, когда она опустилась на колени посередине их толпы и прислонила планшет к колену. Изобразив последние двадцать секунд в виде диаграммы, она покрыла весь планшет осями X и Y и стрелками, которыми объясняла, как им нападать.

— Тот, кто получает мяч, тот отдаёт его Эшли. — Эмма посмотрела поверх планшета в глаза Эшли, зная, что она не могла доверять никому другому, чтобы сделать последний бросок в кольцо. — Ты знаешь, что нужно делать.

Глаза Эшли расширились.

— Что? Н-нет.

Эмма обвела пустое пространство на планшете в середине стрелок.

— Они оставят базовую линию открытой, и ты проскользнешь между их защитниками. — Она вспомнила взгляни-на-меня-я-гений движение Эшли, которое всегда выигрывало у неё на тренировках некоторое время назад. Это был идеальный план, идеальный неожиданный сюрприз, чтобы повернуть его в конце игры.

— Я делала так только на тренировках, — запротестовала Эшли, зная точно, что Эмма ожидала от неё. — И никогда с настоящим защитником.

— Тогда это твой шанс.

— Эмма, нет. Это должна быть ты.

— Осталось всего двадцать секунд в этой игре, и я — лучший бомбардир. — Эмма не пыталась хвастаться. Она просто констатировала факт по стратегическим соображениям. — Все будут ожидать, что я сделаю последний бросок. Вот почему, так гораздо лучше, — сказала она, постукивая маркером по планшету.

Эшли покачала головой.

— Я не могу.

— Нет, ты сможешь, — твёрдо сказала Эмма, не желая слышать извинения или позволить Эшли сдерживать себя. — Эта команда нуждается, чтобы ты была сосредоточенной и уверенной в себе. Ты поняла?

Эшли сглотнула, страх не полностью исчез из глаз, и кивнула. Девушки, стоящие по обе стороны от неё, хлопнули её по спине, и пробормотали слова ободрения. — Ладно. Эмма подняла голову и встретилась взглядом с девушками из команды, смотрящие вниз на неё.

На неё — не сквозь неё.

Эмма почувствовала, как сдавило грудь. Впервые за весь сезон она на самом деле почувствовала принадлежность к настоящей команде. Команда, которая могла бы доказать каждому, что у них есть всё, чтобы победить команду, занимающую первое место в лиге. Знала ли каждая девочка из команды, как необходимы были двадцать секунд этой игры? Знали ли они, как Эмма была горда ими, что они смогли пройти так далеко в этом сезоне? Может быть, сейчас было самое время, сказать им, но она сомневалась, что сможет впихнуть всё, что она хотела сказать в оставшиеся пять секунд тайм-аута. Кроме того, иногда слов недостаточно, чтобы охватить всю глубину чувств, особенно, когда есть шанс, что поток слов станет ещё хуже и превратит Эмму в сентиментальную девочку.

Эмма протянула руку в середину.

— Давайте, сделаем это. Их командный крик был едва слышен на фоне гула толпы. Все стояли на ногах, хлопали, топали, кричали. Трибуны, наверное, не были полностью заполнены, но фанаты, которые пришли, создавали такое ощущение.

Эмма бросила планшет на пол, рядом со скамейкой, зная, что он больше не пригодится. Она почувствовала, что кто-то толкнул её в плечо.

— Выиграй или проиграй, ты отлично справилась сегодня, Нищенка.

— Ты не так уж плоха, Ледяная королева.

Лорен рассмеялась и кивнула в сторону Эшли.

— Я думаю, что ты была права, — сказала Лорен. — Она может играть.

Эмма улыбнулась.

— Я знаю.

— Ты думаешь, она сможет это сделать? — спросила Лорен, без сомнения, ссылаясь на давление делать выиграй-или-проиграй бросок.

Эмма взглянула на Эшли. Девочка, которая подружилась с ней только два месяца назад, хотя Эмма делала всё, чтобы удержать её. Девочка, которая была боевой и раздражающей, но всё же слишком умной для её же блага. Девочка, чья любовь к баскетболу была почти такой же, как у Эммы.

Эмма проглотила комок в горле, внутренне хмурясь на себя, что привязалась к малышке.

— Абсолютно, — сказал она в ответ на вопрос Лорен. И она имела это в виду.

— Хорошо, — сказала Лорен, кивая головой. — Потому что я действительно хочу победить.

Эмма засмеялась.

— Мы все хотим.

Лорен в ответ шлёпнула Эмму по спине и присоединилась к защитникам. Эмма заняла место напротив Валери, надеясь, что её план сработает. Номер двадцать первый в команде Эвергрин стоял на базовой линии с мячом, в то время как её товарищи по команде пытались открыться. Брэдшоу не упрощали эту задачу. Эмма и Лорен прикрепились за игроками и

следовали за каждым их движением, препятствуя каждому короткому пасу. Не имея другого выхода, номер двадцать первый забросил пас на игрока, стоящего по центру.

Мяч достиг самой высокой точки дуги и начал снижаться. Игрок Эвергрин вытянул руки, ожидая, когда мяч попадет в них. Всего один шаг понадобился Шайле, чтобы перехватить мяч и украсть у Эвергрин возможность забить ещё одно очко. Переход от обороны к атаке получился безупречен. Лорен бросилась помочь Шайле, в то время как Эмма просто стояла на боковой линии. Эшли и Пейтон помчались встать на позиции, так как Эвергрин встали на защиту.

Пять против пяти, у кольца Брэдшоу и с оставшимся десятью секундами на табло. Лорен передала мяч Эмме и осталась на левой стороне. Эмма передала мяч Эшли направо, та перебросила через трапецию и отдала передачу Шайле. Шайла последовала по стопам Эммы к вершине штрафной зоны, где она выхватила пас-паращут из воздуха, в то время как Эмма пробралась вдоль базовой линии и выскочила с другой стороны. Лорен скользнула ниже, чтобы прикрыть Эмму, а потом отбежала в сторону кольца. Эмма бросилась к вершине штрафной зоны, где она поймала пас Шайлы и встретила с Валери, готовой к финальной один на один, лицом к лицу схватке, так как истекали последние секунды.

Валери присела, ожидая, что Эмма заставит её двигаться. С каплями пота, стекающими по лбу, они смотрели друг на друга, их лица покраснели, а в глазах пылало стремление к победе. Эмма провела мяч между ног, ударя мячом то в одну сторону, то в другую сторону, всё время под контролем, выжидая время и проверяя готовность Валери. Пот лился с лица Валери, но она не сводила сосредоточенный взгляд с мяча, пытаясь предугадать следующее движение Эммы. Во время их первой игры в начале сезона Эмма выиграла конец их игры в "лицом к лицу". Теперь Валери хотела отомстить. Эмма улыбнулась. Настало время.

— Ты готова проиграть? — спросила Эмма.

— Мечтай, — прорычала Валери. Валери была ниже Эммы, но она была быстрой, этим, вероятно, объясняется, почему она чувствовала себя уверенной, играя против Эммы так плотно в защите, желая, чтобы она боролась за бросок или удар, или передачу. Эмма рванула вперёд, ведя мяч, потом отстранилась, чтобы создать пространство для двойного кроссовера (приём в нападении, заключающийся в движении в одну сторону от защитника, увлекая его за собой, и быстрой смене направления в другую сторону). Валери была на долю секунды позади, но Эмма рассчитывала на расторопность девушки, так как она задумала вращающееся движение. Полагаясь на близость оборонительной позиции Валери, Эмма вытянула руку дальше, чем обычно. Вместо завершения своего движения, она выполнила за спиной передачу. Мяч пролетел через всю штрафную зону к Эшли, которая выхватила его из воздуха на базовой линии. Продолжая притворяться, Эмма симитировал бросок, и Валери, думая, что у Эммы всё ещё есть мяч, прыгнула, чтобы заблокировать бросок. Валери столкнулась с Эммой в отчаянной попытке за мяч, и они обе полетели в аут. Без того, чтобы указать на фол, Эмма наблюдала, как судьба игры ложится на плечи новичка.

Два защитника рухнули на Эшли, но малышка симитировал уход вправо, обратив внимание одного защитника на неё, до того как она поменяла направление и проскользнула между ними, стоящими на середине штрафной зоны. Ещё один защитник выскочил перед ней, загораживая путь к кольцу, и не пропуская ни одной детали, Эшли выполнила то же самое в два шага движение, что против Эммы. Эмма наблюдала как Эшли — девушка, которую мир пытался удержать, девушка, от которой ничего не ожидали — взлетела.

Подвешенная в воздухе, Эшли потянула вверх перевернутую руку с мячом. С лицом, на

котором застыла решительность, Эшли подбросила мяч в воздух, и игроки, и фанаты, смотрели его путешествие к кольцу, когда прозвенел свисток.

* * *

Тишина.

Тишина, вот что слышала Эмма. Тишина, когда победный мяч Эшли прошёл сквозь сетку. Тишина, когда выражение лица Эшли перешло от решимости к шоку. Тишина, когда в мире Эммы всё стало на свои места.

Конечно, по правде, спортивный зал взорвался звуком. Крики и хлопки оглушали их, так как фанаты заполнили площадку, чтобы разделить этот невозможный момент.

Эмма столкнула с себя Валери, и прежде чем она успела сделать два шага, Эшли прыгнула в её объятия. Словами невозможно было рассказать об этом моменте, так что они сделали то, что делают все девчонки: они закричали. Остальная часть команды, включая ковыляющую Мэдисон, окружила их за считанные секунды, прыгая друг на друга, пока они все не упали в кучу на пол, с Эммой в самом низу. Поговорим о костлявых коленках и локтях! Восемь девушек, которые начали сезон, как проигравшие, теперь отмечают как друзья — более или менее. Даже Лорен нарушила их не-трогать политику и сжала Эмму в объятиях.

Этот момент не тот, что будет длиться вечность. Одну за другой их забирали семьи и друзья, пока не осталась одна Эмма с выражением шока на лице.

Брэдшоу победил.

Эмма привела свою команду к победе.

Выигрыш одной баскетбольной игры, может быть, и было небольшим делом для большинства людей, но для Эммы это было колоссально. Девушки слушали её, подчинялись её указаниям, обращались с ней, как с частью команды, а не человеком, впустую занимающим пространство, и вот они стоят победителями над их соперниками впервые за десять лет.

Может она была не совсем плоха.

Вес этого понимания едва не раздавил её. Впервые в жизни она почувствовала, будто она на самом деле сделала что-то хорошее. Она не знала смеяться или плакать или упасть на колени в благодарности, поэтому она стояла посреди вопящих фанатов, глядя на знакомую пару голубых глаз.

Осмотрев зал, она увидела, как игроки Эвергрин стояли в неверии и наблюдали, как Брэдшоу праздновали победу. Мистер Томпсон плюхнулся в кресло и обмахивался планшетом — давление от того, что он был помощником тренера, было слишком для него — она помахала мистеру и миссис Ленжер, которые улыбались со скамейки. Сотни людей окружали её, но она наконец-то нашла Райли.

Их глаза встретились одновременно. Он улыбнулся, как будто бы знал, как много этот момент значил для неё, и она рассмеялась. Желая как можно быстрее сократить расстояние между ними, Эмма протиснулась сквозь толпу и бросилась в его объятия. Хорошо, что Райли был сильным, иначе она бы расплющила его.

— Эм, ты была великолепа, — он крепче обнял её. — Я знал, что ты сможешь это

сделать. В горле образовался комок, мешая ей ответить, поэтому она просто прижалась к своему лучшему другу.

Понадобилось всего несколько секунд, прежде чем Том и Джерри и другие парни окружили их. Они оттащили её от Райли, чтобы обнять и поздравить с тренерским дебютом.

— Итак, — сказал Джерри, слегка толкнув её в руку. — Теперь, когда ты не можешь отрицать тот факт, что ты суперзвезда, что ты собираешься делать?

Ребята ждали её ответа. Помимо наслаждения победой Брэдшоу, она не думала не о чём и сохраняла это момент совершенства. Но затем она поймала взгляд Райли напротив и улыбнулась. Она не могла объяснить, как ненависть группы девочек смогла сформироваться в доверие, как девочка, которой нечего предложить, могла привести, тренируя команду, к победе, или как мальчик, такой как Райли мог быть заинтересован в девочке, как она. Но если она была хороша, чтобы завоевать доверие всей команды, и достаточно хороша, чтобы быть тренером, может быть она была достаточно хороша, чтобы быть другом Райли и его девушкой.

Она рассмеялась над осознанием ответа на вопрос Джерри.

— Вот это.

Она сократила расстояние, отделяющее её от Райли, обняла его за шею и прижалась губами к его губам, наконец-то чувствуя себя равной ему. Она почувствовала его первоначальное удивление, но потом его руки крепко сжали её и он поцеловал её в ответ.

Ребята загудели в одобрении, и она услышала, как Джерри пробормотал: "Как раз вовремя".

Когда они отстранились друг от друга, Райли нахмурил брови в беспокойстве, когда посмотрел на неё.

— Эм? Что случилось? Почему ты плачешь?

Она не осознавала, что плакала, но потом почувствовала, как слёзы скатывались по её щекам и рассмеялась.

— Я не знаю.

— Я знал это. — Он поднял руки в поражении. — Я ужасно целуюсь.

Она засмеялась. Они все засмеялись.

— Нет, это не так, — сказала она. — Я думаю... — у неё ничего особенно не было, но когда она оглядела зал, то увидела празднующих девочек по команде, парней — её друзей — улыбающихся ей, табло, на котором горела надпись, что победила команда, в которой она играла и была тренером, и наконец, Райли.

Одна его рука была обернута вокруг её талии, не желая отпускать, а другой Райли вытер слёзы с её щек, ожидая её ответа.

— Я думаю, это не так уж плохо быть девчонкой, — сказала она. — Я думаю не так уж и плохо быть мной.

Нищенка. Неудачница. Бедняжка. Сорванец. Насколько она могла вспомнить, ярлыки определяли, кем она была, и какое будущее её ждёт. Может быть теперь, она может добавить несколько своих собственных ярлыков в список: Баскетбольный игрок. Тренер. Друг. Девушка. И возможно, просто возможно студентка колледжа.

Больше книг на сайте - Knigolub.net